Н. ОГАНОВСКІЙ.

АГРАРНАЯ ЭВОЛЮЦІЯ ВЪ РОССІИ ПОСЛѢ 1905 г.

162205.

СОДЕРЖАНІЕ:

1) Аграрный вопросъ въ Россіи за полвѣка.
2) Сельско-хозяйственный подъемъ въ XX вѣкѣ.
3) Земельный вопросъ и земельная реформа послѣ 1905 г.
4) Страничка изъ русской аграрной исторіи.

31

МОСКВА.
Тип. Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бул., Путинковскій пер., соб. домъ.
1917.

Аграрный вопросъ въ Россіи за полвѣка.

(1861—1911 гг.).

Со времени освобожденія крестьянъ прошло 56 лѣтъ. Это очень короткій срокъ для жизни стомилліоннаго народа, растущаго и развивающагося тысячелѣтіями. А между тѣмъ, за этотъ срокъ земледѣльческой Россіей пережито такъ много, хотя, вы—въ значительной степени, безплодно, что свести въ компактную статью итоги пережитаго представляется очень труднымъ дѣломъ.

Оглядывая съ высоты птичьяго полета пройденный русскимъ народомъ за полвѣка тяжелый и тернистый путь сельскохозяйственной эволюціи, можно теперь уже довольно отчетливо разсмотрѣть, что въ началѣ XX вѣка, около 1905 г., онъ раскалывается на двѣ части, на двѣ *эпохи*, значительно отличающіяся другъ отъ друга. Первая эпоха, охватывающая послѣднее сорокалѣтіе XIX вѣка, есть эпоха сельскохозяйственнаго *кризиса*, мучительной ликвидаціи старыхъ хозяйственныхъ формъ и поземельныхъ отношеній, сопровождавшаяся неурожаями, голодовками и массовымъ обнищаніемъ деревни. Но среди народныхъ страданій, сплошнымъ стономъ отозвавшихся въ лучшихъ твореніяхъ нашихъ великихъ поэтовъ и писателей—уже зарождались эмбріоны новаго фазиса аграрной эволюціи—фазиса, начинающагося обнаруживаться теперь, послѣ великой встряски 1905 г. Мы спокойно и увѣренно ждемъ, что въ этомъ фазисѣ, если не при насъ, то, по крайней мѣрѣ, при нашихъ дѣтяхъ, народъ самъ добудетъ себѣ, наконецъ, обѣщанное полвѣка назадъ сверху «домашнее благополучіе и благо общественное» и примѣръ западно-европейскихъ сосѣдей служитъ тому намъ порукой...

Два основныхъ процесса наиболѣе характерны для этой первой «ликвидаціонной» эпохи истекшаго пятидесятилѣтія: необычайно быстрый ростъ земледѣльческаго населенія и по-

чти такое же быстрое разрушеніе крупнопомѣстнаго, преимущественно дворянскаго землевладѣнія. Въ дореформенную эпоху, приблизительно въ 1830 г.г., число крѣпостныхъ крестьянъ пошло на убыль, не только относительную, но и абсолютную (съ 11,4 мил. д. м. п. въ 1836 г. до 9,8 мил. въ 1858 г.), объяснявшуюся, главнымъ образомъ, паденіемъ естественнаго прироста, вслѣдствіе ухудшенія экономическаго положенія и тяжести широко разросшагося барщиннаго труда. Послѣ освобожденія крестьяне, вновь закрѣпощенные платежами, круговой порукой и административной опекой, получили, въ сущности, одну свободу—свободу *размноженія*, и въ первое же десятилѣтіе послѣ ревизіи (1858—1867 г.г.), бывшіе помѣщичьи крестьяне увеличились на 15%, а за 50 лѣтъ все сельское населеніе Европейской Россіи почти удвоилось (54,8 мил. въ 1858 г. и 104,8 мил. въ 1910 г.). Убыстренный приростъ сельскаго населенія послѣ паденія крѣпостного права—явленіе типичное и для западно-европейскихъ странъ. Такъ, въ Пруссіи за 1817—43 г.г. число сельскихъ жителей увеличилось на 47%; то же самое было и въ Австріи передъ 48 годомъ; даже во Франціи, послѣ великой революціи и наполеоновскихъ войнъ, задержавшихъ приростъ, съ 1816 до 1817 г. населеніе поднялось на 30%, чего никогда не было ни до, ни послѣ этого періода. Одинаковыя причины порождали одинаковые результаты: развитіе производительности земли *отставало* отъ роста населенія, начинались голодовки и въ 40-хъ г.г. Рудольфъ Вагнеръ ѣздилъ по прусскимъ деревнямъ кормить голодающихъ, какъ у насъ врачи, профессора и «кающіеся дворяне» ѣздили въ 90-хъ годахъ. Оскудѣніе деревни создавало народное недовольство, которое и послужило одной изъ причинъ революціи 48 года въ Европѣ и 1905 г. у насъ. Послѣ революціи 48 года Европа вступила въ кризисъ промышленнаго развитія и интенсивнаго земледѣлія. Къ тому же, повидимому, идетъ дѣло и у насъ...

Быстро растущее крестьянское населеніе, выпущенное на волю съ урѣзанными на одну пятую надѣлами и удивительно непропорціонально распредѣленными повинностями, всей тяжестью падавшими на наиболѣе обездоленныхъ, съ первыхъ же лѣтъ почувствовало недостатокъ средствъ къ существованію, добываемыхъ отъ земли. Расчеты проф. Янсона показы-

вают, что тогда во многихъ мѣстахъ земля не окупала платежей, не то, что давала какіе-нибудь доходы. Восполнить недостатокъ средствъ соотвѣтственнымъ развитіемъ производительности земли,—добиться удвоенія урожаевъ крестьянство не могло, если бы и захотѣло, такъ какъ для такого развитія нужны три вещи—*капиталы, знаніе, свободныя права*, которыхъ никто крестьянамъ давать не собирался. Передъ ними лежалъ одинъ выходъ—расширеніе своего землевладѣнія и землепользованія и въ этомъ выходѣ они искали своего спасенія, жертвуя для него своимъ якобы «свободнымъ» трудомъ.

Расширенія территоріи своего землепользованія крестьяне достигали различными способами. Первымъ способомъ было *разселеніе* внутри Европейской Россіи (innere kolonisation). 50 лѣтъ назадъ однимъ изъ крупныхъ отличій Европейской Россіи отъ Западной Европы была различная степень населенности отдѣльныхъ районовъ, благодаря которой исторія Россіи, по выраженію Ключевскаго, превратилась въ исторію непрерывно колонизующейся страны. Съ конца XVI в. и до XX-го происходитъ «разсѣяніе» сельскаго люда, его «сползаніе» на югъ и востокъ, замѣтно усилившееся послѣ освобожденія. Съ 1858 года и до 1897 г. въ промышленномъ центрѣ деревенское населеніе увеличилось на 23,5%, въ земледѣльческомъ на 33,1%, а въ Новороссіи и на юго-востокѣ—на 98,3%. За полвѣка пустынныя, но плодородныя предкавказскія степи быстро наполнились: въ одну кубанскую область за 60-е годы прихлынуло 210 тыс. русскихъ поселенцевъ. Это огромное еще недостаточно учтенное разселеніе крестьянъ, нивеллировало уровень плотности въ разныхъ районахъ и всюду порождало сельскохозяйственный кризисъ—несоотвѣтствіе между быстро растущей плотностью и отсталыми экстенсивными системами хозяйства. Вотъ почему въ 1905 г. ощущеніе острой земельной нужды охватило сплошь всю Россію—ее почувствовалъ и самарецъ съ 8-десятиннымъ надѣломъ на душу и какой-нибудь курянинъ съ 1—2 десятинами и полтавецъ на своей полдесятинкѣ. Нашъ востокъ, несомнѣнно, до сихъ поръ еще не освободился отъ кризиса.

Вторымъ способомъ пополненія земельной нужды была покупка и аренда частновладѣльческихъ земель. Она давала крестьянамъ гораздо больше земли, чѣмъ внутреннее разселе-

ніе, но требовала отъ нихъ огромныхъ жертвъ деньгами и трудомъ. Это былъ основной источникъ самой горшей экономической кабалы на свѣтѣ—земельной кабалы. Земля—капиталъ, не созданный человѣческими руками, поддающійся захвату, доставляющій человѣчеству насущнѣйшія средства къ существованію, вездѣ и всюду, при извѣстныхъ политическихъ условіяхъ становится монополіей въ рукахъ господствующихъ классовъ, эксплоатирующихъ при ея посредствѣ массы трудящихся. Крѣпостное право выросло на почвѣ этой монополіи: пореформенная эпоха, черезъ которую красной нитью проходитъ *борьба за землю* между мелкими трудовыми земледѣльцами и крупными нетрудовыми землевладѣльцами, принесла первымъ побѣду. Но это была—Пиррова побѣда, высосавшая изъ крестьянъ, вѣроятно, не меньше средствъ и силъ, чѣмъ изъ нихъ высасывало дореформенное крѣпостное хозяйство. Къ концу 80-хъ г.г. крестьяне арендовали до 25 мил. дес. однѣхъ пашенъ и сѣнокосовъ и не менѣе, вѣроятно, болѣе 10 мил. дес. другихъ угодій. Не регулированная никакими законодательными нормами, выросшая на почвѣ безысходной земельной нужды, наша «голодная» аренда выродилась въ кабальныя формы, напоминавшія упраздненныя юридически крѣпостныя отношенія: крестьянинъ-арендаторъ превращался въ дарового господскаго батрака, обливавшагося потомъ въ страдную пору на господской нивѣ, въ то время, когда его собственный хлѣбъ осыпался на корню. Характерная для крѣпостной эпохи черта—крайне вредное для земледѣлія запаздываніе крестьянъ съ работами на собственныхъ надѣлахъ—повторяется и во второй половинѣ XIX вѣка. Это одна изъ причинъ пониженной урожайности крестьянскихъ полей сравнительно съ господскими.

Пока крестьянамъ не былъ открытъ ипотечный кредитъ—они вынуждены были довольствоваться арендой, вслѣдствіе чего арендныя цѣны въ первыя же десятилѣтія увеличились въ 5 и 10 разъ. Съ 1883 г. открывается Крестьянскій банкъ, давшій крестьянамъ еще одинъ выходъ на землю, но вслѣдствіе специфическаго задонія банку — поддержки помѣщиковъ, повышивавшій цѣны, которыя въ 60-хъ годахъ до 1909 г. поднялись вдесятеро—съ 17 рублей до 186 рублей. Понятно, что доходность земли за это время въ 7 разъ увеличиться не могла и, подобно арендѣ, покупка земли явилась однимъ изъ

средствъ экспропріаціи обезцѣненнаго труда крестьянъ въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ 1905 г. крестьянскія хозяйства трудового типа (до 50 дес.) пріобрѣли 16½ мил. дес. купчихъ земель.

Послѣднимъ выходомъ явилось переселеніе въ Азію. Извѣстно, какъ долго правительство, опасавшееся лишить помѣщиковъ дешевыхъ работниковъ и дорогихъ арендаторовъ, боявшееся само потерять плательщиковъ податей, противилось переселенію. Въ теченіе первыхъ 9 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянамъ было строго запрещено выписываться изъ сельскихъ обществъ, послѣ 9 лѣтъ хотя и разрѣшили выселяться, но на такихъ тяжелыхъ условіяхъ, которыя дѣлали переселеніе невозможнымъ. Желающіе переселяться должны были вернуть свой надѣлъ въ общество, очиститься отъ рекрутской повинности, уплатить всѣ недоимки и подати, обезпечить содержаніе остающимся роднымъ, получить согласіе новаго общества на пріемъ и, наконецъ, пріобрѣсти въ новомъ обществѣ не менѣе двухъ душевыхъ надѣловъ. Поэтому, до конца 80-хъ г.г. и внутреннее и внѣшнее (въ Азію) переселеніе было почти сплошь нелегальнымъ. Въ 1889 г. утвержденъ новый законъ,—новая насмѣшка надъ крестьянами: разрѣшеніе на переселеніе давалось съ согласія двухъ министровъ, а самовольныхъ переселенцевъ велѣно было возвратить на родину по этапу. Только съ началомъ постройки Сибирской желѣзной дороги открылась новая эра въ переселенческомъ дѣлѣ—эра болѣе или менѣе благожелательнаго отношенія правительства къ переселенцамъ. И, однако, нужда въ переселеніи у крестьянъ была такъ велика, что перепись 1897 г. насчитала въ Азіи 1½ милліона уроженцевъ Европейской Россіи и 1 милліонъ на Кавказѣ.

Намъ нечего подводить итогъ потерямъ и прибыткамъ русскаго крестьянства за эту первую эпоху послѣ освобожденія; итогъ этотъ, давно опредѣленный въ литературѣ однимъ терминомъ *оскудѣніе*, былъ подведенъ самими крестьянами въ волненіяхъ 1905 г.

Но оскудѣло не одно крестьянство: оскудѣніе захватило и другой классъ сельскохозяйственныхъ землевладѣльцевъ—помѣстное дворянство. Полученіе около полумилліарда выкупныхъ, полуторамилліардной залоговой ссуды черезъ Дворянскій банкъ (1.626 милліоновъ за 1886—1911 г., включая и

прежніе долги другимъ учрежденіямъ и лицамъ), и значительной части выданной крестьянамъ на покупку земель ссуды (1.232 мил. за 1883—1911 гг.),—всего до 3 милліардовъ не спасло дворянъ отъ потери почти половины ихъ земельной площади. По послѣднему офиціальному отчету о мобилизаціи земель (за 1907 г.) въ 1862 г., за вычетомъ отходящихъ къ крестьянамъ надѣловъ дворянамъ въ 45 губ. принадлежало 87 мил. десятинъ, въ 1907 г. изъ нихъ осталось около 48 милліоновъ. Дворянское *хозяйство*, быстро развившееся въ началѣ XIX в. на основѣ барщиннаго труда, ликвидировалось еще раньше, чѣмъ землевладѣніе. По словамъ Энгельгардта «большинство хозяйствъ въ теченіе 12 лѣтъ со времени реформы, успѣло уже прійти въ совершенное разстройство: множество хуторовъ совершенно запущены, а большинство помѣщиковъ, бросивъ имѣнія, убѣжало на службу. Проѣзжая по уѣзду и видя всюду запустѣніе и разрушеніе можно было подумать, что тутъ была война, нашествіе непріятеля» («Письма изъ деревни»). И въ послѣдующій періодъ помѣщичье хозяйство и землевладѣніе продолжало таять, какъ свѣча, зажженная съ двухъ концовъ—съ одного конца, вслѣдствіе сдачи земель крестьянамъ въ аренду, съ другого—благодаря ихъ окончательной распродажѣ.

Купцы, замѣнившіе дворянъ на короткій періодъ 60—70 г.г., скупившіе къ 1905 г. до 17 мил. дес., не долго хозяйничали въ развалинныхъ усадьбахъ: вырубивъ «вишневые сады» и рощи, поэксплоатировавъ нѣкоторое время окрестныхъ крестьянъ, они начали также распродавать свои имѣнія, и теперь купеческое землевладѣніе превратилось, по преимуществу, въ спекулятивное: купцы много покупаютъ, но еще больше продаютъ.

Въ общемъ итогѣ у частныхъ владѣльцевъ не-крестьянъ въ 1905 г. оставалась третья часть земель въ собственности, но только 9,5% собственныхъ посѣвовъ и 7,3% лошадей; свыше 90% всего количества посѣвовъ и лошадей, вѣроятно, соотвѣтственно этому и другихъ средствъ производства въ Россіи находилось у крестьянъ на надѣльной купчей и арендованной землѣ. Въ XX вѣкъ земледѣльческая Россія вступила подъ флагомъ *трудового крестьянскаго* хозяйства.

1905 г. принесъ крестьянству кое-какія облегченія: отмѣну выкупныхъ, болѣе широкую дѣятельность Крестьянскаго банка, расширившаго за 7 лѣтъ крестьянское землевладѣніе на 8,2 мил. дес.—настолько же, какъ за 23 предыдущихъ года, льготы переселенцамъ, перевалившимъ за Уралъ въ количествѣ 2½ милліоновъ и т. д. Эти облегченія составляли, конечно, каплю въ морѣ земельной и вообще экономической нужды крестьянъ и 1905 г. былъ для нихъ важенъ не этимъ. Главное значеніе его не въ непосредственныхъ матеріальныхъ результатахъ, а въ томъ, что онъ разбудилъ народное *самосознаніе и дѣятельность*. Нашъ періодъ «бури и натиска» былъ для крестьянъ полезенъ тѣмъ, что онъ разбилъ вѣковыя упованія на помощь сверху. «Вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ»—эта мечта, съ которой крестьяне рождались и умирали—вырвана съ корнемъ 1905 годомъ. Крестьяне, и не одни крестьяне, знаютъ теперь, что ни на кого, кромѣ себя самихъ, они разсчитывать не могутъ. И вотъ, послѣ того, какъ хотя и небольшое расширеніе землевладѣнія, переселеніе, хорошіе урожаи, развитіе городовъ и промышленности, за послѣдніе годы, дали крестьянамъ нѣкоторую передышку, они бодро берутся теперь за реорганизацію застарѣлой системы хозяйства: травосѣяніе, культуры, усовершенствованныя орудія, улучшенные пріемы обработки, сѣмена, удобренія, распространяются концентрическими кругами отъ сосѣда къ сосѣду, отъ села къ селу, захватывая съ поразительной быстротой самые различные районы. Крестьянство безповоротно вступаетъ на путь интенсификаціи, благо главнѣйшія условія для ея развитія—капиталы и знанія, хотя пока и въ недостаточныхъ размѣрахъ, уже имѣются налицо. Оборотные капиталы доставляются кооперативами, которые играютъ при этомъ огромную организаторскую роль. Не достаетъ еще необходимой свободы и полноты правъ; политическую власть не только въ центрѣ, но и на мѣстахъ удерживаетъ лишенное экономической опоры помѣстное дворянство. Но задуманная покойнымъ Столыпинымъ великая «реформа» показываетъ, насколько ясно понялъ само правительство, что, не имѣя экономической силы, политическая власть дворянскаго сословія виситъ въ воздухѣ, и даже не особенно сильный толчокъ можетъ ее разрушить.

Сознавая, что на такую шаткую основу опереться нельзя,

Столыпинъ рѣшилъ, расколовши крестьянъ землеустроительной реформой на два антагоническихъ класса, на «сильныхъ» и «слабыхъ», создать изъ «сильныхъ» экономически крѣпкій, хозяйственно прогрессивный и политически консервативный классъ частныхъ собственниковъ-хуторянъ. Теперь уже видно, что эта идея не осуществляется на дѣлѣ. Правительство пока достигло одного—сплошного разрушенія общины. Но характерно, что въ первую голову бросились на выдѣлъ не «сильные», а «слабые», малоземельные, оскудѣлые, упалые элементы деревни. На хутора—тамъ гдѣ природныя и экономическія условія благопріятны, именно на сѣверо-западѣ, крестьяне переходятъ сплошь, цѣлыми деревнями, тамъ, гдѣ неблагопріятны, въ черноземной полосѣ, они также цѣлыми деревнями развертываются на отруба и, если и разселяются, то отрубными поселками. На надѣльной землѣ вообще устраивается очень мало хуторовъ. На земляхъ Крестьянскаго банка хутора покупаются безземельными и малоземельными. Даже расширяющаяся съ каждымъ годомъ мобилизація надѣловъ, въ большинствѣ районовъ, снабжаетъ землей низшіе слои деревни. «Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно»—въ нашихъ экономическихъ условіяхъ, какія аграрныя реформы не придумывай—онѣ volens-nolens сведутся къ утоленію неизбывнаго земельнаго голода малоземельной массы. Только эта масса, обладающая огромнымъ запасомъ труда и сельскохозяйственнаго капитала, не цѣнящая его ни во что и жаждущая лишь покрытія своихъ элементарныхъ потребностей, охотно соглашается платить тѣ взвинченныя цѣны на землю, какія требуетъ съ покупателей Крестьянскій банкъ, щедро оплачивая скупленныя имъ дворянскія гнѣзда.

Итакъ, XX вѣкъ принесетъ, повидимому, въ сельскомъ хозяйствѣ окончательную побѣду *демократическимъ* трудовымъ элементамъ. Теперь, когда вмѣстѣ съ интенсификаціей самодѣятельность трудового населенія становится однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ аграрной эволюціи, на ряду съ демократизаціей произойдетъ, повидимому и *децентрализація* многихъ сторонъ аграрной политики. Мѣстныя земскія и общественныя учрежденія начинаютъ требовать передачи имъ мелліоративныхъ, ипотечныхъ и даже землеустроительныхъ операцій, и децентрализаторскія тенденціи довольно ярко

проявились на послѣднихъ съѣздахъ этого года. И если будущая земская реформа расширитъ хоть на іоту права крестьянъ въ мѣстномъ самоуправленіи, участіе ихъ въ земствахъ будетъ способствовать ихъ *политическому* воспитанію.

Такимъ или инымъ путемъ, но вслѣдъ за экономической и культурной эволюціей, неизбѣжно должна произойти политическая эволюція русскаго крестьянства. И, быть можетъ, благодаря этому, несмотря на нашу крайнюю политическую отсталость, на пиру торжествующей міровой дѣмократіи Россія займетъ не послѣднее мѣсто.

Сельско-хозяйственный подъемъ въ XX вѣкѣ. Развитіе производительныхъ силъ и малоземелье.

Весьма многіе экономисты, въ томъ числѣ и пишущій эти строки, сущность аграрной эволюціи усматриваютъ въ *развитіи производительныхъ силъ*. Но, установивши терминъ мы, какъ часто бываетъ, до сихъ поръ не можемъ столковаться на счетъ его пониманія.

Въ индустріи развитіе производительныхъ силъ, зависящее отъ техническаго прогресса, выражается въ увеличеніи суммы продуктовъ, при параллельно возрастающей производительности человѣческаго труда. Чѣмъ современнѣе машины и пріемы труда, тѣмъ больше ситца, сапогъ, гвоздей и проч. вырабатываетъ одинъ и тотъ же рабочій. Между машиной и человѣкомъ заключенъ дружескій союзъ—оба работаютъ, такъ сказать, «нога въ ногу».

Не то въ сельскомъ хозяйствѣ: здѣсь, кромѣ человѣка и бездушнаго, послушнаго автомата—машины, есть живая природа-земля. И вотъ, сплошь и рядомъ бываетъ, что производительность *земли* и производительность человѣческаго *труда* вступаютъ другъ съ другомъ въ антагонизмъ: урожаи растутъ, но каждый земледѣльческій работникъ добываетъ хлѣба все меньше и меньше. Это и есть пресловутый «законъ» убывающаго плодородія, вокругъ котораго уже 150 лѣтъ идутъ въ наукѣ ожесточенные споры. Сообразно съ различнымъ пониманіемъ этого закона, одни экономисты выдвигаютъ въ принципѣ развитія производительныхъ силъ на первый планъ производительность *земли*, т.-е. увеличеніе суммы продуктовъ, добываемыхъ съ единицы площади, другіе—производительность

труда, т.-е. увеличеніе количества продуктовъ, добываемыхъ однимъ работникомъ. Первая точка зрѣнія соотвѣтствуетъ *народно-хозяйственнымъ интересамъ*: въ интересахъ всего народа, взятаго въ цѣломъ—какъ совокупности потребителей, важно, чтобы количество хлѣба и мяса, добываемаго съ доступной земледѣлію площади данной страны или всего міра непрерывно возрастало, возрастало даже быстрѣе, чѣмъ растетъ населеніе—тогда каждый будетъ ѣсть болѣе сытно.

Во всѣхъ почти странахъ большую часть хозяйственныхъ продуктовъ производятъ теперь земледѣльцы трудового типа—крестьяне, фермеры, арендаторы и проч.

Крестьяне часть производимыхъ ими продуктовъ съѣдаютъ сами и скармливаютъ скоту, часть сбываютъ на рынокъ. Какъ потребители своихъ продуктовъ они такъ же, какъ и весь народъ, заинтересованы въ подъемѣ производительности земли; какъ *продавцы* своихъ продуктовъ въ томъ, чтобы получать наивысшій доходъ, т.-е. въ томъ, чтобы ихъ *трудъ* повыше оплачивался. Такимъ образомъ, въ крестьянскомъ хозяйствѣ *частно*-хозяйственные интересы, требующіе подъема производительности *труда*, должны гармонировать съ народно-хозяйственными, побуждающими къ подъему производительности *земли*; *въ этой гармоніи и лежитъ ключъ къ развитію производительныхъ силъ*.

Что культурное человѣчество, въ общемъ, двигается по направленію къ такой гармоніи, что «законъ» убывающаго плодородія, если онъ и существуетъ въ природѣ, побѣждается техническимъ прогрессомъ и въ сельскомъ хозяйствѣ показываетъ примѣръ Америки. Сельское хозяйство Соединенныхъ Штатовъ, которое до XX вѣка являлось, по мнѣнію однихъ, образцомъ высокой производительности труда, по мнѣнію другихъ—примѣромъ хищнической экстенсивной эксплоатаціи даровыхъ благъ природы, которая вскорѣ должна привести къ кризису—теперь благополучно перескочило черезъ надвигающійся кризисъ въ интенсивный фазисъ аграрной эволюціи. И, несмотря на полное паденіе прироста земледѣльческаго населенія, количество с.-х. продуктовъ замѣтно возросло, стало быть производительность с.-х. труда увеличилась при интенсификаціи. Въ Западной Европѣ уже давно, на ряду съ интенсификаціей, съ удвоеніемъ производительности земли, сельское на-

селеніе сокращается и относительно и абсолютно: въ Германіи 75 лѣтъ назадъ 3 земледѣльца кормили одного горожанина—теперь одинъ земледѣлецъ, при не особенно значительной поддержкѣ сосѣднихъ странъ, кормитъ 3-хъ горожанъ. Итакъ, сочетаніе *одновременнаго развитія производительности земли и труда*, которое мы наблюдаемъ въ культурныхъ странахъ Европы, составляетъ сущность *развитія производительныхъ силъ* въ сельскомъ хозяйствѣ. Задача создать такое гармоническое сочетаніе встала теперь во весь ростъ передъ сельскимъ хозяйствомъ Россіи.

Въ Россіи, благодаря цѣлому ряду неблагопріятныхъ экономическихъ и, въ особенности политическихъ факторовъ ея историческаго развитія,—въ земледѣліи и производительность земли, и производительность труда стоятъ на необычайно низкомъ уровнѣ.

	На 100 дес. *) обработанной земли приходится сельскаго населенія.	Урожайность главныхъ зерновыхъ хлѣбовъ въ пуд. (съ 1 дес.)
Европейская Россія	136	46
Великобританія	79	126
Германія	107	108
Франція	84	85
Австро-Венгрія	126	80

Судя по этой таблицѣ, производительность земли и труда земледѣльческаго населенія—въ два-три раза ниже, чѣмъ въ Западной Европѣ. Такъ дальше продолжаться не можетъ, не можетъ потому, что населеніе Россіи растетъ быстрѣе европейскаго, что городское населеніе, какъ и въ Европѣ, увеличивается вдвое быстрѣе, чѣмъ сельское,—и къ землѣ и къ земледѣльцамъ уплотнившееся населеніе и расширившійся рынокъ предъявляютъ повышенный спросъ. Роль рынка, какъ стимула къ *интенсификаціи*, очень важна: пока крестьянское хозяйство было натуральнымъ, оно нуждалось преимущественно въ зерновыхъ продуктахъ, а продукты интенсивной культуры—корнеплоды, масличныя растенія, травы, овощи, многомолочный и многомясной скотъ, какъ *рыночные*—для крестьянъ интересна

*) Данныя 1901-10 г. г.

не представляли. Только съ появленіемъ рынка становится возможной интенсификація и развитіе производительности труда *черезъ* подъемъ *производительности земли.*

Въ Россіи, однако, на дорогѣ сельскохозяйственнаго прогресса стоитъ одинъ барьеръ, который понемногу, съ ростомъ городовъ, растаялъ въ Западной Европѣ, а молодой Америкѣ совершенно не знакомъ. Барьеръ этотъ—крестьянское *малоземелье.*

Аграрный кризисъ былъ вызванъ, главнымъ образомъ, *безвыходностью* положенія русскаго крестьянства. Города и промышленность XIX в. развивались слабо, переселеніе въ Азію сначала запрещалось категорически, потомъ еле-еле терпѣлось, какъ неизбѣжное зло. Прикрѣпленные къ землѣ, скрученные по рукамъ и ногамъ круговой порукой и административно-полицейскимъ режимомъ, возростающіе въ чисто геометрической прогрессіи, лишенные тѣни агрономической помощи и всякой культуры, крестьяне могли дѣлать лишь то, что дѣлали: добывать изъ своей земли средства для продовольствія—зерновые продукты, сколько она могла дать въ такихъ условіяхъ, платить помѣщикамъ «голодныя» арендныя цѣны, голодать черезъ два года въ третій и, если не вымирать, то вырождаться физически. Безудержная распашка всѣхъ угодій, посѣвы однихъ и тѣхъ же зерновыхъ хлѣбовъ, безъ соотвѣтственнаго возстановленія почвеннаго плодородія, истощали землю, «голодныя» цѣны, ничтожные «сторонніе» заработки,—дѣвкамъ 7—8 копѣекъ, бабамъ пятналтынный въ день, мужику три гривны,—истощали крестьянъ. Тощала земля, тощали крестьяне, но тощали и капиталисты-землевладѣльцы. Это повальное всеобщее оскудѣніе явилось неотвратимымъ результатомъ колоссальнаго паденія производительности земледѣльческаго труда при микроскопически возрастающей производительности земли. Въ то время, какъ земледѣльческое населеніе за 50 лѣтъ болѣе чѣмъ удвоилось, урожайность поднялась не болѣе чѣмъ на 10—50%, а площадь посѣвовъ, дойдя до своего предѣла въ наиболѣе густо населенныхъ районахъ, даже пошла на убыль. Такъ во всей нечерноземной полосѣ въ 1860 г.г. было 33,5 млн. дес. пашни, въ 1881 г. только 28,8 млн. дес., въ земледѣльческомъ центрѣ процессъ сокращенія посѣвовъ наступилъ позднѣе—съ 1887 по 1905 г.; у крестьянъ 12 среднечерноземныхъ губ. посѣвная площадь упала на 652 тыс. дес.

Населеніе росло, а посѣвная площадь, при экстенсивныхъ системахъ земледѣлія, поневолѣ не могла расширяться, потому что истощенная земля переставала родить. Переходъ на интенсивныя системы былъ единственнымъ способомъ нащупать выходъ изъ земледѣльческаго кризиса, но этотъ выходъ для малоземельныхъ массъ былъ закрытъ. Закрытъ онъ для нихъ и въ настоящее время.

Вопросъ приспособляемости малоземельныхъ къ сельскохозяйственному прогрессу послужилъ темой оживленныхъ дебатовъ на послѣднемъ сельскохозяйственномъ съѣздѣ въ Кіевѣ (1913 г.). Признавъ въ качествѣ обобщающей формулы, что передъ общественной агрономіей сейчасъ поставлена жизнью одна общая задача реорганизаціи мелкаго хозяйства въ направленіи увеличенія его *производительности* и *интенсивности*, съѣздъ констатировалъ, что агрономія «обслуживаетъ, по преимуществу, относительно *обезпеченные землею слои населенія*».

Это дѣлается, конечно, помимо желанія агрономовъ, одинаково обслуживающихъ всѣ слои крестьянства: но малоземельная бѣднота въ силу своей неприспособленности къ интенсификаціи, агрикультурной помощью воспользоваться не въ состояніи. Возьмемъ, для примѣра того, какъ примѣняются нѣкоторые элементы болѣе интенсивнаго земледѣлія въ различныхъ, по обезпеченности землей, слояхъ деревни, данныя послѣднихъ переписей двухъ болѣе культурныхъ губ. Россіи—Псковской и Полтавской, какъ представительницъ нечерноземной и черноземной полосы Россіи.

Псковская губ., (3 уѣзд.,) Проценты хозяйствъ въ группахъ.

Группы хозяйствъ.	Примѣняющ. искусствен. удобрен.	Сѣющіе клеверъ въ полѣ.	Съ льномялками.	Съ плугами.
Безземельные . . .	3,6	0,7	2,6	2,9
им. до 5 дес.	3,80	4,6	15,0	19,5
« 5—10 дес..	33,0	9,0	20,2	23,5
« 10—15 » .	38,1	15,8	23,2	30,5
« 15—25 » .	48,1	23,2	32,5	37,9
« св. 25 дес. .	67,8	48,7	49,1	21,9

Полтавская губ. (всѣ непривиллегирован. сословія. На 100 хозяйствъ.

	На 100 дес. посѣвовъ полаг. корнеплодов. масличныхъ и травъ.	% хозяйствъ, примѣняющ. удобренія.	Жатокъ.	Съемокъ.	Пустовъ.
Безземельные ..	6,8	1.3	1,0	1,9	—
До 3 дес.	15,2	0,2	0,1	20,7	6,0
3—6 »	49,8	0,7	0,2	52,8	5,6
6—9 »	77,0	2,2	0,7	65,1	5,8
9—15 »	88,9	5,5	2,6	74,2	6,0
15—25 » 101,9		12,6	7,9	81,1	6,2
25—50 » 126,7		30,0	22,3	85,0	6,7
Свыше 50 дес. ..249,4		90,1	56,7	84,9	7,3

Въ любыхъ земскихъ переписяхъ мы найдемъ то же самое; чѣмъ малоземельнѣе хозяйство, тѣмъ меньше въ немъ примѣняются усовершенствованныя орудія, травосѣяніе, навозное и искусственное удобреніе—даже по трудоемкимъ культурамъ средніе и верхніе слои опережаютъ нижніе. Вообще всѣ элементы интенсивной агрикультуры растутъ по направленію отъ низовъ къ экономическимъ верхамъ. Такъ всегда бываетъ вначалѣ: идя по линіи наименьшаго сопротивленія, какъ говорили члены кіевскаго сельскохозяйственнаго съѣзда, интенсификація захватываетъ сначала болѣе зажиточные, болѣе культурные верхи деревни. Интересно, напримѣръ, отмѣтить, что слушатели многочисленныхъ теперь сельскохозяйственныхъ курсовъ, устраиваемыхъ земствами для крестьянъ, въ подавляющемъ большинствѣ, рекрутируются изъ малоземельныхъ слоевъ... Такъ въ Херсонской губ. 67% слушателей принадлежали къ хозяевамъ, имѣвшимъ болѣе 15 дес., въ уфимской болѣе 20 дес.—59%. Но, какъ показываетъ примѣръ Западной Европы, вслѣдъ за верхними слоями пріобщаются къ агрикультурѣ и средне-крестьянскія хозяйства. Такъ въ Германіи, въ группѣ хозяйствъ отъ 5 до 20 гектаровъ, количество имѣющихъ с.-х. машины въ 1895 г. соста-

вляетъ 45,8% всѣхъ, а въ 1907 г. уже 72,5%. Въ этотъ періодъ распространеніе усовершенствованныхъ машинъ шло въ среднихъ группахъ быстрѣе, чѣмъ въ верхнихъ, несомнѣнно въ связи съ широкимъ развитіемъ кооперативнаго движенія, но въ низшихъ группахъ и въ Западной Европѣ до сихъ поръ машины не примѣняются.

Малоземельные Западной Европы, либо почти совсѣмъ не занимаются сельскимъ хозяйствомъ, забрасывая свои участки подъ лѣсъ, сдаютъ подъ дачи, либо ведутъ садоводство, огородничество и другія высоко интенсивныя культуры. 72% хозяйствъ, имѣющихъ до двухъ гектаровъ, въ Германіи имѣютъ главный заработокъ на сторонѣ, 29%—отъ 2—5 гектаровъ. Въ Россіи производительность земли ниже, болѣе чѣмъ въ 2 раза: ясно, что у насъ и болѣе крупныя по площади хозяйства на ржи да овсѣ не прокормятся—вынуждены сплошь ударяться въ отходъ, бросая усадьбу и землицу на присмотръ бабамъ.

Говорятъ малоземельнымъ: пусть сажаютъ сады, огороды. Но вѣдь это рыночная культура, при томъ продукты ея мало транспортабельны и требуютъ близкаго мѣстнаго рынка. А гдѣ его взять, коли отъ большинства россійскихъ деревушекъ не то что до города—до желѣзной дороги 50-60 верстъ. Поэтому у малоземельныхъ хозяйство продовольственнаго типа, съ преобладаніемъ зерновыхъ культуръ, а такое хозяйство малоурожайно и малодоходно. Лучшія рабочія силы уходятъ на сторону, дома остаются лишь второсортные работники.

Въ силу необходимости, малоземельные обзаводятся земледѣльческими орудіями, скотомъ, постройками, вообще земледѣльческимъ капиталомъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ это необходимо для обработки небольшихъ площадей своей пашни. Благодаря непроизводительнымъ тратамъ, по расчету кн. Кудашева, въ хозяйствахъ менѣе 6 десятинъ чистый убытокъ на десятину равенъ, при экстенсивныхъ системахъ, 23 р. 45 к. при болѣе интенсивныхъ—11 р. 34 к.

Интенсификація невозможна безъ предварительной затраты капиталовъ: у малоземельныхъ почти весь бюджетъ складывается изъ «личныхъ» расходовъ—на средства существованія, заканчивается обычно съ дефицитомъ,—о нако-

пленіи какихъ-либо сбереженій, необходимыхъ для пріобрѣтенія усовершенствованнаго инвентаря, сѣмянъ, искуственнаго удобренія, говорить не приходится. Казалось бы, такъ быстро разрастающійся у насъ кооперативный кредитъ могъ бы помочь въ данномъ случаѣ: но дѣло въ томъ, что малоземельные, по тѣмъ даннымъ, которыя имѣются въ литературѣ, пользуются кооперетивнымъ кредитомъ въ два-три раза менѣе, чѣмъ остальныя группы. Скудно питаясь, живя въ невозможныхъ гигиеническихъ условіяхъ, малоземельные отличаются высокой смертностью, обиліемъ въ ихъ средѣ калѣкъ и больныхъ—признакомъ физическаго вырожденія и понижающейся трудоспособности. Наконецъ, безграмотность въ ихъ средѣ достигаетъ наивысшаго развитія.

Однимъ изъ самыхъ могучихъ рычаговъ сельскохозяйственнаго прогресса, по мнѣнію апостоловъ современной аграрной политики, является землеустройство. Но даже оффиціальный представитель землеустроительства Лосфотъ утверждаетъ категорически, что переходъ къ хуторскому хозяйству «не помогаетъ малоземельнымъ» (см. «Борьба съ черезполосицей»). Во-первыхъ, хуторяне теряютъ сторонніе заработки, безъ которыхъ малоземельные не могутъ существовать, во-вторыхъ, что еще важнѣе—при переходѣ на хутора и отруба они теряютъ общія пастбища. Такъ какъ у нихъ сравнительно съ площадью полевого надѣла бываетъ обычно больше скота, чѣмъ у среднихъ и многоземельныхъ, то потеря общихъ пастбищъ заставляетъ ихъ сокращать скотоводство, играющее въ ихъ бюджетѣ столь значительную роль, что такое сокращеніе можетъ совершенно выбить ихъ изъ дѣла и заставить бросить сельское хозяйство совсѣмъ. По мнѣнію А. Н. Минина (см. докладъ на кіевскомъ съѣздѣ) «бѣдняковъ ожидаетъ съ переходомъ къ единоличному владѣнію такой колоссальный переворотъ въ ихъ хозяйствѣ, который немногіе сумѣютъ пережить». На отрубахъ «со скотиной дѣваться некуда».

Такимъ образомъ, ни интенсификація, ни кооперативное движеніе, ни землеустройство—эти три наиболѣе яркія проявленія наступающаго переворота въ хозяйственномъ укладѣ нашей деревни, не могутъ коснуться малоземельныхъ. Имъ

остается одно изъ двухъ: либо побѣдить въ «борьбѣ за землю», либо погибнуть. Чудодѣйно исторія дала имъ теперь небывалую побѣду.

Эволюція земледѣлія.

Въ короткой статьѣ невозможно ни всестороннее изложеніе поступательнаго хода сельскаго хозяйства въ Россіи, ни обстоятельный анализъ причинъ и условій его развитія; невозможны не только потому, что это—вообще очень большой и сложный вопросъ, но и вслѣдствіе разнообразія природной и экономической обстановки разныхъ районовъ нашего огромнаго отечества. Поэтому мы ограничимся характеристикой нѣсколькихъ, наиболѣе на нашъ взглядъ существенныхъ, моментовъ въ сельскохозяйственной эволюціи и заранѣе просимъ извиненія передъ читателями за нѣкоторую несистематичность изложенія.

Мы не склонны отрицать, что въ Россіи сельское хозяйство, вообще, развивается и притомъ наиболѣе замѣтно послѣ 1905 г., но прогрессъ этотъ происходитъ, въ значительной мѣрѣ, стихійно; независимо отъ планомѣрнаго воздѣйствія правительства и другихъ общественныхъ организацій, а потому даетъ, сравнительно, незначительные результаты. При этомъ ходъ сельскохозяйственной эволюціи различенъ въ разныхъ областяхъ.

Россія, какъ опредѣлялъ недавно умершій историкъ В. О. Ключевскій, есть страна непрерывной колонизаціи. Изъ ранѣе заселенныхъ, болѣе культурныхъ областей, населеніе постоянно перетекало и перетекаетъ до сихъ поръ въ области, позднѣе присоединенныя къ Россіи, на югѣ и на востокѣ, менѣе населенныя и менѣе культурныя. Поэтому, въ настоящее время, различныя области Россіи находятся на разныхъ ступеняхъ сельскохозяйственнаго развитія, въ зависимости отъ плотности земледѣльческаго населенія, уровня общей культурности, развитія городской жизни и физико-географическихъ условій. Въ общемъ, сельское хозяйство эволюціонируетъ по направленію съ востока на западъ и отъ южныхъ окраинъ къ центру. Чтобы показать наглядными цифрами направленіе эволюціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ не обременять чита-

телей большими таблицами, мы раздѣлимъ Европейскую Россію (съ Польшей) на 4 части: въ 1-ю отнесемъ лежащія на западныхъ окраинахъ польскія и остзейскія провинціи; во вторую—западно-русскія области, т.-е. Малороссію, Бѣлоруссію, а также Литву; въ третью—центральныя, промышленныя и земледѣльческія губерніи, и, наконецъ, въ четвертую—лежащія на восточныхъ, южныхъ и сѣверныхъ окраинахъ Для сопоставленія мы возьмемъ только распредѣленіе посѣвныхъ культуръ, раздѣливши ихъ на двѣ группы (зерновые хлѣба и прочія культуры—корнеплоды, травы, бобовыя, масличныя, какъ признакъ болѣе интенсивнаго земледѣлія), урожайность и плотность сельскаго населенія по отношенію къ посѣвной площади. Тогда получится такая картина (по среднимъ даннымъ за 1901—10 гг.) [1]).

Области.	Распредѣленіе полевыхъ культуръ въ %		Урожай зерновыхъ хлѣбовъ на 1 дес. въ пудахъ	На 100 дес. посѣва приходится сельскаго населенія обое о пола
	Зерновые хлѣба	Корнеплоды, травы, масличн. бобов.		
Польша и Остзейскія провинціи	69,5	30,5	60,5	161
Западно-русскія области.	84,3	15,7	52,8	176
Центральныя области. .	89,1	10,9	45,5	156
Восточныя, южныя и сѣв.	96,5	3,5	42,1	98
Всего Евр. Рос. (60 губ.)	88,9	11,1	45,9	140

Эта небольшая таблица очень наглядно характеризуетъ какъ стихійное вліяніе плотности сельскаго населенія, такъ и воздѣйствіе раціональныхъ пріемовъ агрикультуры на производительность сельскаго хозяйства. Мы видимъ, что наши западныя окраины—Польша и Остзейскій край, уже совсѣмъ разстались съ зерновой трехпольной системой полеводства и процентъ болѣе интенсивныхъ культуръ въ пашнѣ у нихъ близокъ къ таковому же въ сосѣднихъ провинціяхъ Германіи.

---

[1]) Сельское населеніе взято за 1910 г.; площадь кормовыхъ травъ, за неимѣніемъ позднѣйшихъ данныхъ, взята за 1901 г.

Благодаря такой относительно прогрессивной системѣ земледѣлія, несмотря на меньшую плотность и худшее, въ общемъ, качество почвы, урожаи зерновыхъ хлѣбовъ въ этихъ провинціяхъ на 15% превышаютъ урожаи западно-русскихъ областей. Меньшая плотность указываетъ на меньшія затраты физическаго труда, при которыхъ повышеніе урожайности представляетъ исключительно результатъ болѣе интенсивной агрикультуры.

Въ западно-русскихъ областяхъ еще преобладаютъ въ сѣвооборотѣ зерновые хлѣба: нѣкоторое повышеніе урожаевъ сравнительно съ центральными (на 16%) объясняется, главнымъ образомъ, болѣе высокой плотностью, т.-е. большими затратами труда (превышеніе плотности центра на 15,2%). Уплотненіе населенія идетъ въ уровень съ возрастаніемъ продукціи зерновыхъ хлѣбовъ.

Нашъ «оскудѣвшій» центръ замѣтно отстаетъ отъ западной половины Россіи. Въ большинствѣ губерній еще сохраняется въ неприкосновенности зерновой трехпольный сѣвооборотъ: истощеніе почвы, плодородіе которой не возстанавливается удобреніемъ остаточной силы, приводитъ къ тому, что, при повышеніи плотности сравнительно съ восточными и южными областями на 59%, урожайность здѣсь выше только на 8%. Въ то время какъ на югѣ и востокѣ на душу сельскаго населенія приходится 42 пуда урожая зерновыхъ хлѣбовъ, въ центральныхъ областяхъ—только 26 пудовъ. Но и на восточныхъ и южныхъ окраинахъ, эта, сравнительно, высокая продуктивность земледѣльческаго труда—результатъ не человѣческаго искусства, а естественнаго богатства почвы, которое за послѣдніе годы начинаетъ колебаться. Сокращеніе запасовъ цѣлинныхъ степей, подвергающихся безграничной широкой распашкѣ, посѣвы пшеницы, повторяющіеся изъ года въ годъ безъ всякаго правильнаго сѣвооборота, уже привели къ учащенію неурожаевъ. Если хищническая эксплоатація почвы не будетъ замѣнена болѣе раціональными пріемами, наши восточныя и южныя окраины—эта житница Россіи и Европы, колонизація которой, въ сущности, произошла только 50 лѣтъ назадъ, вступятъ въ полосу сельскохозяйственнаго кризиса, пережитаго съ такимъ трудомъ и потерями земледѣльческимъ центромъ въ 1890-хъ гг.

Съ теченіемъ времени производство зерновыхъ хлѣбовъ отодвигается все дальше на востокъ; на западѣ и въ центрѣ площадь подъ ними или сокращается, или остается безъ измѣненія, зато увеличиваются посѣвы болѣе интенсивныхъ культуръ. Сравнимъ по очерченнымъ выше территоріямъ Европейской Россіи измѣненія площади зерновыхъ культуръ, картофеля, льна и свекловицы въ пятилѣтія 1901—5 и 1906—10 г.г. [1]) въ тысячахъ десятинъ).

	Зерновые хлѣба.			Картофель.		Свекловица.		Ленъ.	
		Тыс. дес.	Разница въ %	Тыс. дес.	Разница въ %	Тыс. дес.	Разница въ %	Тысячъ десятинъ	
Польша и Осзейскія провинціи.	$190^1/_5$ 5172 $190^6/_{10}$ 5187	+0,3	956 1047	+9,6	$55^1/_2$ 55	—0,9	130 125	—3,9	
Западно-русскія области:	$190^1/_5$ 15552 $190^6/_{10}$ 15130	—2,7	1053 1150	+7,3	351 385	+9,8	256 227	—11,5	
Центральныя.	$190^1/_5$ 25395 $190^6/_{10}$ 25448	+0,2	1181 1252	+5,9	72 87	+21,1	623 603	- 3.3	
Восточныя, южныя и сѣверныя.	$190^1/_5$ 27043 $190^6/_{10}$ 28974	+7,2	340 328	—3,4	9,2 8,7	—5,4	356 275	—22,7	
Всего Европ. Россія.	$190^1/_5$ 73162 $190^6/_{10}$ 74740	+2,2	3510 3757	+6,4	487 536	+10,0	1365 1229	—10,0	

Увеличеніе площади зерновыхъ хлѣбовъ наблюдается исключительно въ южныхъ и восточныхъ областяхъ, гдѣ, благодаря усиленному переходу имѣній отъ крупныхъ владѣльцевъ къ крестьянамъ, эти послѣдніе получили возможность расширить свои запашки. Въ центрѣ и на западѣ уже распахана вся площадь, доступная земледѣлію, мобилизація земель здѣсь болѣе слаба и возрастающее земледѣльческое населеніе можетъ добиться удовлетворенія своихъ элементарныхъ потребностей только посредствомъ развитія производительности земли: а это послѣднее достижимо лишь при переходѣ отъ трехполья и посѣва зерновыхъ злаковъ къ многопольнымъ системамъ съ введеніемъ въ сѣвооборотъ разнообразныхъ ра-

[1]) Къ сожалѣнію, относительно другихъ интенсивныхъ культуръ свѣдѣній не имѣется.

степей, чему препятствуетъ распространенное въ этихъ областяхъ маловемелье, заставляющее крестьянъ засѣвать свои маленькіе надѣлы сплошь продовольственными хлѣбами; поэтому агрикультурная дѣятельность правительственныхъ и земскихъ органовъ должна здѣсь итти параллельно съ мѣропріятіями соціально-экономическаго характера, смягчающими остроту земельной нужды.

Еще значительнѣе, чѣмъ на востокѣ Европы, ростъ зерновыхъ посѣвовъ въ Азіатской Россіи: въ 11 азіатскихъ губерніяхъ площадь посѣвовъ увеличилась за два указанныхъ пятилѣтія съ 8680 тыс. дес. до 10822 тыс. дес.—на 12,5%, тогда какъ на востокѣ и на югѣ Европы—всего на 7,2%. Европейскій востокъ и Азія берутъ на себя миссію подкармливать Россію и Европу до тѣхъ поръ, пока кризисъ экстенсивнаго земледѣлія, въ связи съ уплотненіемъ населенія, не заставитъ правительство кормить голодающихъ крестьянъ нашихъ окраинъ, что уже имѣло мѣсто въ 1911 г.

Взамѣнъ зерновыхъ хлѣбовъ, западныя области отводятъ свои пашни подъ картофель, свеклу, кормовыя травы и пр. По всей имперіи площадь подъ картофелемъ и свекловицей росла такимъ образомъ:

Тыс. десятинъ.

	Подъ картофелемъ.	свекловицей.
1896 г.	3081	318
1901 г.	3604	510
1906 г.	3739	523
1911—12 г.	4314	712
Приростъ за 1896 –1912 г. (въ %)	40	123,9

Систематичность возрастанія не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ устойчивости сельскохозяйственнаго прогресса въ этомъ отношеніи. Особенно увеличились посѣвы свекловицы, причемъ надо замѣтить, что крестьяне въ данномъ случаѣ начинаютъ опережать крупныхъ владѣльцевъ: въ 1904 г. площадь свекловицы у крестьянъ составляла 14,6% всей площади, въ 1910 г.—21,6%. Культура свекловицы требуетъ

большихъ затратъ ручного труда, запасы мускульной энергіи у крестьянъ въ избыткѣ—имъ не хватаетъ лишь оборотныхъ средствъ и умѣнья. Теперь свекло-сахарные заводы начинаютъ все чаще обращаться къ крестьянамъ въ свекловичныхъ районахъ, выдаютъ имъ ссуды и обучаютъ ихъ разведенію и уходу за этимъ растеніемъ. Конечно, заводчики не упускаютъ случая эксплоатировать крестьянъ и общественнымъ организаціямъ слѣдовало бы взять это дѣло въ свои руки.

Льноводство—этотъ распространенный еще въ средніе вѣка промыселъ крестьянъ русскаго сѣверо-запада и промышленнаго центра—начинаетъ приходить въ упадокъ. Сокращеніе посѣвовъ льна происходитъ систематически съ середины 1890-хъ гг.: въ 1896 г. площадь подъ льномъ равнялась 2036 тыс. дес., 1901 г.—1635 тыс., 1906 г.—1386 тыс. и 1910 г.—1320 тыс. Но съ 1911 г. это паденіе пріостановилось и въ 1912 г. площадь льна увеличилась до 1411 тыс. дес. Въ промышленномъ центрѣ, гдѣ льноводство наиболѣе распространено, ему помогло развитіе травосѣянія. Ленъ послѣ клевера даетъ хорошій урожай и крестьяне охотно стали возвращаться къ его культурѣ, тѣмъ болѣе, что и условія сбыта улучшились. Въ губерніяхъ промышленнаго центра посѣвы льна возросли съ 443 тыс. дес. въ 1901—5 гг. до 491 тыс. въ 1912 г., т. е. на 11%.

Изъ другихъ интенсивныхъ культуръ чрезвычайно быстро развивалось хлопководство. Площадь подъ хлопкомъ въ имперіи за 6 лѣтъ увеличилась почти впятеро (съ 107 тыс. дес. въ 1906 г. до 492 тыс. въ 1912 г.). Но развитію хлопководства въ Туркестанѣ мы въ гораздо большей степени обязаны туземцамъ, чѣмъ русскимъ переселенцамъ. Только въ Закавказьи русскіе идутъ по хлопководству впереди туземцевъ. Среди закавказскихъ переселенцевъ очень много сектантовъ, принадлежащихъ къ раціоналистическимъ толкамъ, а члены раціоналистическихъ сектъ являются наиболѣе культурнымъ, трезвымъ и работоспособнымъ элементомъ нашего крестьянства. Въ послѣдніе годы усилилась реакція политическая и религіозная—и на-дняхъ въ газетахъ появилось извѣстіе, что послѣдователи одной изъ распространенныхъ на Кавказѣ сектъ—новаго Израиля, по примѣру духоборовъ, спѣшно ликвидируютъ свои дѣла и уѣзжаютъ въ Америку.

Быстрымъ темпомъ идетъ эволюція *маслодѣлія* и молочнаго дѣла вообще какъ въ Западной Сибири, такъ и въ сѣверной нечерноземной половинѣ Россіи. По желѣзнымъ дорогамъ перевезено молочныхъ продуктовъ въ 1901 г. 9 мил. пудовъ, въ 1911 г.—16 мил. Представляющее одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій русской с.-хозяйственной жизни, сибирское маслодѣліе, построенное на кооперативныхъ началахъ, все-таки стоитъ еще не на твердой почвѣ, потому что скотъ содержится больше на пастбищахъ, чѣмъ въ стойлахъ, а это возможно только при крестьянскомъ многоземельи. Сокращеніе земельнаго простора и вздорожаніе кормовъ, по словамъ А. М. Мелкихъ, препятствуютъ дальнѣйшему развитію маслодѣлія: необходимъ переходъ къ болѣе заботливому уходу за скотомъ и улучшенію его породы, а это «не по силамъ новымъ культуртрегерамъ» — переселенцамъ — это, «можетъ быть, даже выше ихъ пониманія».

Въ нечерноземной полосѣ Европейской Россіи, гдѣ маслодѣліе растетъ параллельно съ травосѣяніемъ и нѣкоторымъ качественнымъ улучшеніемъ скота, его успѣхъ можно считать болѣе обезпеченнымъ, но ростъ маслодѣлія сталъ замѣтнымъ тутъ только въ самые послѣдніе годы.

Относительно *травосѣянія* мы имѣемъ массовыя свѣдѣнія только за 1881 и 1901 гг. За эти 20 лѣтъ площадь подъ кормовыми травами расширилась (въ 50 губ.) вдвое (съ 541 тыс. дес. до 1086 тыс.), причемъ у крестянъ нѣсколько больше, чѣмъ у крупныхъ владѣльцевъ. О позднѣйшемъ времени есть данныя только по нѣкоторымъ губерніямъ, изъ которыхъ можно заключить, что существенный прогрессъ травосѣянія происходитъ, главнымъ образомъ, въ нечерноземной полосѣ. Такъ, въ Московской губ., въ 1909 г. площадь крестьянской надѣльной земли, на которой заведенъ правильный, преимущественно, четырехпольный сѣвооборотъ съ травосѣяніемъ, составляла 31% всей территоріи надѣловъ, тогда какъ до 1890 г. здѣсь не было ни одного селенія съ правильнымъ травосѣяніемъ. Недавно опубликованная перепись 303 селеній показала, что, благодаря травосѣянію, у крестьянъ увеличилось количество и улучшилось качество скота какъ рабочаго, такъ и молочнаго. Въ губерніяхъ промышленнаго центра до 1910 г. перешло къ правильному общественному

травосѣянію около 4000 селеній. Интересно отмѣтить, что промышленнаго центра, менѣе чѣмъ другихъ областей, коснулся законъ 9-го ноября, разрушающій общинное землевладѣніе. Весьма многіе изслѣдователи этого района признаютъ, что община не препятствуетъ, а *содѣйствуетъ* введенію регулярнаго травосѣянія: разъ большинство членовъ общины постановитъ переходъ къ новому улучшенному сѣвообороту, связанному съ переверсткой полей (съ 3 на 4), то меньшинство обязано подчиниться этому постановленію. Теперь же, частные собственники, не выдѣлившіе своихъ полосъ изъ общинныхъ полей (а, какъ увидимъ дальше—такихъ большинство), имѣютъ право протестовать противъ нарушенія ихъ воли и уже часто раздаются жалобы, что переходъ къ личной собственности тормозитъ дальнѣйшее распространеніе травосѣянія. Вообще, если община, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, задерживаетъ иниціативу отдѣльныхъ лицъ, стремившихся къ хозяйственнымъ улучшеніямъ [1]), то при *массовомъ* переходѣ къ новымъ системамъ земледѣлія общинный строй подталкиваетъ болѣе отсталыхъ и этимъ оказываетъ агрикультурѣ незамѣнимыя услуги.

Въ черноземной полосѣ травосѣяніе пока развивается слабо, что зависитъ какъ отъ техническихъ причинъ—отъ необходимости введенія иныхъ кормовыхъ травъ, чѣмъ на сѣверѣ, а въ этомъ отношеніи накопилось еще мало опыта, такъ и отъ экономическихъ—отъ сильно развитого здѣсь малоземелья. Малоземельные крестьяне постоянно жалуются: «не на чемъ хлѣбъ сѣять, не только что траву», и жалобы эти имѣютъ свои вѣскія основанія. Переходъ къ травосѣянію требуетъ сокращенія площади подъ зерновыми хлѣбами и, пока вліяніе болѣе раціональнаго сѣвооборота не скажется повышеніемъ урожайности (а это происходитъ не сразу), до тѣхъ поръ малоземельные, и теперь вынужденные прикупать хлѣбъ для пропитанія, будутъ голодать.

---

[1]) Напримѣръ, тамъ гдѣ удобреніе развито слабо, нѣкоторые крестьяне заявляютъ, что они не употребляютъ удобренія потому, что при новомъ передѣлѣ ихъ удобренныя полосы отойдутъ къ другимъ; или они не могутъ ввести въ сѣвооборотъ болѣе интенсивныя культуры, потому что послѣ уборки хлѣба пахотныя поля превращаются въ пастбище и т. д.

На юго-западѣ, повидимому, возможенъ непосредственный переходъ къ плодосмѣну съ большимъ количествомъ корнеплодовъ. Вообще, въ зависимости отъ физико-географическихъ и экономическихъ условій, можно ожидать въ ближайшемъ будущемъ организаци въ разныхъ областяхъ различныхъ системъ земледѣлія и сѣвооборотовъ.

Весьма отрадное явленіе представляетъ широкое распространеніе усовершенствованныхъ орудій: въ 1895 г. въ Россію ввозилось с.-хоз. орудій и машинъ на 5,5 мил. руб., 1900 г.—13,9, 1905 г.—20,2, а въ 1911 г.—на 57,5 мил. Послѣднее шестилѣтіе выдѣляется рѣзкимъ подъемомъ вверхъ. Въ 1911 г. стоимость внутренняго производства земледѣльческихъ машинъ достигла 61,5 мил. руб., такъ что общая сумма вышущенныхъ на русскій рынокъ улучшенныхъ орудій достигла 119 милліоновъ. Въ цѣломъ рядѣ губерній крестьяне совсѣмъ забросили соху и перешли на плуги. Плужная обработка развивается и въ нечерноземной, и въ черноземной полосѣ. Въ Полтавской губ. «соха вывелась и въ настоящее время плуги имѣютъ даже бѣднѣйшіе крестьяне». Изъ другихъ орудій особенно распространяются молотилки, для пользованія которыми крестьяне соединяются въ артели, а на югѣ и востокѣ—жнейки и косилки, пріобрѣтаемыя сотнями въ многоземельныхъ районахъ, даже киргизами въ степяхъ.

По публикаціямъ центрально-статистическаго комитета, относящимся къ 1910 году, насчитывалось:

желѣзныхъ плуговъ	6012 тысячъ *).
сѣялокъ	354,5
жатокъ	811
конныхъ молотилокъ	550
паровыхъ	27,1
косилокъ	200
вѣялокъ	2099

Въ 1900 году ввозилось въ Россію с.-х. машинъ на 14 мил. руб., а въ 1912 г. на 57,9 мил.

Значительно хуже обстоитъ дѣло съ минеральнымъ удобреніемъ, потребленіе котораго, хотя и выросло съ 23 милл.

*) Сохъ и деревянныхъ плуговъ 11836 тыс.: на двѣ сохи приходится уже одинъ желѣзный плугъ.

пуд. въ 1908. г. до 56 мил. пуд. въ 1911 г., при чемъ одинъ только привозъ изъ-за границы поднялся съ 10,1 мил. пудовъ, до 26,4 мил. пудовъ въ 1911 г. и до 34,4 мил. пудовъ въ 1912 г., но сравнительно съ необъятными пространствами россійскихъ пашенъ, представляетъ микроскопическую величину. Что, въ самомъ дѣлѣ, значитъ какихъ-нибудь 829 хозяевъ, употребляющихъ въ Полтавской губ. форфориты, калійныя и азотистыя удобренія, когда всѣхъ земледѣльческихъ хозяйствъ въ этой губерніи 457,000. Въ Германіи при вчетверо меньшей посѣвной площади было израсходовано въ 1907 г. искусственныхъ удобреній 328 мил. пудовъ. Чтобы догнать Германію въ этомъ отношеніи, намъ нужно увеличить искусственное удобреніе въ 24 раза.

Эволюція скотоводства.

Если въ земледѣліи нѣкоторые элементы болѣе интенсивныхъ системъ и пріемовъ проявились болѣе или менѣе отчетливо, то на другой важнѣйшей отрасли сельскаго хозяйства—*животноводствѣ* агрикультурный переворотъ совсѣмъ не успѣлъ еще отразиться, по крайней мѣрѣ такъ выходитъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ.

Количество домашнихъ животныхъ въ тысячахъ въ 60 губ. Европейской Россіи.

	Въ 1900 г.	1912 г.	Измѣн. въ % (+ или—)
Лошадей . . .	21136	22337	+5,7
Крупн. рог. ск.	34484	32842	—4,8
Овецъ и козъ .	51479	37531	—27,1
Свиней	13163	11132	—15,4

Паденіе овцеводства—фактъ, наблюдающійся не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ, гдѣ онъ является естественнымъ послѣдствіемъ интенсификаціи. Широко поставленное овцеводство немыслимо безъ обширныхъ пастбищъ и крупныхъ хозяйствъ—по мѣрѣ развитія сельскохозяйственной эволюціи пастбища распахиваются и замѣняются искусственными лугами, а крупныя хозяйства дробятся. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вымирающую овцу вытѣснитъ болѣе производитель-

ная корова. У насъ, однако, при самыхъ очевидныхъ признакахъ рѣзкаго паденія овцеводства [1]), приведенныя сейчасъ цифры показываютъ, что и количество крупнаго рогатаго скота также идетъ на убыль—сельское населеніе остается безъ овецъ и безъ коровъ. Падаетъ также и свиноводство, обычно идущее рука объ руку съ интенсивнымъ хозяйствомъ. Въ достовѣрности оффиціальныхъ цифръ можно сильно сомнѣваться, но земскія переписи, имѣющіяся по нѣкоторымъ губ., показываютъ, что, дѣйствительно, положеніе скотоводства у насъ нельзя считать нормальнымъ. Такъ въ Полтавской губ., въ которой послѣдняя перепись 1910 г. дала несомнѣнные признаки значительной эволюціи чистаго земледѣлія, въ видѣ увеличенія площади посѣвовъ трудоемкихъ культуръ на 50%, развитія удобренія, примѣненія усовершенствованныхъ орудій (плуговъ съ 121 тыс. до 217 тыс., сѣялокъ съ 2 тыс. до 15 тысячъ, жатокъ съ 2,6 тыс. до 11,6 тыс. и т. д.), именно количество крупнаго рогатаго скота упало, коровъ съ 354,000 до 331,000, воловъ—съ 259,000 до 170,000. Волы замѣняются лошадьми, увеличившимися въ Полтавской губ. на 75,000, но паденіе числа коровъ—симптомъ, указывающій на неблагопріятное состояніе самаго культурнаго вида скотоводства. И это не въ одной Полтавской губ. По даннымъ Московской губ., гдѣ въ одной Москвѣ количество жителей за послѣднее пятилѣтіе выросло на 270,000, и соотвѣтственно увеличилась емкость молочнаго рынка, гдѣ травосѣяніе развивается, какъ нигдѣ въ Россіи, въ 1901 году числилось 282,000 головъ крупнаго рогатаго скота, а въ 1911 году—290,000. Число лошадей за это время даже сократилось (съ 183,000 до 175,000). Наконецъ въ Саратовской губ. въ скотоводствѣ частновладѣльческихъ помѣстій, описанномъ въ 1902 и 1910 гг., произошелъ полный разгромъ: за эти 8 лѣтъ количество лошадей сократилось на 39%, рогатаго скота на 40%, овецъ на 69%. Уменьшеніе общаго количества скота продолжается и по сію пору: съ 1911 г. до 1913 года число лошадей уменьшилось съ 573 тыс., до 541 тыс., рог.

*) Съ 1880-хъ г. г. до 1910 г. число тонкорунныхъ овецъ упало съ 15 мил до 5, вывозъ мериносовой шерсти за границу сократился съ 2,5 мил. пудовъ до 580 тыс.. а ввозъ увеличился съ 560 тыс. до 3060 тыс.

скота—съ 838 тыс., до 733 тыс., овецъ—съ 1846 тыс., до 1723 тыс.

Очевидно, что если земледѣліе кое-гдѣ и начинаетъ выходить изъ состоянія кризиса зернового трехполья, скотоводство—въ разныхъ мѣстахъ отъ разныхъ причинъ, еще переживаетъ критическое состояніе. А между тѣмъ первостепенной задачей общественной агрономіи у насъ является превращеніе нашего сельскаго хозяйства изъ преимущественно зернового и земледѣльческаго въ сѣменное, скотоводческо-земледѣльческое и въ плодоперемѣнное. Интенсификація земледѣлія немыслима безъ соотвѣтственнаго развитія скотоводства, ибо кормовыя травы, отбросы корнеплодовъ, стебли кукурузы и проч. побочные продукты интенсивныхъ культуръ могутъ быть раціонально использованы лишь при наличности достаточнаго количества продуктивнаго скота. Единоличное землеустройство, заставляющее, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, ликвидировать вслѣдствіе уменьшенія пастбищъ, значительную долю скота (въ особенности мелкаго) у хуторянъ, играетъ, вѣроятно, извѣстную роль въ констатированномъ предыдущими данными кризисѣ животноводства.

Общественная агрономія.

Главная особенность аграрной политики, сравнительно съ рабочей—ея творческая роль. Задача рабочей политики—организація лицъ пролетарскаго класса, не имѣющихъ своего собственнаго хозяйства, для защиты ихъ профессіональныхъ интересовъ. Аграрная политика охватываетъ организацію не только лицъ, но еще болѣе трудовыхъ хозяйственныхъ предпріятій, такъ какъ трудовые классы въ сельскомъ хозяйствѣ самостоятельны. Вотъ почему творческое значеніе не только соціальной, но и культурной аграрной политики очень велико.

Центральнымъ пунктомъ «культурной» части программы являются агрикультурныя мѣропріятія. Собственно лишь со второй половины XIX в., начинается и въ Западной Европѣ болѣе или менѣе систематическое воздѣйствіе науки на сельское хозяйство, строившееся до тѣхъ поръ невѣжественными земледѣльцами по завѣтамъ еще болѣе невѣжественныхъ ихъ отцовъ и дѣдовъ. Тогда и тамъ сельскіе хозяева работали

больше для себя, думали лишь о томъ, чтобы «сѣменовъ-ѣменовъ» хватало отъ урожая до урожая и были безсильны передъ всякой природной бѣдой, посылавшейся «отъ Бога». Но, когда сельское населеніе возросло, когда появился городской рынокъ, и индустрія, потребовавшія совершенно новыхъ продуктовъ, когда стало быть, назрѣли условія для переворота въ системахъ земледѣлія—сельское населеніе очутилось передъ необходимостью коренной ломки всѣхъ рутинныхъ пріемовъ, и безъ ученыхъ агрономовъ-спеціалистовъ не знало, какъ ему повернуться. Весь современный укладъ сельскаго хозяйства сталъ въ зависимости отъ той или иной постановки дѣла—общественной агрономіи—агрономъ сдѣлался вершителемъ судебъ сельскаго хозяйства. Такимъ вершителемъ судебъ является онъ теперь и у насъ, такъ какъ и у насъ происходитъ коренная ломка прежнихъ традицій, сдвигъ со всѣхъ старыхъ устоевъ.

«Одинаковыя причины ведутъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ,—говоритъ г. Криштофовичъ (въ докладѣ «значеніе американской с.-х. работы для Россіи»). Въ Россіи въ теченіе долгаго времени имѣло мѣсто крѣпостное право, въ южныхъ штатахъ сѣверо-американскаго союза—рабство. И то и другое, въ высшей степени неблагопріятно повліяло на развитіе мѣстнаго сельскаго хозяйства. И рабство и крѣпостное право были уничтожены, приблизительно, въ одно и то же время. Въ теченіе болѣе сорока лѣтъ, по уничтоженіи рабства хозяйство Южныхъ Штатовъ влачило жалкое существованіе. Одно время ему даже угрожалъ формальный крахъ. Но въ теченіе десяти послѣднихъ лѣтъ къ поднятію и улучшенію его начала примѣняться система, давшая поразительные результаты». Система эта—организація показательной работы. Вся эта организація въ Южныхъ Штатахъ построена удивительно стройно и объединена сверху до низу. Въ министерствѣ, въ бюро растеніеводства сидитъ спеціальный агентъ—главное лицо организаціи, въ рукахъ котораго находятся 5 помощниковъ и 430 инструкторовъ, избираемыхъ изъ числа способныхъ людей, обладающихъ настойчивымъ характеромъ и достаточнымъ тактомъ, для того, чтобы оказывать вліяніе на окружающихъ». Эти инструктора, разъѣзжая по округамъ, организуютъ «показательныя фермы» на

участкахъ, которые фермеры соглашаются отводить особо, и обрабатывають ихъ согласно съ указаніями инструкторовъ. Такихъ фермъ было въ 1909—10 г. г. около 21,000. Другіе фермеры, такъ называемые «сотрудники-кооператоры» ведутъ обработку по писаннымъ наставленіямъ, этихъ послѣднихъ было 47,000. Однако и въ Америкѣ непосредственная демонстрація считается гораздо болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ письменныя наставленія, и инструкторъ считаетъ своей обязанностью, по возможности, разъ въ мѣсяцъ побывать на каждой показательной фермѣ своего раіона. Благодаря прекрасной постановкѣ опытнаго дѣла, знакомству со всѣми мѣстными особенностями, всѣ рекомендуемыя мѣры оказываютъ осязательные результаты и, послѣ ихъ примѣненія, урожайность обычно поднимается втрое, а нерѣдко и въ 4—5 разъ по истеченіи 3—5 лѣтъ. Къ показательнымъ работамъ привлечены и мальчики, образовавшіе сѣть сельскохозяйственныхъ клубовъ, такъ называемыхъ «кукурузныхъ», а за послѣднее время и дѣвочки, устраивавшія «томатные клубы». Рекордный урожай 229 бушелей съ акра добытъ мальчикомъ, членомъ кукурузнаго клуба.

Какъ же обстоитъ дѣло у насъ. У насъ сейчасъ уже нельзя жаловаться на недостатокъ средствъ, ассигнуемыхъ на агрикультуру. На только что описанное показательное дѣло въ южно-американскихъ штатахъ расходуютъ 550 тыс. руб. У насъ въ 50 губ., Д-тъ земледѣлія ассигновалъ по смѣтѣ на 1914 г. 4.588,000 руб. на опытно-показательное дѣло; земства израсходовали въ 1912 г. 1.680,600 руб., и с.-х. общества—вѣроятно, тоже сотни тысячъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ агрономическая помощь этого типа превосходитъ американскую въ нѣсколько разъ. На непосредственную агрономическую помощь населенію Д-тъ земледѣлія тратитъ 6½ милл. въ раіонахъ землеустройства, 5,3 милл. на общія мѣры для всего населенія,—въ Сибири 2,2 милл.—Общій расходъ Д-та земледѣлія къ 1914 г. достигъ 35 милліоновъ, земствъ—въ 1913 г. 19 милл. Въ Италіи общественная агрономія поставлена очень хорошо: однако въ земской Россіи на каждый агрономическій участокъ расходуется почти вшестеро болѣе, на каждыя 100 дес. поверхности—почти въ три раза болѣе, а на 1,000 душъ населенія въ 10 разъ больше чемъ въ Италіи.

Почему же у насъ результатъ агрономической помощи населенію, во много разъ мизернѣе, не только чѣмъ въ Америкѣ, но и въ Италіи?

Отчасти это объясняется молодостью нашего агрикультурнаго дѣла. «Мода» на агрикультуру, на «развитіе производительныхъ силъ», какъ будто съ неба свалилась на правительственные верхи. Милліоны посыпались, какъ изъ рога изобилія, но нѣтъ ни подготовленнаго персонала, ни опыта, ни установившейся организаціи. Тысячи агрономическихъ вакансій пустуютъ, юноши со школьной скамьи сразу попадаютъ на отвѣтственное дѣло въ гущу сложнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ условій жизни трудового крестьянства, своеобразныхъ, совсѣмъ другъ на друга не похожихъ въ различныхъ раіонахъ. Только агрономы начнутъ вникать, вкапываться въ суть, мѣстныхъ отношеній, какъ ихъ переводятъ, или они сами перебираются на болѣе выгодныя мѣста. Агрономы «пріѣзжаютъ, объѣзжаютъ участокъ и уѣзжаютъ». Такова новѣйшая поговорка про нихъ. За одинъ 1913 г. количество земскихъ агрономическихъ участковъ возросло на 556 и почти на столько же увеличилось количество инспекторовъ и правительственныхъ агрономовъ—всего на 1,000 слишкомъ вакансій, а лицъ, окончившихъ высшее с.-х. образованіе въ 1912 г. было 227. По оффиціальнымъ даннымъ половина участковыхъ агрономовъ со среднимъ образованіемъ, инструктора—въ большинствѣ даже съ низшимъ. Но это бѣда временная и поправимая. Воздвигаются одинъ за другимъ сельско-хозяйственные институты гидротехническія отдѣленія и проч. Спросъ на агрономовъ въ ближайшемъ будущемъ долженъ сравняться съ предложеніемъ. Деньги есть и люди найдутся.

Но деньги и люди—это не все. Иной разъ на рубль дѣлается гораздо больше, чѣмъ на 100, одинъ человѣкъ стоитъ десятерыхъ. Въ творческой коллективной общественной работѣ важнѣе всего стройная *организація*, координація всѣхъ колесиковъ и винтиковъ огромной агрикультурной машины, работающей на всю Россію. Мы привели примѣръ американской организаціи показательнаго дѣла, какъ образцовой. Изъ этого примѣра видно, что она прежде всего—*едина*. У насъ—три *отдѣльныхъ* организаціи постоянно цѣпляющихся другъ за друга, тормозящихъ другъ другу работу—*правительственная*,

земская, общественная (с.-х. общества). Казенные агрономы и гидротехники гнуть въ одну сторону, земскіе—въ другую. Ни у одной организаціи нѣтъ рѣшительно никакого **плана**—отсюда хаосъ, нераціональная, непродуктивная растрата силъ. Нѣтъ плана распредѣленія агрономической помощи для всей Россіи. Правительство раньше концентрировало свое вниманіе на хуторянахъ и отрубникахъ: агрономическая помощь предназначалась почти исключительно для «хозяйствъ единоличнаго владѣнія». Теперь Д-тъ земледѣлія убѣдился самъ, что эта якобы привилегія для хуторянъ, породила только ихъ усиленную задолженность, что нельзя изолировать хуторянъ отъ окружающихъ условій и создать изъ нихъ образцовыя хозяйства, какъ нельзя на болотахъ полярной тундры посѣять сахарный тростникъ. Физико-географическія, экономическія, культурныя, политическія и иныя условія создаютъ въ данномъ раіонѣ, въ данной мѣстности болѣе или менѣе однотонный хозяйственный строй и экономическая эволюція достигается медленнымъ, систематическимъ подъемомъ агрикультурнаго уровня большинства хозяйствъ даннаго раіона. Спохватившись, Д-тъ нѣсколько перемѣнилъ фронтъ своей политики: онъ стремится передать средства въ руки земствъ, которымъ предоставляетъ право помощи всѣмъ крестьянамъ, но лишь въ раіонахъ землеустройства. Въ силу этого, тамъ, гдѣ землеустроенныхъ хозяйствъ больше, тамъ и ассигновки крупнѣе. Въ общемъ, направленіе ассигновокъ діаметрально противоположно сельско-хозяйственной эволюціи: оно растетъ съ с.-запада на ю.-востокъ, тогда какъ аграрная эволюція двигается въ обратномъ направленіи. На долю 16 губ. земствъ изъ 34 приходится 4/5 всѣхъ ассигнованій 1912 г. одна губернія получаетъ втрое-впятеро больше другой, хотя бы въ ней и землеустроенныхъ хозяйствъ было больше и нужда въ агрикультурной помощи гораздо острѣе. Это объясняется, съ одной стороны, безпартіностью правительственныхъ ассигнованій, съ другой традиціями кумовства, политики задняго крыльца, шушуканія по канцеляріямъ взамѣнъ гласнаго открытаго общественнаго обсужденія.

У правительства нѣтъ плана организаціи дѣла общественной агрономіи по всей Россіи; у отдѣльныхъ разрозненныхъ земствъ, и обществъ его быть не можетъ. Онъ можетъ быть

созданъ только союзомъ, только дружными объединенными усиліями всѣхъ учрежденій и дѣятелей, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Нужна широкая работа районныхъ, областныхъ и всероссійскихъ съѣздовъ и союзовъ: нужно уничтоженіе розни правительства и общества, нужно ихъ равноправіе и одноидейность. Но развѣ можетъ быть одна общая идея, одни принципы, одинаковая власть у современнаго правительства и общества. Это огонь и вода—двѣ враждебныя стихіи. Ни одинъ мало-мальски широкій съѣздъ общественныхъ силъ не выноситъ благопріятныхъ правительству резолюцій, ни одно правительственное учрежденіе не смотритъ на земство и общество, какъ на равноправное себѣ учрежденіе. Съ одной стороны, стремленіе опекать и направлять, съ другой—враждебное настроеніе, мусспруемое мучительнымъ сознаніемъ своего безсилія очистить русло аграрной политики отъ безудержаннаго политиканства правящихъ верховъ, измѣнить его направленіе въ сторону разумно понятыхъ народно-хозяйственныхъ интересовъ.

Итакъ, для раціональной организаціи агрикультурной политики намъ не достаетъ прежде всего, выработки стройнаго, во всѣхъ деталяхъ продуманнаго, плана распредѣленія агрономической помощи по отдѣльнымъ областямъ, районамъ, губерніямъ и уѣздамъ Россіи. Сельское хозяйство Россіи—это «живая исторія» аграрной эволюціи: съ востока на западъ, отъ Камчатской области до Царства Польскаго, мы найдемъ всѣ формы хозяйственнаго быта, начиная отъ бродячихъ охотничьихъ племенъ и кончая плодосмѣннымъ рыночнымъ хозяйствомъ привислинскихъ крестьянъ. Въ виду этого разнообразія, выработкѣ такого плана должно предшествовать *изученіе* Россіи, которое безъ союза центра съ мѣстными силами произвести нельзя. Возможенъ ли этотъ союзъ въ настоящее время—пусть судитъ читатель.

Строгій планъ всероссійской организаціи, строгое раздѣленіе труда между правительственными, земскими и общественными органами необходимы не только для агрикультуры—они еще нужнѣе для другихъ пунктовъ «культурной» аграрной программы—землеустройства, меліораціоннаго дѣла и коопераціи.

Землеустройство—по существу своему задача чисто техническая, лишенная и тѣни какой-либо политики, у правительства стала центральной осью его «великой реформы». Хутора и отруба нарѣзаются не тамъ, гдѣ они возможны и полезны, а гдѣ земскіе начальники и урядники поэнергичнѣе. Отруба оказываются за 20 верстъ отъ усадьбы, безъ воды, хутора безъ выгона и лѣса, нарѣзанные ломанными линіями въ 3—4 мѣстахъ: Хуторяне стонутъ подъ бременемъ неоплатныхъ долговъ Крестьянскому Банку, весь ихъ доходъ идетъ на покрытіе платежей, остается только на «сѣмена». Многіе не выдерживаютъ тяжести платежей и проф. В. А. Косинскій на кіевскомъ съѣздѣ говоритъ, что ему извѣстны 5,000 хуторовъ, перемѣнившіе въ 1½ года ,четыре раза хозяевъ. Вообще на хутора и отруба народъ гонится силкомъ. На земляхъ Крестьянскаго Банка насиліе прямое и явное—банкъ раздаетъ всю землю единоличными участками, на надѣльной землѣ—только хуторянамъ отводятся лучшіе участки и отдаются «лишки». Чтобы удержать отъ соблазна другихъ, чтобы не терпѣть дальнѣйшаго ущерба, всѣ сельчане вынуждаются къ массовому разверстанію. А между тѣмъ, землеустройство требуетъ не только согласованія съ народными желаніями: оно должно быть строго согласовано, и съ агрикультурными и съ меліораціонными планами. Отъ *типовъ и системы хозяйствъ*, различныхъ при разныхъ, природныхъ и экономическихъ условіяхъ, зависитъ и способъ поселеній и конфигурація участковъ и распредѣленіе угодій. Хуторской типъ разселенія приподенъ на сѣверо-западѣ, гдѣ воды всюду много, гдѣ угодья—пашни, луга, выгоны разбросаны мелкими клочками, гдѣ, густое населеніе издавна живетъ мелкими поселками въ 5—10 дворовъ, гдѣ сами крестьяне еще до землеустройства массами перебирались на хутора. На хутора—чужеродное растеніе на безконечныхъ распаханныхъ степяхъ юго-востока, гдѣ воды не найдешь за 20 верстъ, гдѣ огромныя села жмутся къ берегамъ немногочисленныхъ большихъ рѣкъ, а холмистые водораздѣлы пустынны, гдѣ рѣдкое населеніе еще недавно разсталось съ переложной системой полеводства и до сихъ поръ не перешло на урегулированное трехполье.

Еще большаго согласованія съ агрикультурой и земле-

устройствомъ требуетъ *мелiорацiонное дѣло*. Безъ мелiорацiи агрикультура не движется впередъ: на сѣверѣ, гдѣ совершается сейчасъ переходъ съ трехполья на травополье и съ зернового хозяйства на смѣшанную скотоводческо-зерновую, систему, на первый планъ выступаетъ *осушение* болотъ, превращенiе ихъ въ луга и пастбища. На югѣ, гдѣ интенсификацiя заключается въ переходѣ на плодосмѣнную систему она возможна лишь при подъемѣ влажности почвы, т.-е. при возможномъ обводненiи и орошенiи сухихъ степей. Запруживанiе и облѣсение овраговъ, рытье колодцевъ, закрѣпленiе песковъ—вотъ первые этапы на этомъ трудномъ пути. Но, какъ осушить болота, запрудить овраги закрѣпить песчаное поле, которое принадлежитъ тремъ десяткамъ частныхъ собственниковъ, причемъ половина ихъ протестуетъ противъ мелiорацiи.

И вотъ мы видимъ,, что и агрономы и гидротехники, не только земскiе, но порой и казенные, клянутъ землеустроителей—земскихъ начальниковъ, у которыхъ одна забота,—нарѣзать побольше хуторовъ, не считаясь ни съ какими агрикультурными и мелiорацiонными заданiями. Эти неурядицы, этотъ хаосъ могутъ быть устранены лишь въ томъ случаѣ, когда всѣ три вѣтви «культурной» политики—агрикультура мелiорацiя, землеустройство объединяется въ однѣхъ рукахъ, въ рукахъ *мѣстныхъ* представителей народныхъ нуждъ и желанiй,—демократизированнаго земства и общества. Мелiорацiи «малаго» района—касающiяся частнаго хозяйства, всецѣло должны быть переданы земству и обществамъ, мелiорацiи «большого» раiона—на казенныхъ земляхъ для цѣлей колонизацiи, улучшенiе водныхъ путей и т. д.—оставлены за казной.

Во всякое «культурное» дѣло теперь начинаетъ клиномъ врѣзываться *кооперативъ*. Кооперативъ начинаетъ выполнять не только довлѣющiя ему строго экономическiя функцiи, но беретъ на себя и просвѣтительно-организаторскую роль. Сплошь и рядомъ возникаютъ между земствами и кооперативами конфликты на почвѣ разграниченiя сферы компетенцiи. Иные начинаютъ смотрѣть на кооперативъ, какъ на суррогатъ необходимой, но до сихъ поръ «запрещенной» правительствомъ мелкой земской единицы и даже искаженныхъ закономъ уѣздныхъ земствъ. А. В. Пѣшеходовъ предостерегаетъ въ май-

ской книжкѣ «Русс. Богат.» противъ такого увлеченія, противъ противопоставленія демократической, организаціи кооперации двореянско-чиновничьей организаціи земства. Въ отвѣтъ на этотъ протестъ можно сказать: «гони природу въ дверь—она влетитъ въ окно». Нужда въ демократическомъ земствѣ настолько назрѣла у насъ, что его функціи беретъ на себя поневолѣ любая демократическая организація, по своему характеру, быть можетъ и непригодная къ административно просвѣтительнымъ функціямъ. Дурное же въ этомъ лишь одно: полное *смѣшеніе* ролей, полезной и безплодная растрата энергіи. Въ экономической области кооперативы конкурируютъ съ земствами, какъ посредники въ кредитѣ, продажѣ и сбытѣ с.-х. предметовъ, какъ проводники агрикультурныхъ начинаній. Конкуренцію, конечно, и здѣсь должна замѣнить координація, борьбу—союзъ.

Общій выводъ: только тогда, когда три современныхъ организующихъ силы: правительство, земство, кооперативы, объединятъ свои программы и свои дѣйствія для культурной работы надъ массами—только тогда эта работа станетъ такой же цѣлесообразной, планомѣрной и продуктивной, какъ въ Америкѣ, Италіи и т. п. Пока же—это лебедь, щука и ракъ, впряженные въ громоздкій возъ крестьянскаго хозяйства, который и понынѣ застрялъ въ болотинѣ автократической власти.

Земельный вопросъ и земельныя реформы послѣ 1905 г.

Особенности русскаго земельнаго вопроса.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ русской аграрной литературѣ началъ выясняться фактъ обѣднѣнія крестьянскаго населенія послѣ освобожденія его отъ крѣпостного права и научная мысль стала доискиваться причинъ этого обѣднѣнія, уже въ началѣ 1870-хъ годовъ работами профессора Янсона, статьями публициста Г. Елисѣева, трудами оффиціальной комиссіи министра графа Валуева и др. было установлено, что важнѣйшими причинами пауперизаціи крестьянъ являются недостаточность земельныхъ надѣловъ, значительно урѣзанныхъ при освобожденіи, а также тяжелые выкупные платежи. По прибли-

зительному подсчету А. Е. Лосицкаго, у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ была отнята пятая часть тѣхъ земель, которыми они пользовались передъ освобожденіемъ; при этомъ, надо замѣтить, что и при крѣпостномъ правѣ съ конца XVIII в. происходилъ процессъ экспропріаціи земель у крестьянъ помѣщиками, которые стремились къ расширенію площади своего собственнаго хозяйства съ тѣхъ поръ, какъ это послѣднее начало превращаться изъ натуральнаго въ товарное. Съ 1830-хъ и 1840-хъ годовъ учащаются голодные годы и раздаются первыя жалобы на крестьянское малоземелье.

Освободительная реформа, сократившая крестьянское землевладѣніе, была проведена, въ то же время, съ крайне неравномѣрнымъ надѣленіемъ землей различныхъ группъ крестьянъ.

Maximum отведенныхъ земельныхъ надѣловъ въ 48 разъ превосходилъ minimum. Около 5 милліоновъ человѣкъ получили менѣе чѣмъ по десятинѣ на «ревизскую душу». Такимъ образомъ, сразу были созданы значительные кадры семей, неспособныхъ просуществовать на своихъ ничтожныхъ надѣлахъ при господствовавшихъ тогда системахъ земледѣлія.

Послѣ освобожденія, число сельскихъ жителей стало быстро возрастать. Въ концѣ крѣпостного права, приростъ закрѣпощенныхъ крестьянъ пріостановился, главнымъ образомъ, вслѣдствіе крайне тяжелыхъ экономическихъ условій и стѣсненія личной свободы; но эта убыль возмѣстилась съ избыткомъ во вторую половину XIX в. Въ первое же десятилѣтіе (1858—1867 г.) число бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ увеличилось на 3,3 милліона, т.-е. на 15%, а за 40 лѣтъ, до 1897 г., общее количество сельскихъ жителей въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи возросло на 26,6 милліоновъ, или на 48,5%. Нужда въ землѣ обострилась до такой степени, что съ начала 1900-хъ г.г. появляются отдѣльныя вспышки открытаго возмущенія, переходящія въ 1905 г. въ широкое революціонное движеніе, лозунгомъ котораго, въ большинствѣ областей Россіи, явилось требованіе расширенія крестьянскаго землевладѣнія за счетъ помѣщичьихъ, казенныхъ и удѣльныхъ земель.

Развитіе крестьянскаго малоземелья послѣ реформы происходило вслѣдствіе того, что избыточному крестьянскому

населенію некуда было дѣваться. Въ Западной Европѣ, гдѣ освободительная реформа прошла также не вездѣ благопріятно для крестьянъ, во второй половинѣ XIX вѣка города и эмиграція поглощаютъ весь естественный приростъ сельскаго населенія и оно сокращается даже абсолютно. Такъ какъ уходятъ въ города и эмигрируютъ болѣе малоземельные элементы деревни, то въ главныхъ государствахъ Европы мы видимъ *сокращеніе* этой группы.

Во Франціи % хозяевъ съ 1—5 гектаровъ уменьшился въ теченіе 1866—92 г.г. съ 56,3 до 52,8%. Въ Великобританіи (0,4—2 гект. 1885—1908 г.)—съ 25,7 до 21,2. Въ Германіи (1—5 гект. 1882—1902 г.)—съ 57,4 до 54,1%. Въ Россіи, наоборотъ, съ 1860-хъ г.г. до 1905 г. число хозяевъ съ надѣломъ менѣе 5 десятинъ удвоилось. А такъ какъ производительность у насъ сельскаго хозяйства, если судить по урожайности, приблизительно вдвое ниже западно-европейской, то площадь нормальнаго крестьянскаго хозяйства, которая можетъ удовлетворить его элементарнымъ потребностямъ—т. наз. «потребительная норма» надѣла—должна быть вдвое выше. Эта норма различна въ разныхъ раіонахъ, въ зависимости отъ природныхъ и экономическихъ условій; если опредѣлить ее въ среднемъ для всей Европейской Россіи въ 10 десятинъ, то процентъ малоземельныхъ дворовъ въ 1905 году достигъ уже 66.1%—двухъ третей всего количества.

Въ настоящій политическій моментъ нѣтъ никакой надежды добиться законодательнымъ путемъ такого расширенія крестьянскаго землепользованія, которое бы позволило уничтожить, въ болѣе или менѣе широкомъ масштабѣ, существующее сейчасъ малоземелье. Но мы полагаемъ, что основной задачей раціональной аграрной политики, возможной въ данный моментъ, на ряду съ содѣйствіемъ крестьянской массѣ къ переходу на высшую ступень сельскохозяйственнаго развитія, должно явиться устраненіе дальнѣйшаго нарастанія избыточнаго земледѣльческаго населенія. Для этого необходимо, чтобы весь естественный приростъ сельскаго населенія, равный въ послѣднее время (1903—10 г. г.) 1665 тыс. душамъ обоего пола въ годъ, а также крестьяне, продающіе надѣлы по новому аграрному закону, могли найти себѣ средства для существованія внѣ своего скуднаго земледѣльческаго хозяйства.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, посвященномъ краткому анализу современнаго положенія аграрнаго вопроса въ Россіи, мы позволимъ себѣ обратить усиленное вниманіе на эту спеціальную задачу русской аграрной политики.

Ростъ городовъ и промышленности, сдѣлавшись въ XX вѣкѣ болѣе интенсивнымъ, отчасти облегчатъ осуществленіе этой задачи. Къ сожалѣнію, мы не обладаемъ точными статистическими цифрами о численности городского и внѣземледѣльческаго населенія послѣ переписи 1897 г. По сдѣланному нами подсчету городского населенія, основанному на данныхъ, опубликованныхъ въ двухъ изданіяхъ М-ва Внутреннихъ Дѣлъ [1]), общая численность жителей городовъ и крупныхъ поселеній съ населеніемъ свыше 10 тыс. душъ достигаетъ къ 1911 г. во всей имперіи до 28 милліоновъ (27855 тыс. безъ Финляндіи). Основываясь на этомъ подсчетѣ, и включая естественный приростъ горожанъ, мы высчитали, что города Европейской Россіи за шестилѣтіе 1904—10 г.г. впитывали ежегодно около 350 тыс. человѣкъ избыточнаго деревенскаго населенія. Такъ какъ ростъ городовъ идетъ убыстряющимся темпомъ, то въ ближайшее десятилѣтіе это количество увеличится, вѣроятно, до 400—500 тыс. Сюда же надо прибавить крестьянъ, переходящихъ къ промышленнымъ занятіямъ внѣ городовъ, число которыхъ нельзя опредѣлить даже приблизительно. Во всякомъ случаѣ, если считать, что, благодаря естественному приросту и мобилизаціи надѣльныхъ земель, избыточное деревенское населеніе Европейской Россіи увеличивается ежегодно, въ круглыхъ цифрахъ, на 2 милліона человѣкъ, то ростъ городовъ и развитіе торговой и промышленной жизни въ странѣ едва ли поглощаетъ теперь даже третью часть этого избытка. Съ 1897 по 1910 г.г число сельскихъ жителей въ 50 губ. опять увеличилось на 19,5 милл. или на 24%. Во избѣжаніе дальнѣйшаго нарастанія малоземелья, двѣ трети избыточнаго прироста должны отыскать себѣ выходъ при помощи переселенія, мобилизаціи земель и другихъ средствъ для расширенія крестьянскаго землепользованія, цѣлесообразность которыхъ зависитъ, въ значительной мѣрѣ, отъ руководящихъ началъ нашей аграрной политики.

[1]) Города Россіи въ 1904 г. и „Водоснабженіе городовъ“ въ 1910 г.

Переселеніе и колонизація.

Послѣ 1905 г. переселенческое движеніе, на нѣкоторое время, пріобрѣло такой широкій размахъ, что не только у правительства, но и въ средѣ болѣе умѣренныхъ круговъ общества явилась мысль—вотъ ключъ разрѣшенію аграрнаго вопроса. Но быстро поднявшаяся волна переселенцевъ также быстро упала.

Число переселенцовъ
въ тысячахъ.

Въ	1906 г.	139,1
»	1907 г.	427.3
»	1908 г.	664,8
»	1909 г.	619,3
»	1910 г.	316,2
»	1911 г.	189,8
»	1912 г.	201,5

Хотя и въ прежніе годы переселенческое движеніе подвергалось сильнымъ колебаніемъ, но никогда оно не достигало такого высокаго подъема, какъ въ 1908—9 г.г. Этотъ подъемъ былъ вызванъ не столько экономическими причинами, сколько психическимъ состояніемъ крестьянской массы, крушеніемъ надежды на экспропріацію земель у помѣщиковъ; имѣлъ вліяніе и законъ 10-го іюня 1906 г., облегчавшій переселеніе, а также широкая пропаганда переселенія, которую вначалѣ вело центральное правительство и его агенты на мѣстахъ.

Наконецъ, движеніе было усилено укрѣпленіемъ надѣловъ въ личную собственность, достигшимъ максимальныхъ размѣровъ также въ 1908—1909 г.г. Многіе изъ малоземельныхъ крестьянъ въ это время продавали укрѣпленные надѣлы и переселялись въ Сибирь.

Въ общемъ, въ періодъ 1906—10 г.г. эмиграція освободила сельское населеніе отъ четвертой части естественнаго прироста. Переселеніе, какъ факторъ, помогающій разрѣшенію аграрнаго вопроса, для всей Россіи не имѣетъ большого значенія. Но движеніе въ Сибирь никогда не охватывало одинаково всѣ области Россіи: напримѣръ изъ Полтавской

губ. за все время, относительно которого у насъ имѣются болѣе или менѣе точныя цифры, выселилось за Уральскій хребетъ 360 тыс. человѣкъ, а изъ Олонецкой—менѣе 2 тысячъ. Въ періодъ 1896—1910 г.г. изъ 10 губерній, въ которыхъ проживало только 28% сельскаго населенія, вышло 55% всѣхъ переселенцевъ. Внутри отдѣльныхъ губерній и даже уѣздовъ выселеніе крестьянъ въ Азію также охватываетъ отдѣльныя волости и даже деревни, и въ Харьковской губерніи 11% селеній дали 46% всѣхъ переселенцевъ. Поэтому нельзя отрицать, что въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ переселеніе можетъ оказывать большое вліяніе, разрѣжая скопившееся населеніе и сокращая малоземелье. Въ той же Полтавской губерніи съ середины 1880-хъ годовъ до 1900 г. сельское населеніе увеличилось на 16,6%, а въ періодъ 1900—1916 г.г.—только на 4,6%; въ этотъ послѣдній промежутокъ число хозяйствъ, совсѣмъ не имѣющихъ посѣва, сократилось на 11%, съ небольшимъ посѣвомъ—на 5%.

Уходятъ въ Азію, преимущественно, малоземельные крестьяне: 510 тысячъ семействъ, переселившихся въ періодъ 1896—1911 г.г., оставили на родинѣ 1860 тыс. дес.—всего по 3,6 дес. на хозяйство. Въ 1907—11 г.г. въ числѣ переселенцовъ было.

Безземельныхъ	24,5%
Имѣвшихъ до 3 дес.	38,6%
3—6 »	21,0%
6—10 »	10,0%
Свыше 10 »	5,9%

Считая всѣхъ, имѣющихъ меньше 10 дес., недостаточно обезпеченными землей, мы видимъ, что 94,1% переселенцевъ принадлежали къ этому разряду. Такимъ образомъ, если бы переселенческое движеніе могло постоянно удержаться на уровнѣ 1908—9 г., оно играло бы роль, во всякомъ случаѣ, не менѣе значительную, чѣмъ ростъ городовъ и развитіе промышленной жизни. Но, какъ мы узнали сейчасъ, съ 1910 г. оно стремительно падаетъ внизъ и это паденіе объясняется не только случайнымъ факторомъ—высокими урожаями 1909—1910 г., совпавшими съ очень хо-

рошими цѣнами на хлѣбъ и давшими возможность оправиться многимъ крестьянамъ, но и болѣе глубокой постоянной причиной—*сокращеніемъ въ Азіи запаса земель, пригодныхъ для колонизаціи безъ крупныхъ мелорацій.*

Уже въ 1907 г. представитель вѣдомства землеустройства признавалъ въ Государственной Думѣ, «что правительство не въ силахъ справиться даже съ тѣмъ движеніемъ, которое естественно возникаетъ, и не только не озабочено созданіемъ какихъ-либо соблазновъ для его увеличенія, но, напротивъ того, вынуждено принимать мѣры къ тому, чтобы направить это движеніе въ русло планомѣрности». Введеніе въ «русло планомѣрности» заключалось вначалѣ въ закрытіи для переселенія западныхъ, наиболѣе заполненныхъ колонистами, областей. Однако, эта мѣра не имѣла никакого успѣха и внесла только дезорганизацію, усиливъ «самовольческое» движеніе. «Самовольцы»—крестьяне, не зачислявшіе за собой переселенческій участокъ при помощи предварительно посылаемыхъ ходоковъ и не получившіе проходныхъ свидѣтельствъ, дающихъ право на льготный проѣздъ (за ½ стоимости билета III класса) съ семьей и багажомъ. Самовольцы уплачиваютъ полную стоимость билета и, пріѣхавши на мѣсто, вынуждены ожидать по нѣсколько лѣтъ участковъ, которые зачисляются за ними во вторую очередь послѣ того, какъ «легальные» переселенцы устроются, или платить большія деньги за пріемъ въ старожильческія общества. Экономическое положеніе самовольцевъ очень тяжелое: они ютятся въ скотскихъ избахъ старожиловъ, подвергаются съ ихъ стороны самой беззастѣнчивой эксплуатаціи, питаются очень скудно и бываютъ случаи, что въ ихъ средѣ вымираютъ поголовно всѣ дѣти. Половина ихъ совсѣмъ не имѣетъ посѣва, третья часть безъ крупнаго скота.

Переселенцы вообще предпочитаютъ селиться въ западныхъ областяхъ. Изъ 4-хъ милліоновъ переселенцевъ, о которыхъ мы имѣемъ соотвѣтствующія свѣдѣнія, 3 милліона осѣли въ западной Сибири и киргизскихъ степяхъ, причемъ въ двухъ губерніяхъ—Томской и Акмолинской области сосредоточилось 2,2 милліона. Такое тяготѣніе къ западу вызывается, во 1-хъ—лучшими природными условіями; по почвѣ, рельефу мѣстности и характеру растительности колонизуемая часть западно-азіатскихъ областей близко подходитъ къ степной и лѣсо-

степной полосамъ Европейской Россіи, изъ которыхъ выходитъ большая часть переселенцевъ. Во 2-хъ—близостью этихъ областей въ Европѣ, значительно сокращающей расходы на переѣздъ; въ 3-хъ—относительно густымъ и богатымъ населеніемъ, у котораго переселенцы могутъ найти себѣ заработокъ до тѣхъ поръ, пока имъ не удастся устроиться самостоятельно. Въ 4-хъ—тѣмъ, что самовольцы, идущіе обыкновенно, по письмамъ родственниковъ и земляковъ, проживающихъ на западѣ Сибири, разсчитываютъ устроиться здѣсь при помощи этихъ послѣднихъ.

Въ настоящее время свободный фондъ удобныхъ земель на западѣ уже разобранъ. Остается незаселеннымъ сѣверъ, покрытый дремучими лѣсами и болотами, колонизація котораго по признанію оффиціальныхъ сферъ «еще дѣло будущаго», и крайній югъ киргизскихъ степей, представляющій безводныя равнины съ почвой, пропитанной солью и скудной растительностью, выжигаемой лѣтомъ жаркими лучами солнца. Удобный для колонизаціи фондъ получается благодаря отрѣзкамъ «излишнихъ» земель у сибиряковъ—старожиловъ и туземцевъ—киргизъ. До сихъ поръ земли старожиловъ и киргизъ считались государственной собственностью, отданной во временное пользованіе мѣстнаго населенія до того момента, пока онѣ не понадобятся казнѣ. Теперь правительство производитъ землеустройство старожиловъ, отводя имъ въ собственность надѣлы опредѣленныхъ размѣровъ, уничтожая попутно сибирскую общину и отбирая излишнія земли для переселенцевъ.

У киргизъ отрѣзки земли производятся на основаніи нормъ, исчисленныхъ особыми статистическими экспедиціями. Экспедиціи опредѣляютъ количество скота, необходимаго для существованія нормальнаго киргизскаго хозяйства, и количество пастбищъ, потребныхъ для единицы скота въ разныхъ мѣстностяхъ. Первыя экспедиціи работавшія подъ руководствомъ извѣстнаго статистика Ф. А. Щербины, установили норму въ 24 единицы крупнаго скота на хозяйство (въ томъ числѣ 20%—въ разсчетѣ на дальнѣйшій приростъ скотоводства). Но когда въ степи нахлынули переселенцы была командирована вторая экспедиція (Б. К. Кузнецова), поднявшая норму до 14—15 единицъ скота, несмотря на то, что у киргизъ,

въ дѣйствительности, оказывалось по 18—21 единицъ на хозяйство, и кромѣ того значительно сократившая норму пастбищной земли, потребной для прокормленія скота. При помощи такого двойного пониженія, размѣръ «излишнихъ» земель, которыя правительство имѣетъ право отрѣзать у киргизъ, опредѣлился въ степныхъ областяхъ въ 22 милліона десятинъ; изъ нихъ 5 милліоновъ въ послѣдніе годы уже занято, а всего съ начала колонизаціи степей отведено переселенцамъ 12 милліоновъ десятинъ. Остающіяся 17 милліоновъ десятинъ излишковъ, гораздо худшаго качества, лежатъ преимущественно на территоріи «лѣтовочныхъ» пастбищъ, гдѣ сами киргизы кочуютъ только въ теченіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, гдѣ очень мало водныхъ источниковъ и большая часть земель непригодна для хлѣбопашества.

Теперь даровая раздача земель въ лучшихъ раіонахъ западныхъ областей прекращена; правительство представило въ Государственную Думу законопроектъ о *продажѣ* лучшихъ земель переселенцамъ: не дожидаясь утвержденія законопроекта, министерство издало распоряженіе о сдачѣ этихъ земель въ аренду съ обязательствомъ выкупить арендованный участокъ, какъ только законопроектъ о продажѣ будетъ утвержденъ.

Въ три остальныя области—Восточную Сибирь, на Дальній Востокъ и Туркестанъ переселилось немногимъ болѣе милліона человѣкъ, изъ которыхъ 626 тыс. осѣло въ Восточной Сибири, главнымъ образомъ, въ Енисейской губерніи. На югѣ этой губерніи также имѣются обширныя степи, лучшая наиболѣе орошенная часть которыхъ, впрочемъ, уже заселена. Въ незаселенныхъ частяхъ производятся сейчасъ гидротехническія изысканія, отъ результатовъ которыхъ зависитъ разрѣшеніе вопроса о колонизаціи степей, пока же переселенцевъ устраиваютъ благодаря «отрѣзкамъ» земель у старожиловъ и сибирскихъ инородцевъ. Большая часть Восточной Сибири покрыта лѣсами и горами и тѣ мѣстности, которыя болѣе другихъ пригодны для заселенія, могутъ привлечь сюда преимущественно переселенцевъ изъ нечерноземной полосы Европейской Россіи, вообще говоря, благодаря развитію городской жизни въ этой полосѣ, мало нуждающихся въ переселеніи. Поэтому колонизація Восточной Сибири никогда не сможетъ

достигнуть такихъ размѣровъ, какъ Западной, хотя, за послѣднее время, она начала сильно расти (28 тыс. переселенцевъ въ 1911 г. и 55 тыс. въ 1912 г.).

Дальній Востокъ, послѣ русско-японской войны, привлекъ усиленное вниманіе правительства, озабоченнаго укрѣпленіемъ нашихъ границъ съ Китаемъ и Японіей. Правительство стремится вытѣснить оттуда туземное желтое населеніе и привлечь изъ Россіи, какъ земледѣльцевъ, такъ и рабочихъ на строющуюся желѣзную дорогу и золотопромышленные пріиски. Однако, если попытки руссифицировать рабочій элементъ края увѣнчались извѣстнымъ успѣхомъ, по крайней мѣрѣ, въ казенныхъ предпріятіяхъ (въ 1911 г. сюда явилось изъ Россіи 52 тыс. рабочихъ, въ 1912—106 тыс.), то нельзя сказать того же относительно земледѣльческой колонизаціи. Въ 1907 г. сюда нахлынуло сразу 85 тыс. переселенцевъ; въ слѣдующемъ же году значительная часть ихъ вернулась обратно и съ тѣхъ поръ переселеніе въ Приамурскій край сильно упало. Главная причина неудачъ колонизаціи—неблагопріятныя природныя условія. Здѣшній климатъ полонъ контрастовъ: жаркое лѣто, когда средняя температура іюля соотвѣтствуетъ Кавказу и Крыму, и суровая зима съ морозами въ 40° и январской температурой болѣе низкой, чѣмъ въ Архангельскѣ. Лѣтомъ идутъ постоянные дожди, скопляющіеся въ августѣ, во время уборки хлѣба, когда земледѣлецъ дорожитъ каждымъ сухимъ днемъ. Зимы наоборотъ сухія, малоснѣжныя, благодаря чему земля замерзаетъ на такую глубину что въ значительной части области оттаиваетъ лишь верхній слой, а внизу остается «вѣчная мерзлота».

Лѣтніе дожди производятъ частныя наводненія, рѣки обрамлены по берегамъ крупными валами—осадками песку и камней отъ прежнихъ наводненій. Послѣ наводненія вода въ рѣчныхъ долинахъ не спадаетъ, откуда происходитъ повсемѣстная *заболоченность* края, усиливаемая густой растительностью, такъ поражающей взоры неопытныхъ переселенцевъ. Заболоченность—главное препятствіе для русской земледѣльческой колонизаціи края. Инженеръ Клягинъ полагаетъ, что напр. въ той части Амурской области, которая лежитъ ниже 60° параллели, изъ 36 милліоновъ десятинъ заболочено 15 милліоновъ; въ Приморской—процентъ заболоченности еще выше.

Сухія земли уже использованы подъ переселеніе и доля заболоченныхъ земель въ переселенческихъ участкахъ увеличилась съ 17—18% въ 1901 году до 10% въ 1909 году. Производить многомиллюнныя затраты на осушеніе Приамурья, по отзывамъ спеціалистовъ, не имѣетъ смысла, т. к. тамошнія почвы не лучше чѣмъ районъ окрестностей Петрограда (въ Новгородской, Псковской, Петроградской губ.), гдѣ также очень много болотъ, осушить которыя будетъ стоить гораздо дешевле и выгоднѣе какъ для казенныхъ, такъ и для народныхъ интересовъ.

Переселенческое управленіе само разочаровалось въ возможности успѣшной колонизаціи Приамурья: все, что оно могло сдѣлать—это настаивать на экспропріаціи неиспользованныхъ земель, принадлежащихъ Амурскому и Уссурійскому казачьимъ войскамъ. Изъ 15 милліоновъ десятинъ, отведенныхъ казакамъ, 9 милліоновъ уже удалось отобрать для переселенцевъ (т. наз. фондъ генерала Духовскаго); кромѣ того переселенческое вѣдомство надѣется, что ему удастся произвести «землеустройство» казаковъ, оставивши имъ по 30 десятинъ надѣла на мужскую душу: тогда освободится еще около 1½ милліоновъ десятинъ.

Послѣдняя область Туркестанъ. Послѣ возникшихъ осложненій съ Соединенными Штатами, правительство заинтересовалось Туркестаномъ, какъ областью, развитіе хлопководства въ которой могло бы освободить русскую мануфактурную промышленность отъ необходимости пріобрѣтать хлопокъ изъ Америки. Главноуправляющій землеустройствомъ г. Кривошеинъ, послѣ своей поѣздки въ Туркестанъ, составилъ программу мѣропріятій, способныхъ, по его мнѣнію, развить хлопководство въ краѣ, при помощи русской колонизаціи. Туркестанъ, по преобладающему населенію и типамъ сельскаго хозяйства, можетъ быть раздѣленъ на двѣ части: одна часть—Семирѣченская область отчасти—Сыръ-Дарьинская и Ферганская—заселена киргизами, которые, хотя и занимаются земледѣліемъ здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ, но главный центръ тяжести ихъ хозяйствъ все-таки лежитъ въ пастбищномъ скотоводствѣ; въ другой части, лежащей по берегамъ большихъ водныхъ артерій, проживаютъ осѣдлые земледѣльцы—сарты, устроившіе искусственное орошеніе своихъ

полей, и поставившіе земледѣліе и садоводство на довольно большую высоту. Въ этой мѣстности и развивается хлопководство очень быстрымъ темпомъ (въ 1906 г. подъ хлопкомъ было 61 тыс. дес., въ 1911 г.—401 тыс.). Но дальнѣйшее расширеніе посѣвовъ хлопка задерживается необходимостью отводить подъ пшеницу около половины орошаемой площади, равной 2,3 милл. десятинъ. Если бы мѣстное населеніе получило возможность покупать ввозную пшеницу по доступнымъ цѣнамъ, оно могло бы сократить собственные посѣвы пшеницы и отвести подъ хлопокъ не 17% орошаемой площади, какъ дѣлается теперь, а около трети, т.-е. приблизительно на 400 тыс. десятинъ болѣе. Производство же пшеницы г. Кривошеинъ предполагаетъ перенести въ районы, населенные сейчасъ киргизами, главнымъ образомъ, въ Семирѣченскую область, въ которой статистическими экспедиціями найдено 12 милліоновъ десятинъ «излишнихъ» земель и которая будетъ соединена съ хлопковыми районами желѣзно-дорожной вѣткой Арысь—Вѣрный.

Однако надежды на Семирѣчье не вполнѣ основательны: эта область, по рельефу, представляетъ рядъ переходовъ отъ высокихъ горъ черезъ пологіе холмы и скаты въ нагорной полосѣ—къ равнинамъ, въ которыхъ преобладаютъ солончаковыя и песчаныя почвы, почти лишенныя воды. Земледѣліе безъ искусственнаго орошенія, т. называемое «богарное», возможно только въ нагорной полосѣ, площадь которой, сравнительно, невелика—не болѣе 2—3 милліоновъ десятинъ и по большей части уже занята киргизами и переселенцами. Киргизы устраиваютъ здѣсь свои зимнія жилища, заводятъ пашни и сѣнокосы, для водворенія переселенцевъ приходится ихъ удалять: такъ въ 1910 г. было предположено къ изъятію болѣе 5100 очаговъ киргизской осѣдлости, чтобы устроить на ихъ мѣсто 3000 переселенческихъ хозяйствъ. До сихъ поръ большая часть посѣвовъ (въ области засѣвается 600 тыс десятинъ) находилась у киргизъ, создавшихъ сѣть оросительныхъ каналовъ, и безцеремонное отношеніе къ киргизамъ можетъ подорвать земледѣліе въ области, не говоря о скотоводствѣ, возможномъ только при безпрерывномъ передвиженіи въ разныя времена года съ горъ на равнины и обратно. Между тѣмъ, богарные посѣвы, безъ искусственнаго орошенія, кото-

рые практикуются переселенцами, во-первыхъ, при частыхъ засухахъ, представляются очень рисковалными, во-вторыхъ, при залежной системѣ, безъ всякаго удобренія возможны лишь на большихъ площадяхъ земли. Устойчивая земледѣльческая эволюція области произойдетъ лишь при широкой организаціи искусственнаго орошенія, которое требуетъ большихъ затратъ со стороны правительства и извѣстнаго умѣнья со стороны переселенцевъ. Пока же переселенческое вѣдомство оросило въ Семирѣчьи только 4 тыс. десятинъ, тогда какъ туземцы—болѣе 400 тыс.

Въ собственномъ Туркестанѣ земледѣліе безъ полива совершенно невозможно: всѣ орошенныя земли заняты туземцами, имѣющими на нихъ право собственности, и новый земельный фондъ для переселенцевъ можетъ быть полученъ только при помощи орошенія пустынныхъ земель, или покупкой земли у туземцевъ по дорогой цѣнѣ. Г. Кривошеинъ считаетъ возможнымъ заново оросить 3 милліона десятинъ, но расходы на эту операцію опредѣляетъ въ 700 милл. рублей. Само собой разумѣется онъ не разсчитываетъ, что казна сама въ состояніи тратить такія огромныя суммы, но надѣется на «частную предпріимчивость». Нѣсколько капиталистовъ, въ томъ числѣ представители московскихъ фабрикантовъ, уже подали заявленіе объ образованіи оросительныхъ кампаній, но надо полагать, что, благодаря небольшимъ запасамъ свободныхъ, имѣющихъ приложеніе капиталовъ въ странѣ и незнакомству съ этимъ дѣломъ, частныя оросительныя предпріятія не получатъ широкаго распространенія. Во всякомъ случаѣ, для переселенія многаго они не дадутъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ переселеніе въ Туркестанъ, которое только еще начинается и которое достигло maximum'а (въ 1912 г.) 15 тыс. человѣкъ, никогда не будетъ особенно значительнымъ. Колонизаціонная же емкость всѣхъ азіатскихъ областей, допускаетъ въ настоящее время переселеніе не болѣе 200—maximum 300 тысячъ человѣкъ ежегодно и то лишь благодаря экспропріаціи земель у русскихъ старожиловъ, казаковъ и туземцевъ. Такое количество переселенцевъ можетъ устроиться только въ томъ случаѣ, когда колонизація будетъ урегулирована, когда значительная часть переселенцевъ будетъ направляться въ восточныя, менѣе заселенныя

области и когда переселенческое управленіе постарается смягчить суровыя природныя условія при помощи наиболѣе доступныхъ мелiорацій.

Нельзя отрицать того, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи теперь дѣлается больше, чѣмъ прежде. Такъ, появляющіеся впервые лишь съ 1909 г. въ видѣ спеціальнаго параграфа смѣты переселенческаго управленія расходы на дорожныя сооруженія исчислялись въ этомъ году въ 2,5 милліона руб., а по смѣтѣ на 1913 г.—въ 4,8 милліона, на гидротехническія операціи—1,4 милліона и 2 милліона. Общій итогъ смѣты по переселенію съ 5,5 милл. рублей въ 1906 г. возросъ до 28,1 милліона на 1913 г. Съ настоящаго года правительство стремится урегулировать колонизацію не помощью запретительныхъ мѣръ полицейскаго характера, а мѣрами *экономическаго воздѣйствія* привлекая переселенцевъ въ восточныя области повышенными ссудами. По недавно опубликованному росписанію, ссуды выдаются каждой переселенческой семьѣ въ предѣлахъ отъ 100 до 400 рублей, въ зависимости отъ трудности водворенія и устройства, а также въ видахъ привлеченія переселенцевъ въ области, пограничныя съ Китаемъ и Японіей, 400-рублевая ссуда назначена для крестьянъ, направляющихся въ Пріамурье и Семирѣченскую область. Въ тоже время, въ западныхъ областяхъ, какъ мы уже говорили, не только не выдается никакихъ ссудъ, но предполагается, наоборотъ, пустить болѣе удобные участки въ продажу.

Мы признаемъ раціональной попытку урегулировать колонизацію посредствомъ выдачи ссудъ разныхъ размѣровъ; но законопроектъ о продажѣ земли въ западной Сибири, затрудняющій доступъ въ наиболѣе легкіе для водворенія районы малообезпеченнымъ переселенцамъ, противорѣчитъ основной цѣли переселенія—сокращенію малоземелья хотя бы нѣкоторыхъ мѣстностей Европейской Россіи. Подавляющее большинство переселенцевъ принадлежитъ къ самымъ малоземельнымъ и бѣднѣйшимъ слоямъ деревни; они не въ силахъ тратиться на очень далекій путь, не въ состояніи успѣшно бороться съ суровыми природными условіями на востокѣ, не могутъ существовать первое время безъ заработковъ на сторонѣ. Обременять такихъ переселенцевъ платежами за землю

въ самый трудный моментъ первоначальнаго хозяйственнаго устройства—значитъ не давать имъ возможности пріобрѣсти въ ближайшее время необходимыя средства производства—скотъ, орудія, постройки, безъ которыхъ крестьяне не будутъ въ состояніи обработать свой участокъ и достичъ нормальнаго уровня благосостоянія. Было бы гораздо правильнѣе, не взимая платежей за землю, сократить въ лучшихъ районахъ размѣры отводимыхъ надѣловъ, которые сейчасъ довольно значительны (до 15 десятинъ на душу м. п.). Между тѣмъ правительство, стремясь насадить и въ Сибири хутора и отруба, вынуждено по техническимъ условіямъ нарѣзать участки большихъ размѣровъ (до 75 десят. на дворъ), благодаря чему уменьшается емкость и безъ того небольшого колонизаціоннаго фонда и переселеніе на западъ для малоземельныхъ становится крайне затруднительнымъ.

Другой законопроектъ правительства также сократитъ переселенческій фондъ: подъ предлогомъ развитія «культурнаго скотоводства», правительство проектируетъ насажденіе въ Сибири крупнаго частнаго землевладѣнія. Пока для такой цѣли отведено 300 тысячъ десятинъ въ лучшихъ областяхъ, часть которыхъ уже разобрана представителями титулованной знати (графомъ Медемомъ, княземъ Касаткинымъ-Ростовцевымъ, княземъ Кочубеемъ и др.). Попытки насадить частное землевладѣніе въ Сибири производятся уже въ теченіи 90 лѣтъ, но пока они не увѣнчались успѣхомъ: общее количество частныхъ земель не превышаетъ милліона десятинъ. Причина—владѣльцы почти совершенно не ведутъ самостоятельнаго хозяйства и при первой возможности распродаютъ свои имѣнія. И въ настоящее время «культурное скотоводство», несомнѣнно, не удастся развить при помощи крупнаго землевладѣнія: если будутъ отводиться земли, не пригодныя для земледѣлія, то на нихъ невозможно разведеніе улучшенныхъ породъ: тѣ породы скота, которыя успѣшно разводятся кочевниками, наиболѣе приспособлены для такихъ мѣстностей; если же, какъ это дѣлается сейчасъ, будутъ отводиться удобные участки, то для владѣльца окажется гораздо выгоднѣе сдавать ихъ въ аренду нуждающимся переселенцамъ или перепродать имъ же, чѣмъ культивировать улучшенныя породы скота. Изъ многочисленныхъ доказательствъ этого поло-

женія, позволимъ себѣ привести одинъ фактъ, опубликованный въ книгѣ «Пріамурскій Край», авторомъ которой является бывшій генералъ-губернаторъ этого края П. Ф. Унтербергеръ. Одно лицо обратилось къ нему съ ходатайствомъ отвести въ долгосрочную аренду 8 тыс. десятинъ съ обязательствомъ завести стадо въ 2 тысячи головъ крупнаго скота и 3 тыс. овецъ. Въ арендѣ было отказано; тогда предприниматель сталъ просить отвода лишь 1,5 тыс. десятинъ, обязуясь завести 1000 головъ племеннаго скота и 500 овецъ, на какихъ условіяхъ ему и былъ отведенъ участокъ такихъ размѣровъ. При ревизіи этого имѣнія въ немъ оказалось всего двѣ лошади и 4 козы [1]).

Послѣдній изъ наиболѣе крупныхъ находящихся сейчасъ на разсмотрѣніи Государственной Думы правительственныхъ законопроектовъ — о поземельномъ устройствѣ старожиловъ, распространяетъ начала закона 14 іюня 1910 г. (объ укрѣпленіи земель въ личную собственность) на Азіатскую Россію. Въ Сибири этотъ законопроектъ произведетъ гораздо большее разрушеніе общины, чѣмъ въ Европейской Россіи. Какъ извѣстно, по дѣйствующему закону, общины, не производившія общихъ «коренныхъ» передѣловъ, а только частныя «переверстки» (передачу освободившихся надѣловъ, безусловное частичное уравненіе земли), признаются несуществующими, а такихъ общинъ въ Сибири подавляющее большинство. Еще недавно здѣсь преобладала переложная система, при которой обычно господствуетъ захватное право землепользованія; благодаря быстрому возрастанію населенія, въ очень многихъ общинахъ крестьяне стали отнимать землю у тѣхъ членовъ, которые захватили слишкомъ много земли, и передавать ее другимъ; т.-е. производить частичныя поравненія; но коренные передѣлы—общія поравненія земли возникаютъ только при переходѣ къ урегулированной трехпольной системѣ полеводства, до которой сибирское земледѣліе еще не

---

[1]) Правительство стремится къ насажденію крупнаго землевладѣнія изъ политическихъ соображеній. Въ ближайшемъ будущемъ неизбѣжно введеніе земства въ Сибири; оттягивая насколько возможно этотъ законодательный актъ, правительство старается выиграть время для внѣдренія крупныхъ собственниковъ въ демократическую толщу сибирскаго населенія.

развилось. При захватномъ правѣ, образуется безпорядочная разбросанность участковъ въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ и эта безпорядочность и неравномѣрность землепользованія будетъ теперь зафиксирована переводомъ земель въ личную собственность отдѣльныхъ домохозяевъ. Въ то же время правительство сознается въ объяснительной запискѣ къ законопроекту, что на превращеніе разбросанныхъ участковъ отдѣльныхъ домохозяевъ въ хутора и отруба у него не хватитъ техническихъ силъ и средствъ, и главное, что оно будетъ преслѣдовать при землеустройствѣ—это размежеваніе надѣловъ цѣлыхъ поселеній другъ отъ друга и отъ казенныхъ земель. Внутри же поселенныхъ надѣловъ землевладѣніе отдѣльныхъ дворовъ останется въ такомъ же хаотическомъ состояніи, какъ теперь и хаосъ этотъ усилится съ каждымъ переходомъ по наслѣдству, вслѣдствіе дробленія отдѣльныхъ полосъ.

Вотъ тѣ доводы, исходя изъ которыхъ мы полагаемъ, что многіе изъ правительственныхъ законопроектовъ, несомнѣнно получающихъ утвержденіе законодательныхъ учрежденій при современной политической конъюнктурѣ, вредно отразятся на дальнѣйшемъ теченіи переселенія и на развитіи производительныхъ силъ нашихъ азіатскихъ колоній. Между тѣмъ, несмотря на блестящіе по внѣшности результаты экономической эволюціи въ Азіи (площадь посѣвовъ за 7 послѣднихъ лѣтъ 1904—11 гг. увеличилась на 52% въ 8-ми главныхъ губерніяхъ, количество крупнаго скота—на 63—72%, сельскаго населенія на 41%, городского—на 77%), эта эволюція не можетъ считаться устойчивой, такъ какъ участившіеся за послѣднее время неурожаи свидѣтельствуютъ, что и Сибирь начинаетъ вступать въ полосу кризиса экстенсивныхъ системъ полеводства, кризиса, приведшаго къ повальному оскудѣнію крестьянское населеніе Европейской Россіи. Чтобы избѣжать этого кризиса, чтобы подтолкнуть населеніе къ скорѣйшему переходу на болѣе интенсивныя системы земледѣлія, необходимъ рядъ строго обдуманныхъ мѣропріятій, направленныхъ исключительно на упорядоченіе колонизаціи, возможное расширеніе колонизаціонной емкости страны, облегченіе доступа къ переселенію для малоземельныхъ, бѣднѣйшихъ слоевъ деревни и ведущихъ къ быстрому сельскохозяйственному про-

грессу. Въ настоящій моментъ, въ Европейской Россіи назрѣваютъ условія, стимулирующія переселеніе: крупные владѣльцы сокращаютъ продажу своихъ земель, земельный фондъ Крестьянскаго банка почти распроданъ, казенныя земли сданы въ долгосрочную аренду. Само переселенческое вѣдомство признаетъ, что «главнѣйшіе источники для расширенія площади крестьянской земли въ предѣлахъ Европейской Россіи уже почерпаны» Съ другой стороны, ликвидація надѣльныхъ земель крестьянъ, наоборотъ, усиливается, въ особенности на востокѣ и на югѣ, гдѣ неурожаи 1911—12 гг. заставили многія неустойчивыя хозяйства распродать свои надѣлы и искать спасенія въ переселеніи. Съ 1912 г. наблюдается новый подъемъ переселенческаго движенія, которое надо предполагать въ 1913—14 г. выростетъ до довольно крупныхъ размѣровъ.

	Переселенцевъ въ тыс.	Ходоковъ въ тыс.
Въ 1911 году съ 1 января по 27 мая прошло переселенцевъ. . .	102,4	12,1
Въ 1912 году (въ тотъ же періодъ) . .	101,2	32,7
Въ 1913 году » » » » . .	116,2	55,9

Особенно увеличилось число ходоковъ-крестьянъ, посылаемыхъ семьями, желающими переселиться послѣ предварительныхъ развѣдокъ и зачисленія участковъ. Увеличеніе ходоковъ служитъ всегда предвѣстникомъ увеличенія числа переселенцевъ въ слѣдующемъ году.

Въ такихъ обстоятельствахъ, правительство должно бы было отбросить всѣ побочныя политическія соображенія, осложняющія и затрудняющія дѣло колонизаціи. Между тѣмъ, внесенные въ Государственную Думу законопроекты представляютъ въ значительной мѣрѣ плодъ бюрократическаго политиканства. И если П. А. Столыпинъ, во время своей поѣздки въ 1910 г., нашелъ въ западной Сибири 700 тысячъ неустроенныхъ (не получившихъ отъ казны пашни) переселенцевъ, влачащихъ жалкое существованіе, то послѣ реализаціи этихъ законопроектовъ можно ожидать, въ ближайшемъ будущемъ, повторенія той же самой исторіи.

Уничтоженіе общины.

Русское общество, до сихъ поръ, не забыло «крылатаго» слова, которымъ покойный премьеръ-министръ П. А. Столыпинъ охарактеризовалъ сущность, созданной имъ же самимъ, аграрной реформы. Слово это—«*ставка на сильныхъ*».

Какъ мы говорили вначалѣ, не только прогрессивные элементы общества, но даже и правительство, до 1905 г. основнымъ пунктомъ необходимой для Россіи аграрной реформы считали «помощь слабымъ», т.-е. удовлетвореніе острой земельной нужды малоземельныхъ крестьянъ. Но на радикальную реформу въ этомъ смыслѣ, на доведеніе крестьянскаго земледѣлія до уровня только потребительной нормы правительство не могло рѣшиться потому, что это потребовало бы полнаго уничтоженія крупнаго землевладѣнія. И сдѣлавши въ моментъ революціи нѣсколько робкихъ шаговъ въ этомъ направленіи, въ видѣ усиленной закупки земель черезъ крестьянскій банкъ, продажи удѣльныхъ земель и раздачи въ аренду казенныхъ, правительство, послѣ подавленія революціи, измѣнило направленіе своей аграрной политики.

Понимая, что если оставить все въ такомъ видѣ, какъ было до 1905 г., то можно ожидать, въ ближайшемъ будущемъ новыхъ потрясеній, новаго натиска на ослабѣвшее крупнопомѣстное землевладѣніе, которое, можетъ быть, и не выдержало бы второго удара, П. А. Столыпинъ задумалъ поставить между помѣщиками и крестьянской массой средостѣніе, опору въ видѣ «сильныхъ» земельныхъ собственниковъ—хуторянъ и отрубниковъ. Разсчитывая своей реформой создать мѣлый классъ мелкой сельской буржуазіи, онъ полагалъ, что эти послѣдніе, оберегая свою собственность, станутъ охранять и чужую, т.-е. будутъ, въ политическомъ отношеніи, *консервативнымъ* элементомъ. Въ тоже время, вѣря въ значеніе земельной собственности, какъ стимула для хозяйственнаго

прогресса, и полагая, что хуторская форма землепользованія является однимъ изъ могучихъ орудій этого прогресса, П. А. Столыпинъ былъ убѣжденъ, что хуторяне станутъ передовымъ авангардомъ въ дѣлѣ развитія производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Такимъ образомъ, предполагая создать на развалинахъ общины обширный классъ политически консервативныхъ, экономически сильныхъ и хозяйственно прогрессивныхъ крупно-крестьянскихъ собственниковъ—хуторянъ, покойный премьеръ однимъ ударомъ разрубалъ два гордіевыхъ узла—соціальной политики и сельскохозяйственной экономики, которые такъ запутались въ Россіи за послѣднее полустолѣтіе. А если при такомъ ударѣ нѣсколько милліоновъ крестьянъ потеряютъ землю и превратятся въ пролетаріатъ, то вѣдь въ будущемъ сельскій пролетаріатъ можетъ отыскать себѣ выходъ въ городахъ и въ разросшейся индустріи, пока же правительство (въ 1906—7 г.) пропагандировало переселеніе въ Сибирь. Наконецъ, прогрессъ сельскаго хозяйства подыметъ спросъ на рабочія руки со стороны помѣщиковъ и хуторянъ и лишенные земли крестьяне найдутъ себѣ заработокъ въ качествѣ сельскихъ батраковъ. Разслоеніе деревни, порожденіе антагонизма между «сильными» и «слабыми» крестьянами представляетъ извѣстныя выгоды въ политическомъ отношеніи: классовый антагонизмъ между милліонами хуторянъ и милліонами батраковъ гораздо безопаснѣе, чѣмъ такой же антагонизмъ въ промышленности между сотнями фабрикантовъ и милліонами рабочихъ, такъ какъ сельскіе батраки гораздо менѣе способны къ организованности.

Такова была въ основныхъ чертахъ программа «ставки на сильныхъ». Фактическое ея осуществленіе естественно распадалось на двѣ части: на предварительное разрушеніе общиннаго строя и на созданіе на его развалинахъ сравнительно крупныхъ хуторовъ и отрубовъ.

Обратимся сначала къ изученію фактовъ, касающихся осуществленія на дѣлѣ первой части программы. Движеніе крестьянъ къ выходу изъ общины отъ начала дѣйствія указа 9 ноября 1906 г. и до 1 января 1913 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Число хозяевъ (въ тысячахъ), подавшихъ заявленія о выхъ. изъ общины.	Окончательно укрѣпившихъ свои надѣлы въ собственность.
Къ концу 1907 г.	208	49
» 1908 »	840	508
» 1909 »	650	579
» 1910 »	348	341
» 1911 »	242	146
» 1912 »	150	123
Всего	2438	1746

По приблизительному подсчету А. Е. Лосицкаго, число всѣхъ крестьянъ общинниковъ къ 1911 г. равнялось 10,3 милліонамъ дворовъ, а, слѣдовательно, процентъ хозяевъ, укрѣпившихъ свои надѣлы по указу 9 ноября, къ 1913 г. составитъ 16,8%.

Но законъ 14 іюня 1910 г. значительно расширилъ дѣйствіе этого указа, признавши перешедшими къ личному наслѣдственному владѣнію членовъ всѣхъ общинъ, въ которыхъ не было общихъ (коп[illegible]ныхъ) передѣловъ со времени надѣленія крестьянъ земл[illegible] Этотъ законодательный актъ, переводившій однимъ взмахомъ пера въ разрядъ частныхъ собственниковъ, не спрашивая ихъ согласія, милліоны крестьянскихъ дворовъ, по существу былъ глубоко неправильнымъ. Отсутствіе *общихъ* передѣловъ вовсе не означало еще, что уравнительно-передѣльный механизмъ, составляющій главную функцію общины, пересталъ дѣйствовать. Кромѣ общихъ, весьма многія общины примѣняли *частные* передѣлы и, при помощи ихъ, вносили весьма существенныя поправки въ нарастающую съ теченіемъ времени, благодаря различіямъ въ приростѣ населенія, неравномѣрность въ распредѣленіи земли между отдѣльными хозяйствами. Въ нѣкоторыхъ общинахъ, частные предѣлы, практиковавшіеся ежегодно, настолько регулировали землевладѣніе, что общіе передѣлы становились излишними.

Предуказанное закономъ изслѣдованіе всѣхъ общинъ и рѣшеніе вопроса о томъ, какія изъ нихъ слѣдуетъ признать дѣйствующими, какія нежизнеспособными, было возложено на земскихъ начальниковъ, которые произвели эту большую и

сложную работу, требующую спеціальныхъ юридическихъ и экономическихъ изслѣдованій, съ головокружительной быстротой—въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ практикѣ этихъ чиновниковъ встрѣчалось не мало курьезныхъ случаевъ, когда въ двухъ сосѣднихъ участкахъ земскихъ начальниковъ, съ совершенно однороднымъ по составу населеніемъ, съ одинаковыми обычаями и привычками, въ одномъ оказывалось множество непередѣлявшихся общинъ, въ другомъ ихъ совсѣмъ не было; или, когда одинъ земскій начальникъ находилъ у себя множество функціонирующихъ общинъ, а его преемникъ, тотчасъ же послѣ него, признавалъ ихъ несуществующими. Въ результатѣ такого изслѣдованія, къ 1-му января 1911 г. было насчитано 116 тыс. общинъ, упраздненныхъ закономъ 14 іюня, съ 3490 тыс. домохозяевъ, а къ 15-му января 1912 г. число хозяевъ увеличено до 3,543 тыс. По утвержденію «Записки» министра финансовъ регистрація обществъ, не производившихъ передѣловъ, еще не закончена, «въ виду чего, дѣйствительное число домохозяевъ, признанныхъ собственниками силою закона, гораздо больше вышеуказанаго».

Такимъ образомъ, юридически теперь 5,3 милліона домохозяевъ—большая половина всѣхъ общинниковъ—считается частными собственниками принадлежащихъ имъ надѣловъ. Но, по словамъ проф. Мануилова, «такія общества, находясь въ числѣ обреченныхъ, не всегда даже знаютъ объ этомъ и обыкновенно продолжаютъ жить, какъ жили прежде, производятъ частичные передѣлы, ежегодно передѣляютъ сѣнокосы—словомъ функціонируютъ, какъ общины». Вдобавокъ «земскіе начальники, согласно преподаннымъ указаніямъ, хотя и имѣютъ свѣдѣнія о непередѣлявшихся общинахъ, тѣмъ не менѣе не предпринимаютъ по отношенію къ нимъ никакихъ наступательныхъ дѣйствій, до тѣхъ поръ, пока эти общины или отдѣльные домохозяева изъ нихъ состава не возбудятъ ходатайствъ о выдачѣ имъ удостовѣрительныхъ актовъ [1]). Поэтому изъ общинъ, указанной категоріи, фактически покончившими свое существованіе можно считать только тѣ, въ которыхъ хотя бы одинъ домохозяинъ получилъ удостовѣрительный актъ

[1]) См. *А. А. Мануиловъ*. Новѣйшее законодательство о поземельной общинѣ. «Вѣст. Европы», 1912 г. № 11.

о признаніи его личнымъ земельнымъ собственникомъ. Трудно ожидать, заключаетъ проф. Мануиловъ, чтобы передъ описаннымъ выше удостовѣрительнымъ порядкомъ, въ концѣ-концовъ устояло много обществъ съ общиннымъ землепользованіемъ и поэтому, весьма вѣроятно, что итоги, приведенные въ объяснительной запискѣ министра финансовъ . . . станутъ, въ будущемъ, дѣйствительностью: но пока они только плодъ мечты».

Къ 1-му января 1912 г. число общинъ, получившихъ удостовѣрительные акты, равнялось 2,638 съ 76,2 тыс. домохозяевъ; кромѣ того 95,2 тысячамъ отдѣльныхъ хозяевъ, изъ неизвѣстнаго намъ числа общинъ, были вручены такіе акты; профессоръ Мануиловъ, судя по среднему числу членовъ общинъ въ первой группѣ, предполагаетъ, что во второй группѣ еще 568 тыс. домохозяевъ стали не только de jure, но и de facto частными собственниками, независимо отъ ихъ желанія. Примѣняя такой же методъ исчисленія къ 1912 году, на 1 января 1913 г. общее число хозяевъ, перешедшихъ фактически къ частной собственности въ общинахъ, признанныхъ по закону несуществующими, окажется равнымъ 1,325 тыс., а вмѣстѣ съ 1,746 тыс. домохозяевъ, укрѣпившихъ надѣлы въ общинахъ, не затронутыхъ закономъ 14 іюня, такихъ хозяевъ насчитывается 3,071 тыс. или 30% всѣхъ общинниковъ.

На предыдущей табличкѣ мы видимъ, что количество крестьянъ, выдѣляющихся изъ легализованныхъ общинъ, быстро сокращается съ 1909 г. Падаетъ также и выдача удостовѣрительныхъ актовъ изъ общинъ, непризнанныхъ закономъ.

	Число общинъ, получившихъ удостовѣрительные акты въ полномъ составѣ.	Въ нихъ домохозяевъ.	Отдѣльныхъ хозяевъ, получившихъ удостовѣрительные акты.
Въ 1911 г.	2623	75356	91849
» 1912 »	1326	36756	76965

Очевидно, поскольку на цифрахъ отражаются болѣе или менѣе самостоятельныя тенденціи крестьянъ къ выходу изъ общины, мы можемъ констатировать систематическую убыль этихъ тенденцій.

Мы не разъ указывали на извѣстный параллелизмъ между выдѣломъ изъ общины и переселенческимъ движеніемъ. Оба явленія, по нашему мнѣнію, зависятъ, въ сильной степени, отъ психическихъ факторовъ—полнаго разочарованія малоземельныхъ крестьянъ въ возможности добиться расширенія землевладѣнія и улучшенія своего жалкаго существованія, разочарованія, наступившаго послѣ подавленія революціи 1905 года. Малоземельные крестьяне болѣе другихъ слоевъ деревни ожидали прирѣзки земель и волновались; когда ихъ ожиданія не оправдались, они первыми ринулись на переселеніе и на укрѣпленіе надѣльныхъ земель. Дѣйствительно: тогда какъ у всѣхъ общинниковъ на одно хозяйство въ среднемъ приходилось 10,2 дес. надѣла, у выдѣлившихся изъ общины—только 7,16 дес., при чемъ средній размѣръ выдѣленныхъ участковъ падаетъ почти безостановочно

	Средній размѣръ выдѣленныхъ участковъ на 1 хозяйство.
У выдѣлившихся до 1 мая 1908 г. . . .	7,81 дес
съ 1 мая—1 ноября 1908 г.	7,69 »
» 1 ноября 1908 г.— 1 мая 1909 г. .	7,47 »
» 1 мая 1909 г.—1 января 1910 г. .	7,07 »
» 1 января—1 іюля 1910 г.	6,81 »
» 1 іюля 1910 г.—1 апрѣля 1911 г. .	6,48 »
» 1 апрѣля 1911 г.—1 января 1912 г.	6,91 »
» 1 января 1912 г.—1 января 1913 г.	6,44 »

Съ первыхъ мѣсяцевъ дѣйствія указа 9 ноября до нынѣшняго года средній размѣръ выдѣленныхъ участковъ сократился на 20%, а это указываетъ, что въ числѣ выдѣляющихся болѣе и болѣе замѣтную роль играютъ *малоземельные* дворы. Еще меньше надѣлъ у получившихъ удостовѣрительные акты—ровно 6 десятинъ.

Однако, средній размѣръ надѣла у укрѣпляющихъ землю въ собственность все-таки значительно выше, чѣмъ у переселенцевъ, у которыхъ, если даже исключить совсѣмъ безземельные дворы, онъ достигаетъ только 4,8 дес. на хозяйство. Це-

переселенцы, какъ мы видѣли, рекрутируются, почти сплошь, изъ безземельныхъ и малоземельныхъ, а среди выходцевъ изъ общины, несомнѣнно, встрѣчаются не только среднія, но и сравнительно зажиточныя, многоземельныя хозяйства. Къ сожалѣнію, детальныхъ земско-статистическихъ изслѣдованій, которыя могли бы освѣтить этотъ, въ высшей степени важный вопросъ объ экономическомъ составѣ выдѣляющихся хозяйствъ, пока еще почти не имѣется, но въ общей и спеціальной литературѣ мы находимъ многочисленныя указанія, свидѣтельствующія, что процессъ выдѣла захватываетъ, преимущественно, два крайнихъ слоя деревни: самыхъ многоземельныхъ крестьянъ, опасающихся, что при передѣлѣ у нихъ будутъ отняты излишки надѣловъ противъ уравнительной нормы, и самыхъ малоземельныхъ, которые составляютъ главное ядро укрѣпляющихся. Массовыя свѣдѣнія, и то не вполнѣ точныя, имѣются лишь по Казанской губерніи, по которой процентъ укрѣпившихся дворовъ къ 1-му января 1911 г. оказался:

Въ общинахъ, имѣющ. на муж душу до						$1^1/_2$	дес.	($4^1/_2$	дес. на дворъ)	8,8
»	»	»	»	»	»	$1^1/_2$—3	»	($4^1/_2$—9	» »	») 4,3
»	»	»	»	»	»	3—6	»	(9—18	» »	») 4,1
»	»	»	»	»	»	св. 6	»	(св. 18	» »	») 5,1

Эти цифры хорошо иллюстрируютъ тотъ процессъ, который повидимому, происходитъ во многихъ мѣстностяхъ, захваченныхъ новымъ закономъ.

Итакъ, правительство, судя по приведеннымъ даннымъ, нѣсколько ошиблось въ разсчетѣ. Многоземельные «сильные» крестьяне, интересы которыхъ, по априорнымъ соображеніямъ, должны были бы лежать на сторонѣ выдѣла, укрѣпляются далеко не такъ охотно, какъ малоземельные. Правительство упустило изъ вида одно обстоятельство—что въ общинномъ быту многоземелье обычно соединено съ *многосемейностью:* многоземельный крестьянскій дворъ, въ большинствѣ случаевъ, представляетъ изъ себя сложную, не распавшуюся на свои составныя части семью, гдѣ подъ главенствомъ старшаго въ родѣ сожительствуетъ нѣсколько взрослыхъ женатыхъ мужчинъ со своими семействами. Такія сложныя зажиточныя семьи, живя въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ, размножаются быстрѣе, и въ общинномъ быту могутъ разсчитывать на дальнѣйшую прирѣзку земли при новомъ передѣлѣ; если

же онѣ выдѣляются изъ общины—онѣ потеряютъ право на общинную землю, какъ бы ихъ семья ни увеличивалась впослѣдствіи. Поэтому изъ многоземельныхъ слоевъ охотнѣе выдѣляются дворы съ немноголюдными сравнительно семьями, и въ той же Казанской губерніи у всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ свыше 6 дес. на душу, на 1 семью приходится 3,1 чел. м. п. а у укрѣпившихся дворовъ этой группы—только 1,9 чел.

Малоземельные укрѣпляются совсѣмъ по другимъ соображеніямъ. Весьма многіе изъ нихъ намѣрены просто *продать* укрѣпленные участки. Это во-первыхъ, городскіе жители, ремесленники, рабочіе и т. д., которые давно порвали связь съ земледѣліемъ и теперь пользуются случаемъ, чтобы перевести на деньги свое право на землю; во-вторыхъ, переселенцы. Собираясь двинуться въ Азію, почти всѣ земельные крестьяне укрѣпляютъ и продаютъ свои участки, такъ какъ иначе имъ не съ чѣмъ было бы выѣхать: переселенцы, продавшіе землю, выручаютъ по 373 рубля на семью, не продавшіе—только по 113 рублей. Въ-третьихъ, малоземельные (а иногда и богатые крестьяне) западныхъ губерній, главнымъ образомъ Малороссіи, гдѣ земля сравнительно дорога. Продавши свой надѣлъ, они передвигаются на востокъ, и при посредствѣ крестьянскаго или другихъ земельныхъ банковъ пріобрѣтаютъ въ нѣсколько разъ больше земли, чѣмъ они имѣли на родинѣ. Тоже самое они продѣлывали и раньше, но теперь, помимо значительно увеличившейся мобилизаціи помѣщичьихъ земель, широкое поприще для такой спекуляціи представляютъ, въ особенности на востокѣ, продаваемые собственниками крестьянскіе надѣлы. Въ-четвертыхъ, *упалыя* хозяйства физически неспособныхъ лицъ—вдовъ, бобылей, сирогъ. Такихъ хозяйствъ—безъ работниковъ м. п. въ деревнѣ около 8%. Они и въ общинѣ не занимались самостоятельно земледѣліемъ, а сдавали землю въ аренду. Такъ какъ община, отбираемая въ своемъ землевладѣніи, можетъ при новыхъ передѣлахъ отнять у нихъ землю даромъ, они предпочитаютъ ее продать заранѣе.

Въ общемъ выводѣ, стремится къ выдѣлу, преимущественно, тѣ крестьяне, которые чувствуютъ непрочность своего *землевладѣнія* (верхніе многоземельные слои) или непрочность своего *хозяйства* (нижніе малоземельные): первые—

съ цѣлью его укрѣпленія, вторые—наоборотъ, съ цѣлью полной его ликвидаціи. За исчерпаніемъ контингента такихъ непрочныхъ землевладѣльцевъ, или хозяевъ, выдѣлъ изъ общины падаетъ очень быстро, но въ то же время *продажа* надѣльныхъ земель, наоборотъ, *возрастаетъ* съ каждымъ годомъ.'

На 1-е марта 1910 г. продало землю около 10% укрѣпившихъ землю.
» 1-е января 1911 г. » » » 16,5% » »
» 1-е января 1912 г. » » » 21,5% » »

Это—по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, значительно умоньшеннымъ противъ дѣйствительности. Казенныя учрежденія регистрируютъ преимущественно акты продажъ, проходящихъ черезъ конторы нотаріусовъ [1]). По весьма много продажъ минуетъ эти конторы. Напримѣръ, по Харьковской губ. черезъ конторы нотаріусовъ проходило только 32% случаевъ продажъ надѣльной земли, 34% регистрировались въ волостныхъ правленіяхъ, а въ 34% стороны ограничивались домашними сдѣлками безъ всякой оффиціальной регистраціи. Но и по оффиціальнымъ даннымъ, къ 1-му января 1912 г. продало землю 385 тыс. дворовъ—всего 1511 тыс. дес.—т.-е. по 3,9 дес. на хозяйство. Небольшая площадь одной продажи удостовѣряетъ фактъ ликвидаціи земель именно малоземельными элементами деревни.

Такимъ образомъ, уничтоженіе общины совершается, въ значительной степени, не по тому направленію, которое было намѣчено покойнымъ творцомъ аграрной реформы. Правительство разсчитывало, что изъ общины выйдутъ, прежде всего, «крѣпкіе и сильные», а на самомъ дѣлѣ уходятъ, въ большинствѣ, «слабые», уходятъ не для того, чтобы продолжать и совершенствовать свое земледѣльческое хозяйство, а чтобы окончательно его покинуть, по крайней мѣрѣ, на родинѣ.

Но можетъ быть сильные пріобрѣтаютъ проданную землю и такимъ путемъ, хотя косвенно, достигается цѣль правительственной реформы?

По оффиціальнымъ цифрамъ, концентрація землевладѣнія при скупкѣ надѣловъ почти не происходитъ: на 385 тыс. про-

[1]) Оффиціальныя цифры продажъ получены «по свѣдѣніямъ провѣреннымъ по даннымъ архивовъ старшихъ нотаріусовъ окружныхъ судовъ» (См. объяснительная записка Министра Финансовъ).

давцовъ было 363 тыс. покупателей и на одного покупщика пришлось 4,2 дес. Но и въ данномъ случаѣ оффиціальныя цифры сомнительны, потому что, хотя закономъ и не допускается покупка болѣе 6 душевыхъ надѣловъ въ одни руки, при чемъ покупателями могутъ быть только лица крестьянскаго сословія—однако извѣстны весьма частые случаи обхода закона. Покупаютъ на членовъ семьи, на родственниковъ, на подставныхъ лицъ, покупаютъ купцы, мѣщане, духовенство, чиновники. Въ очень интересныхъ «Очеркахъ хуторской Россіи» князя В. А. Оболенскаго, печатавшихся въ журналѣ «Русская Мысль», приводится фактъ скупки 120 надѣловъ бывшимъ депутатомъ 1-й Государственной Думы, завѣдующимъ теперь землеустроительными работами; другой скупщикъ—купецъ, приписавшійся въ крестьяне, пріобрѣлъ 400 дес. по 10—15 рублей за десятину. При помощи страниковъ разбросанные надѣлы выдѣлили изъ общинной земли въ одно имѣнье и затѣмъ владѣлецъ перепродалъ его по 80 рублей пришлымъ малороссамъ. Неурожай 1911 г., разразившійся на юго-востокѣ, особенно способствовалъ спекулятивной скупкѣ земель: голодающіе крестьяне продавали надѣлы за ничтожную цѣну, спекулянты устраивали нѣчто въ родѣ публичнаго аукціона, и затѣмъ земля перепродавалась крестьянамъ, пришедшимъ изъ западныхъ губерній. Такъ какъ подобные случаи, судя по журнальной и газетной литературѣ, бывали очень часто, а въ оффиціальные бюллетени они, конечно, не попадаютъ, то очевидно, что казеннымъ цифрамъ довѣряться нельзя. Цифры изъ другихъ источниковъ немногочисленны. Въ Полтавской, Черниговской и Харьковской губ. произведены спеціальныя изслѣдованія переселенческаго движенія, затронувшія, между прочимъ, и вопросъ о томъ, кому переселенцы продаютъ свои земли. Въ Полтавской и Черниговской губ. въ числѣ покупателей—крестьянъ оказалось:

Черниговская губ.		Полтавская губ.	
Безземельныхъ	11,0%	Безземельныхъ	10,1%
Съ надѣломъ до 5 десятинъ на хозяйство.	48,6 »	Съ надѣломъ до 3 десятинъ на хозяйство	29,0 »
» 5—10 дес. . .	25,5 »	» 3— 9 дес. . .	38,5 »
» 10—15 дес. . .	7,3 »	» 9—15 дес. . .	11,3 »
» Свыше 15 дес . .	7,6 »	» Свыше 15 дес.	11,1 »

Большинство покупателей, къ которымъ перешла почти половина купленной земли, выдѣлились изъ рядовъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ. Въ этихъ губерніяхъ переселенцы продаютъ землю *враздробъ*—въ разныя руки по частямъ. Но въ Харьковской губ. почти въ 40% случаевъ земля продавалась въ одни руки, причемъ среднее количество десятинъ, купленныхъ на одно лицо, равнялось 35. Наконецъ, по только что опубликованной переписи Самарскаго уѣзда 87,5% проданной надѣльной земли перешло къ зажиточнымъ и даже богатымъ хозяевамъ—сельской буржуазіи. Вообще, повидимому, концентрація земель, при скупкѣ надѣловъ, усиливается по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ, *въ обратномъ отношеніи къ цѣнамъ на землю и къ степени интенсивности земледѣлія*. Это подтверждается даже оффиціальными данными: въ то время, какъ въ Самарской губ. на 100 продавцовъ приходится 45 покупателей, Астраханской 27, а Оренбургской 12, т.-е. въ послѣдней губерніи 1 покупатель концентрируетъ надѣлы 8 прежнихъ хозяевъ, въ Псковской губ. на 100 продавцовъ было 143 покупателя, Новгородской 125, а въ Черниговской—даже 154. Здѣсь мы видимъ уже не концентрацію, а *дробленіе*.

Такимъ образомъ, въ районахъ, отличающихся болѣе высокими цѣнами на землю и болѣе интенсивной земледѣльческой культурой, «сильные» крестьяне не выигрываютъ отъ разрушенія общины даже косвеннымъ путемъ. Наоборотъ, на востокѣ и на югѣ, гдѣ царитъ экстенсивное земледѣліе—или развивается земельная спекуляція, которая будетъ тормозить развитіе производительныхъ силъ, потому что всей своей тяжестью она обрушится на тѣхъ же малоземельныхъ, принужденныхъ, въ концѣ-концовъ, перекупить или арендовать надѣлы, проданные ими въ трудную минуту; или—въ лучшемъ случаѣ, на развалинахъ общины появится нѣсколько тысячъ новыхъ мелкихъ и среднихъ помѣщиковъ, которые, какъ и нынѣшніе, не заведутъ интенсивнаго хозяйства, а будутъ засѣвать неудобныя земли пшеницей до тѣхъ поръ, пока она станетъ давать урожаи. И поскольку мобилизація надѣловъ пойдетъ на усиленіе «сильныхъ» элементовъ деревни—она не будетъ способствовать хозяйственному прогрессу, потому что происходитъ въ районахъ съ отсталой хищнической культурой.

Въ центрѣ и на западѣ, гдѣ выдѣлъ изъ общины развитъ относительно слабѣе, чѣмъ на востокѣ, самъ по себѣ, безъ дальнѣйшаго землеустройства, онъ также вредно отразится на сельско-хозяйственной эволюціи. Манипуляція выдѣла изъ общины ограничивается юридическимъ закрѣпленіемъ за выдѣлившимся дворомъ всѣхъ причитающихся ему угодій, причемъ пахотный надѣлъ остается въ видѣ тѣхъ же десятковъ узенькихъ полосъ—дѣлянокъ, разбросанныхъ по всему полю, иногда за десятки верстъ отъ усадьбы, какъ онъ лежалъ въ общинѣ. Если эти полосы не сведены въ одно мѣсто и не вырѣзаны въ хуторъ или отрубъ изъ общиннаго поля, онѣ не только препятствуютъ остальнымъ общинникамъ производить передѣлы, но и задерживаютъ переходъ отъ трехпольнаго сѣвооборота къ многопольному, мѣшаютъ сверстать узкія полосы въ широкія, провести болѣе прямыя дороги, произвести разселеніе большихъ деревень—вообще цѣлому ряду подготовительныхъ межевыхъ работъ, безъ которыхъ невозможенъ переходъ къ усовершенствованнымъ системамъ земледѣлія. Нѣтъ ничего неестественнѣе и вреднѣе для сельскаго хозяйства этого принудительнаго сожительства новыхъ частныхъ собственниковъ и старыхъ общинниковъ, и пока такое сожительство будетъ продолжаться, до тѣхъ поръ нельзя говорить ни о какомъ серьезномъ сельскохозяйственномъ прогрессѣ.

Землеустройство и мобилизація земель.

Разрушать что-либо гораздо легче чѣмъ создавать; строить новый городъ по свободно созданному плану легче, чѣмъ перестраивать старый, и только во вновь колонизуемыхъ странахъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки, въ Канадѣ, Аргентинѣ и т. д., правительственному землеустройству предоставляется полный просторъ. Въ западной Европѣ и въ Россіи прежде чѣмъ правительство приступило къ этой операціи, сельское населеніе прожило много вѣковъ и, такъ или иначе, разрѣшило по своему землеустроительныя задачи. Задачи эти сводились, прежде всего, къ выбору *формы поселеній*, въ зависимости отъ физико-географическихъ условій, расовыхъ привычекъ, историческихъ традицій и уровня хозяйственнаго развитія.

Какъ извѣстно, славянскія племена предпочитаютъ *деревенскую* форму поселеній и деревня преобладаетъ въ Россіи надъ одиночными хуторами. Однако, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ природныхъ особенностей и, отчасти, отъ историческихъ причинъ, размѣры деревень въ разныхъ областяхъ Россіи весьма различны. Если мы раздѣлимъ Европейскую Россію на двѣ половины—сѣверную—нечерноземную полосу, и южную—черноземную, а затѣмъ, каждую половину на три области—западную, центральную и восточную, то средніе размѣры поселеній въ этихъ областяхъ варьируютъ такимъ образомъ:

	Населеніе обоего пола на 1 деревенское поселеніе.			
	Западъ	Центръ	Востокъ	Всего
Сѣверная нечерноземная полоса. .	68	136	194	109
Южная черноземная полоса . . .	438	438	472	446

Селенія черноземной полосы вчетверо населеннѣе, чѣмъ въ нечерноземной. Минимальный размѣръ поселеній—въ сѣверо-западной области, что зависитъ отъ обилія въ этой области хуторовъ, особенно распространенныхъ въ остзейскихъ провинціяхъ, а также въ Литвѣ. Размѣръ поселеній въ нечерноземной полосѣ рѣзко увеличивается съ запада на востокъ; въ черноземной—та же самая тенденція выражена сравнительно слабо. Вообще, поселенія *укрупняются* по направленію отъ сѣверо-западнаго угла къ юго-восточному.

Вотъ первыя фактическія указанія, которыми должно было воспользоваться правительство, при составленіи плана землеустройства, если бы оно хотѣло его построить на научныхъ основаніяхъ. Различія въ людности поселеній являются, прежде всего, результатомъ природныхъ особенностей, непреодолимыхъ какъ для крестьянъ, такъ, въ значительной мѣрѣ, и для самаго правительства. Если въ черноземной полосѣ поселенія вчетверо больше, чѣмъ на сѣверѣ, то это потому, что на югѣ мало водныхъ источниковъ; а «хуторское разселеніе всецѣло зависитъ отъ условій *водоснабженія*»—сказалъ никто иной, какъ П. А. Столыпинъ. Безъ воды хутора абсолютно невозможны, при небольшихъ же колодцахъ будутъ влачить жалкое существованіе. Чѣмъ интенсивнѣе система земледѣлія, тѣмъ больше потребность въ водѣ. Хуторизація, безъ достаточнаго орошенія, воз-

можна въ этихъ районахъ только на большихъ площадяхъ и при чисто зерновомъ (или выгонномъ) экстенсивномъ хозяйствѣ, которое при расширеніи посѣвовъ сверхъ опредѣленной нормы приводитъ почву къ быстрому истощенію. Поэтому, существующіе, напримѣръ, въ засушливой Самарской губ. хутора нѣмцевъ меннонитовъ—очень крупныхъ размѣровъ, подобно американскимъ фермамъ въ однородной мѣстности. Въ черноземной полосѣ рѣдкія, многоводныя рѣки текутъ съ сѣвера на югъ: большинство крупныхъ селъ ютятся въ рѣчныхъ долинахъ, а перпендикулярно къ нимъ, черезъ возвышенныя площади водораздѣловъ «холстами» тянутся земельные надѣлы общинъ. Очень часто попадаются села въ тысячу и болѣе дворовъ, имѣющія 10—15 тыс. дес. земли, при чемъ дальній конецъ поля отстоитъ отъ усадьбы иногда за 20 и 30 верстъ. Конечно, объ удобреніи, улучшенной обработкѣ поля на такомъ разстояніи нечего и думать. Разселеніе крестьянъ большими селами влечетъ за собой въ современномъ крестьянскомъ землеустройствѣ два, крайне вредныхъ для сельскаго хозяйства, послѣдствія: *длинноземелье и черезполосицу*. И то и другое зависятъ вовсе не отъ общинной формы землепользованія, а именно отъ формы поселенія крупными деревнями. Извѣстный оффиціозный изслѣдователь хуторского хозяйства г. Кофодъ начинаетъ свой двухтомный трудъ о хуторахъ заявленіемъ, что «страшнѣйшее зло деревни, главный тормазъ для ея сельскохозяйственнаго развитія не юридическая форма владѣнія надѣльной землей, а внутринадѣльная черезполосица. Зло это почти одинаково чувствуется, какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ владѣніи. [1]) И, напримѣръ въ Полтавской губерніи, въ которой общины совсѣмъ не было, пришлось еще въ серединѣ минувшаго столѣтія прибѣгнуть къ спеціальному межеванію, чтобы урегулировать запутанную черезполосицу, возникшую, благодаря дробленію земли, при переходахъ по наслѣдству.

Въ общинѣ земли обычно дѣлятся, по качеству почвы, и по разстоянію отъ усадьбы, на прямоугольники или *«ярусы»*, раздѣленные дорогами или межами: эти ярусы затѣмъ разрѣзаются на перпендикулярныя полосы, концы которыхъ упи-

[1]) *А. А. Кофодъ.* Крестьянскіе хутора на надѣльной землѣ.

раются въ дороги и межи. При трехпольной системѣ размежеваніе на ярусы, а ярусовъ на полосы происходитъ въ каждомъ изъ трехъ полей отдѣльно: такимъ образомъ уравнивается и разстояніе отъ усадьбы и качество почвы, но въ результатѣ этого уравниванія каждый крестьянинъ получаетъ 30—40—50 и даже до 100 полосъ. Полосы эти—длинныя узкія ленты, на которыхъ поперечная вспашка совершенно невозможна, сѣмена при посѣвѣ у двухъ сосѣдей перемѣшиваются и т. д. Однимъ словомъ безъ устраненія крайностей черезполосицы и длинноземелья переходъ къ интенсивному земледѣлію очень сильно затрудняется.

Кромѣ маловодья, хуторамъ въ черноземной полосѣ препятствуетъ *однобразіе угодій:* лѣсовъ почти нѣтъ, естественныхъ луговъ и пастбищъ очень мало—всѣ они сконцентрированы большими площадями вокругъ водныхъ источниковъ. Общеизвѣстно, что въ черноземной полосѣ травосѣяніе почти не развивается и хуторянинъ не можетъ обойтись безъ пастбища и луга. Въ нечерноземной полосѣ и особенно на сѣверо-западѣ вода имѣется всюду, луга, пастбища, рощи разбросаны мелкими участками—тамъ нарѣзать хутора очень легко и, подъ вліяніемъ своихъ прибалтійскихъ сосѣдей—псковскіе и новгородскіе крестьяне стали самостоятельно переходить на хутора еще до начала землеустроительной дѣятельности правительства. А на юго-востокѣ правительство еще въ 1840-хъ годахъ пыталось создать хуторскія хозяйства изъ русскихъ переселенцевъ, но эти переселенцы обнищали и разбѣжались [2]). Въ такомъ положеніи, на нашъ взглядъ, было бы всего раціональнѣе для черноземной полосы избрать *промежуточныя* формы землеустройства. Хутора, конечно, съ технической стороны, представляютъ идеальную форму; но объ осуществленіи идеаловъ намъ рано еще думать. Самымъ раціональнымъ пріемомъ, намъ кажется, въ данномъ случаѣ, *разселеніе большихъ селъ* на мелкія деревни въ нѣсколько десятковъ дворовъ и сверстка (коммасація) узкихъ полосъ въ широкія, вплоть до двухъ-трехъ отрубовъ. Какъ извѣстно, послѣдняя форма

[2]) Въ 70-хъ гг эта попытка была повторена на юго-востокѣ Д. А. Столыпинымъ, близкимъ родственникомъ покойнаго министра. Интересно, что когда имѣнія перешли къ наслѣдникамъ Дмитрія Аркадьевича, хутора были уничтожены.

землеустройства широко практикуется въ Западной Европѣ и даетъ весьма благопріятные результаты [1]). Но въ Западной Европѣ большихъ селъ мало и намъ приходится добавить эту осложняющую землеустроительный трудъ манипуляцію. Однако, даже при разселеніи на мелкія деревни, выполненіе этой операціи, сравнительно съ переходомъ на хутора, облегчится технически и удешевится во много разъ.

Кромѣ природныхъ препятствій, широкому распространенію хуторовъ въ Россіи служатъ помѣхой *экономическія*. Для того, чтобы хуторяне явились дѣйствительно передовымъ авангардомъ сельскохозяйственнаго прогресса, необходимо, чтобы они были *зажиточными* и *культурными;* у насъ слой зажиточныхъ крестьянъ представляетъ тонкую пленку на поверхности массы малоземельныхъ; культурныхъ хозяевъ еще меньше. И если бы правительство, дѣйствительно, рискнуло разселить даже третью часть крестьянъ по хуторамъ, то, затративши на эту операцію многія сотни милліоновъ [2]), оно могло бы, въ концѣ-концовъ, вызвать не обогащеніе, а обѣдненіе населенія, т. к. малоземельные, невѣжественные крестьяне чувствуютъ себя на хуторахъ очень плохо.

Но, не имѣя на хуторизацію Россіи достаточно средствъ и силъ, не будучи въ состояніи справиться съ природой, правительство *фактически пошло* по линіи наименьшаго сопротивленія. Кромѣ подлинныхъ хуторовъ съ отводомъ всей земли собственникамъ въ одномъ мѣстѣ и съ переносомъ усадьбы владѣльца на его участокъ„ землеустроительная практика гораздо чаще прибѣгаетъ къ такъ-называемой *отрубной* системѣ, когда крестьянинъ со своей усадьбой остается на старомъ мѣстѣ, а его полевая земля сверстывается въ одинъ или

---

[1]) У насъ въ Россіи въ началѣ 1900-хъ гг. земскіе статистики открыли у крестьянъ Ярославской губ. самостоятельныя попытки коммассаціи. Теперь соединеніе узкихъ полосъ въ широкія, въ связи съ трявосѣяніемъ и многопольемъ,замѣтно распространилось въ промышленномъ центрѣ, особенно, въ Московской и Петербургской губерніяхъ; при этомъ община сохраняетъ свои функціи въ неприкосновенности.

[2]) Расходы правительства при переселеніи крестьянъ на хутора очень велики: межеваніе, постройка дорогъ, водоснабженіе, пособіе на переносъ построекъ, даже при тѣхъ упрощенныхъ пріемахъ, которые вызвали множество нареканій, обходятся правительству не менѣе, чѣмъ въ 150—200 рубл. на семью, да столько же самому хуторянину.

нѣсколько отрубовъ. Пользованіе пастбищами и сѣнокосами, при отрубной системѣ, а иногда даже и при хуторской, остается такимъ же, какъ и до землеустройства. Слѣдовательно, фактически, правительство производитъ коммассацію, уменьшая черезполосицу, но оставляя въ неприкосновенности другое зло черноземной деревни—*длинноземелье*, съ той разницей, что прежде всѣмъ крестьянамъ приходилось ѣздить и на ближнія и на дальнія полосы, а теперь однимъ достаются ближайшіе отруба, другимъ болѣе отдаленные [1]). Ослабляется одно зло, остается другое, и землеустроительная реформа на дѣлѣ остается неоконченной болѣе, чѣмъ на половину.

Правительство проводитъ землеустройство двумя путями: 1) при покупкѣ крестьянами земель, принадлежащихъ Крестьянскому Банку, или частновладѣльческихъ, пріобрѣтаемыхъ черезъ посредство Банка, и 2) на надѣльныхъ земляхъ крестьянъ.

До 1906 г. частновладѣльческая земля, переходившая, черезъ посредство Банка, къ крестьянамъ, пріобрѣталась ими не единолично, а почти исключительно товариществами или цѣлыми общинами. Съ 1906 г. Крестьянскій Банкъ радикально мѣняетъ свою позицію и старается частью льготами, частью принудительными мѣрами склонить крестьянъ къ единоличнымъ сдѣлкамъ, для каковой цѣли земля, идущая въ продажу, предварительно размежевывается на хутора и отруба. Въ силу этого, процентъ общественныхъ и товарищескихъ покупокъ быстро сокращается съ каждымъ годомъ.

Куплено крестьянами у Банка и черезъ посред-(ство Банка. Въ тыс. дес.)		Процентъ земли купленной Об-ми	
		Единолично.	и товарище-ствами.
1906 г. . .	522,7	1,6	97,4
1907 г. . .	932,8	1,8	98,2
1908 г. . .	1019,0	14,9	85,1
1909 г. . .	1227,1	41,0	59.0
1910 г. . .	1549,7	55,8	44,2
1911 г. . .	1397,6	60,9	39,1
1912 г. . . .	943,2	—	—
Всего . .	7592,1 (1906—11 г.)	36,0	64,0

[1]) Обыкновенно при размежеваніи дальность растоянія уравнивается приплатой деньгами, или прибавкой земли тѣмъ, кто получаетъ отдаленные отруба.

За 1912 г. полныхъ свѣдѣній о распредѣленіи купленной земли по категоріямъ покупателей мы еще не имѣемъ: непосредственно изъ имѣній Банка (который продалъ всего 397 тыс. дес.) въ руки единоличныхъ владѣльцевъ-хуторянъ и отрубниковъ перешло 87,1% проданной земли.

Во всякомъ случаѣ, не будетъ преувеличеннымъ предположеніе, что не менѣе 40% земли, купленной крестьянами при помощи Банка за 1906—12 гг., т.-е. 3 милліона десятинъ, разверстано на хутора и отруба. Частновладѣльческія земли отличаются лучшимъ качествомъ почвы, сравнительнымъ обиліемъ воды, луговъ и лѣсовъ и размежеваніе ихъ, согласно цѣлямъ правительства, представляется дѣломъ значительно болѣе легкимъ, чѣмъ хуторизація крестьянскихъ надѣловъ.

Однако и здѣсь, отрубная система преобладаетъ надъ хуторской. По 1-е іюля 1910 г. хуторами было продано 26,3% земли, перешедшей къ единоличнымъ собственникамъ, отрубами—73,7%; въ 1911 г. процентъ хуторскихъ земель повысился до 32%, въ 1912 г. исключительно на земляхъ Банка онъ равняется 36%. Въ общемъ, до настоящаго момента, Банкъ насадилъ хуторское хозяйство на площади, близкой къ милліону десятинъ, на которой при средней величинѣ хуторского участка въ 15—16 десятинъ, размѣстилось, вѣроятно, около 60 тысячъ хуторянъ. Отрубныхъ хозяйствъ организовано до 170 тысячъ.

На земляхъ Банка практикуется довольно часто выселеніе крестьянъ-отрубниковъ въ особые поселки въ нѣсколько десятковъ дворовъ, которые мы считаемъ наиболѣе раціональной формой землеустройства въ настоящій моментъ. Такъ, въ 1912 году перешло на проданныхъ самимъ Банкомъ земляхъ въ такіе поселки 7 тысячъ хозяевъ-отрубниковъ, а безъ выселенія—около 9 тыс.

Что тотъ или иной видъ землеустройства—хуторами или отрубами—сказится, главнымъ образомъ, отъ природныхъ условій—разнообразія естественныхъ угодій и водоснабженія—видно изъ такого сопоставленія:

Изъ 100 десят. продано и запродано:

Въ губерніяхъ, въ которыхъ пашня въ имѣніяхъ крестьянскаго	хуторами	отрубами
Банка составляетъ менѣе . . 30%	76,3%	23,7
» 30—60%	33,7%	66,3%
свыше . . 60%	18,2%	81,8%

Чѣмъ меньшее пространство въ имѣніяхъ занимаетъ пашня, т.-е. чѣмъ больше въ нихъ луговъ, пастбищъ, лѣсовъ, а съ ними и водныхъ источниковъ, тѣмъ легче землеустроителямъ Банка удается разбить продаваемыя имѣнія на хутора.

Крестьянскія надѣльныя земли, въ особенности въ черноземной полосѣ, состоятъ почти сплошь изъ пахотныхъ угодій. Поэтому, a priori, можно предположить, что организація хуторовъ на ихъ территоріи представляетъ больше затрудненій *); къ сожаленію, въ оффиціальныхъ отчетахъ о надѣльномъ землеустройствѣ нѣтъ раздѣленія на хутора и отруба.

Но по нѣкоторымъ мѣстностямъ имѣются по этому вопросу статистическія данныя земствъ и землеустроительныхъ комиссій. По этимъ даннымъ хуторское хозяйство широко распространяется въ сѣверо-западномъ углу Россіи, главнымъ образомъ, въ Псковской губ., гдѣ двѣ трети крестьянъ при выходѣ изъ общины сразу переселяются на хутора, а одна треть—на отруба. Въ промышленномъ центрѣ дѣло идетъ уже значительно хуже: такъ, въ Московской губерніи, около 57 тыс. хозяевъ къ 1913 г. выдѣлилось изъ общины, на хутора и отруба вмѣстѣ перешло 4,5 тыс., а изъ нихъ собственно на хутора только 17,3%. Далѣе на востокъ еще хуже: въ Нижегородской губ. изъ перешедшихъ къ единоличному землеустройству крестьянъ-отрубниковъ—96%, типичныхъ *хуторянъ только* 1%, а 3% принадлежатъ къ смѣшанному типу, такъ какъ у нихъ земля находится въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

На основаніи этихъ фактовъ, можно думать, что въ нечерноземной полосѣ процентъ хуторовъ въ единоличныхъ хозяйствахъ на надѣльной землѣ понижается съ запада на востокъ. То же самое наблюдается и въ черноземной полосѣ, съ той разницей, что здѣсь вообще хуторское устройство гораздо затруднительнѣе. Поэтому, на юго-западѣ, даже въ Волынской

*) По словамъ члена Государ. Думы Демидова, свыше 50% устроенныхъ и размежеванныхъ земель не обезпечено водой.

губ., гдѣ выселеніе на хутора началось самостоятельно задолго до землеустройства, по свѣжимъ публикаціямъ по Новоградъ-Волынскому уѣзду, на 5,5 тыс. отрубовъ оказалось только 867 хуторовъ. А на юго-востокѣ—въ Самарскомъ уѣздѣ, гдѣ около 30% крестьянъ вышло изъ общины, отрубниковъ по переписи 1911 г. было 3%, а хуторянъ—1%.

Отсюда можно сдѣлать два вывода: 1) что если на купленныхъ крестьянами единолично частновладѣльческихъ земляхъ хуторянъ оказывается четвертая часть, а три четверти принадлежатъ къ отрубникамъ, то на надѣльныхъ земляхъ хуторовъ гораздо меньше, во 2), что распространеніе хуторовъ на земляхъ обѣихъ категорій усиливается по направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ, обратно пропорціонально величинѣ поселеній. Правительство безсильно бороться съ непреодолимыми природными условіями; смѣшивая въ отчетахъ двѣ такія различныя формы землеустройства, какъ хутора и отруба, оно лишь вводитъ публику въ заблужденіе.

Общій итогъ крестьянъ, устроившихся хуторами и отрубами на надѣльныхъ земляхъ, значительно меньше, чѣмъ вышедшихъ изъ общины.

	Перешло на отруба и хутора хозяевъ (въ тыс)
Въ 1907 г.	8
» 1908 г.	42
» 1909 г.	119
» 1910 г.	150
» 1911 г.	204
» 1912 г.	313
Всего	836

Надо еще замѣтить, 1) что въ это число включены не только общинники, но и переходящіе къ единоличному землеустройству крестьяне съ *подворнымъ* землевладѣніемъ (на 1 января 1912 г. 129 тыс. дворовъ); 2) что общины, переходящія на хутора и отруба въ полномъ составѣ, не входятъ въ число крестьянъ, укрѣпляющихъ свои надѣлы по закону 9 ноября и 14 іюня. Этихъ послѣднихъ насчитывалось къ 1 января 1912 г. 1622 тыс. дворовъ, а перешло на хутора и отруба изъ нихъ только 129 тысячъ—8%, а, слѣдовательно, 92% осталось при старой черезполосицѣ и длинно-земельи.

Отсюда, очевидно, что выдѣлъ изъ общины и землеустройство представляютъ не двѣ стадіи одного и того же процесса, а два *самостоятельныхъ процесса,* связанныхъ между собою только тѣмъ, что оба происходятъ по инициативѣ и подъ давленіемъ правящей власти.

Выходъ изъ общины падаетъ; землеустройство, наоборотъ, развивается. Выходятъ изъ общины, главнымъ образомъ, малоземелные дворы, а переходитъ къ единоличному землеустройству рядовая крестьянская масса, и размѣръ землевладѣнія у отрубниковъ и хуторянъ на надѣльной землѣ вполнѣ тождественъ съ размѣромъ землевладѣнія у всѣхъ крестьянъ—10,1 дес. на хозяйство. Это не удивительно, такъ какъ крестьяне переходятъ къ новымъ формамъ землеустройства, преимущественно, цѣлыми *деревнями.*

И, въ сущности, ни тотъ, ни другой процессъ не отвѣчаетъ цѣлямъ программы, начертанной творцомъ современной реформы П. А. Столыпинымъ. Мы уже указывали, чѣмъ противорѣчитъ этой программѣ фактическій ходъ разрушенія общины. Только что приведенные факты свидѣтельствуютъ, что и землеустройство не идетъ по мановенію свыше, а, приспособляясь къ естественнымъ и экономическимъ условіямъ, совершенно мѣняетъ свои очертанія.

Взамѣнъ хуторовъ, по необходимости, организуются, главнымъ образомъ, *отруба.* При отрубной системѣ остается неприкосновенной деревенская форма поселеній; крестьяне, попрежнему, представляютъ изъ себя компактную массу, способную также дружно подняться на защиту своихъ интересовъ. Для хозяйственнаго прогресса эта система даетъ сравнительно мало, потому что не уничтожаетъ длинноземелья, не приближаетъ крестьянина къ землѣ и между усадьбой и пашней сохраняются разстоянія въ 20 и 30 верстъ. Черезъ десятокъ—другой лѣтъ, благодаря мобилизаціи земель и переходамъ по наслѣдству, отруба опять раздробятся на мелкія полосы, на земельную «пыль». Но самое главное—это то, что землеустройство идетъ не на пользу «крѣпкимъ и сильнымъ». На надѣльныхъ земляхъ переходятъ на отруба всѣ крестьяне какъ мелкіе, такъ и средніе и крупные. Хутора и отруба, нарѣзанные на помѣщичьихъ земляхъ, покупаются преимущественно малоземельными и безземельными.

Изъ 100 крестьянъ, купившихъ частновладѣльческія земли, было въ (1908—1911 гг.)

	У купившихъ единолично (съ переходомъ на хутора и отруба).	У купившихъ обществами и товариществами,	У всѣхъ крестьянъ Европейск. Россіи (по даннымъ 1905 г.)
Безземельныхъ	28,9	11,4	7,0
Владѣвшихъ надѣломъ			
до 3-хъ десятинъ .	35,2	27,3	9,0
съ 3—9 » . .	28,1	43,9	45,2
съ 9—15 » . .	5,6	12,5	22,4
Свыше 15 » . .	2,2	4,9	16,4

Самыми малоземельными оказываются единоличные покупатели: 92,2% ихъ имѣли надѣлъ меньше 9 дес., недостаточный для самостоятельнаго существованія; экономическій составъ покупающихъ цѣлыми общинами и товариществами значительно выше; у всѣхъ крестьянъ Европейской Россіи еще выше. Хутора и отруба нарѣзываются сравнительно крупными участками; крестьянину, владѣющему среднимъ надѣломъ, такіе участки являются излишнимъ бременемъ: онъ не сладитъ съ большими платежами [1]) и предпочитаетъ поэтому прикупить къ своему надѣлу нѣсколько десятинъ въ компаніи съ нѣсколькими десятками или со всѣми членами общины, и средняя площадь товарищеской покупки на 1 хозяйство составила всего 5,1 дес. Наоборотъ, единоличные покупатели, имѣющіе мало своей земли, вынужденные покупать сразу цѣлый хуторъ или отрубъ, увеличиваютъ свое землевладѣніе на цѣлыхъ 12,8 дес. на хозяйство. Изъ безземельныхъ и малоземельныхъ они сразу превращаются въ *многоземельныхъ* послѣ покупки, большинство ихъ концентрируется въ группахъ, имѣющихъ отъ 9 до 25 дес., но, такъ какъ таковое превращеніе не сопровождается соотвѣтственнымъ увеличеніемъ земледѣльческаго капитала (орудій

[1]) Высокія цѣны на частновладѣльческую землю отталкиваютъ отъ покупки зажиточныхъ крестьянъ, охотнѣе скупающихъ теперь крестьянскіе надѣлы. Цѣны особенно поднялись послѣ 1905 г., когда правительство выручало помѣщиковъ, стремившихся ликвидировать свои имѣнія. Вообще, за послѣднее десятилѣтіе онѣ удвоились.

и скота), то по отношенію къ площади владѣнія этотъ капиталъ оказывается далеко недостаточнымъ. Мы имѣемъ свѣдѣнія относительно количества скота: у единоличныхъ покупателей оказывается 13 головъ рабочаго скота на 100 дес., у купившихъ обществами и товариществами—18, коровъ у первыхъ меньше 11, у вторыхъ—16, мелкаго скота—34 и 54 гол. Хозяева хуторовъ и отрубовъ менѣе обезпечены скотомъ, вѣроятно, также и другими элементами земледѣльческаго капитала.

Итакъ, основные факты, характеризующіе реальное осуществленіе задуманной П. А. Столыпинымъ реформы, свидѣтельствуютъ, что, до сихъ поръ, и въ выходѣ изъ общины, и въ единоличномъ землеустройствѣ первенствующая роль принадлежитъ *малоземельнымъ* слоямъ деревни; они являются наиболѣе подвижнымъ элементомъ, весьма склоннымъ ко всякимъ перемѣнамъ своей жизни, потому что недостатокъ средствъ существованія гонитъ ихъ съ родины и заставляетъ бросаться въ любую дверь, которая откроется передъ нимъ. «Хоть гирше, та инше» (хоть хуже, да по иному), какъ говоритъ малороссійская пословица. Средніе слои принимаютъ участіе при раздѣленіи на отруба цѣлыхъ деревень, а «сильные крестьяне», фигурируя во всѣхъ процессахъ, связанныхъ съ аграрной реформой, въ общемъ, остаются въ тѣни и выдвигаются на первый планъ только на юго-востокѣ, въ районахъ самаго экстенсивнаго земледѣлія. Поскольку «ставка на сильныхъ» осуществляется въ дѣйствительности, она служитъ больше ареной земельной спекуляціи и эксплоатаціи «слабыхъ», чѣмъ поприщемъ сельскохозяйственнаго прогресса. Есть, конечно, и крупные хуторяне, заводящіе улучшенное хозяйство. Но для того, чтобы прогрессивные хуторяне могли увлечь за собой всю стомилліонную массу народа, необходимо, чтобы ихъ считали не тысячами, а сотнями тысячъ. Когда будутъ въ Россіи милліоны такихъ хуторовъ, когда хозяева ихъ станутъ изъ года въ годъ снимать со своихъ полей стопудовые урожаи, тогда можно будетъ сказать, что планъ П. А. Столыпина осуществился. Много ли шансовъ на это?—Приведенныя данныя даютъ довольно рѣшительный отвѣтъ.

На этомъ мы заканчиваемъ свое краткое изложеніе основныхъ чертъ современнаго положенія аграрнаго вопроса въ

Россіи. Многое намъ пришлось оставить въ сторонѣ: самый существенный пунктъ, пропущенный нами—такъ быстро разрастающееся за послѣднее время кооперативное движеніе.

Все, что мы изложили выше, даетъ право на одинъ главный выводъ: аграрный вопросъ въ Россіи *еще не рѣшенъ* и не можетъ быть рѣшенъ способомъ, придуманнымъ П. А. Столыпинымъ, «ставка на сильныхъ» была бы осуществима тогда, когда бы этихъ «сильныхъ»—богатыхъ и культурныхъ хозяевъ было много въ крестьянской массѣ. Но въ сельскомъ хозяйствѣ законъ экономической дифференціаціи дѣйствуетъ очень слабо, даже тогда, когда политическіе факторы ему благопріятствуютъ, и большой процентъ «сильныхъ» въ крестьянской средѣ встрѣчается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда все земледѣльческое населеніе, въ большинствѣ, зажиточно и культурно. Тамъ же, гдѣ массы бѣдны, невѣжественны, гдѣ царятъ отсталыя системы земледѣлія,—тамъ и «сильныхъ» оказывается очень мало и изъ нихъ вырабатывается, скорѣе, не прогрессивный въ хозяйственномъ отношеніи классъ, а разрозненныя кучки хищниковъ и эксплоататоровъ. Только подъемъ благосостоянія *всей* массы русскаго крестьянства, для котораго въ первую очередь требуется устройство малоземельныхъ, могъ бы дать, въ конечномъ счетѣ, устойчивый сельскохозяйственный прогрессъ и обиліе богатыхъ и культурныхъ крестьянъ. И хотя, послѣ 1905—1906 гг., мы вступили въ фазисъ общаго экономическаго и въ частности сельскохозяйственнаго подъема, но, во-первыхъ, этотъ подъемъ, зависящій отчасти отъ случайнаго совпаденія хорошихъ урожаевъ и высокихъ цѣнъ, нельзя еще считать устойчивымъ явленіемъ, во-вторыхъ, не надо забывать, что экономическая эволюція другихъ европейскихъ странъ совершается еще быстрѣе. Мы отъ нихъ далеко отстали, намъ необходимо ихъ догнать, а для этого требуется искреннее, лишенное тѣни политиканства, сотрудничество правительства, интеллигентнаго общества и народа. Между тѣмъ, наше правительство имѣетъ одно несчастное свойство: въ годы бѣдствій оно теряется и пытается загладить старые грѣхи либерализмомъ, въ годы экономическаго подъема реакція еще выше поднимаетъ голову, стремится вернуть потерянныя позиціи и портитъ всѣ благія начинанія. Это именно мы наблю-

даемъ въ настоящій моментъ: многія стороны аграрной политики уже извращены подъ давленіемъ реакціонныхъ элементовъ бюрократіи и общества. А цѣлый рядъ симптомовъ (ростъ переселенческаго движенія, неурожай на востокѣ, ненормальный ходъ землеустроительной реформы, сопровождающійся увеличеніемъ мобилизаціи надѣльныхъ земель и т. д.) показываетъ, что въ аграрномъ вопросѣ, подъ нами еще зыбкая почва, что возможны еще пертурбаціи всякаго рода, которыя могутъ оказаться для правительства неожиданными. Тѣ клапаны, которые въ первые годы послѣ революціи дѣйствовали исправно—переселеніе и мобилизація владѣльческихъ земель, за послѣднее время попортились, малоземелье опять наростаетъ и тревожитъ крестьянскую мысль. И весьма вѣроятно, что не такъ далеко то время, когда обстоятельства поставятъ правительство еще разъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія.

Страничка изъ русской аграрной исторіи.

Наше сельское хозяйство вообще и крестьянское въ особенности переживаетъ въ настоящее время періодъ коренной ломки, производимой одновременно и *сверху*—путемъ законодательной реформы и всякаго рода сверхъ-законныхъ воздѣйствій, и *снизу*—въ силу естественной эволюціи, создавшей къ началу XX вѣка, въ большинствѣ районовъ Европейской Россіи, необходимость разстаться съ традиціонной «трехполкой» и искать новыхъ дорогъ въ сферѣ интенсивной агрикультуры.

Въ настоящій моментъ, конечно, немыслимъ учетъ результатовъ происходящаго аграрнаго переворота; но что результаты эти будутъ имѣть огромное значеніе не только для экономической, но и для политической жизни Россіи—въ этомъ не сомнѣвается никто. Поэтому новѣйшія фактическія данныя, освѣщающія ту или иную сторону современнаго положенія земледѣльческой Россіи, представляютъ интересъ не только для спеціалистовъ, но и для широкихъ слоевъ интеллигенціи. Мы рѣшаемся, поэтому, предложить вниманію читателей краткое изложеніе только что опубликованныхъ результатовъ третьей подворно-хозяйственной земской переписи Полтав-

ской губерніи 1910 г., въ связи съ анализомъ данныхъ двухъ предыдущихъ переписей (1882—9 и 1900 гг.) и съ основными фактами старинной «Румянцевской описи», составленной въ Полтавской губерніи въ 1767 году. Богатый фактическій матеріалъ позволяетъ бросить ретроспективный взглядъ на полуторавѣковую аграрную исторію Полтавской губерніи, начиная со второй половины XVIII вѣка и кончая новѣйшимъ по революціоннымъ періодомъ. Только въ исторической перспективѣ можно вполнѣ уяснить себѣ все значеніе переживаемаго нынѣ момента.

На всемъ протяженіи аграрной исторіи на сельско-хозяйственную эволюцію оказываютъ вліяніе двоякаго рода факторы: 1) *политическіе*—въ прежнее время захватъ земли правящими классами, потомъ стремленіе загормозить паденіе крупнаго землевладѣнія, а теперь тенденція къ выдѣленію изъ массы трудовыхъ земледѣльцевъ слоя мелкой буржуазіи; 2) *экономическіе* (ростъ населенія, его потребностей и культуры, вліяніе рынка, измѣненія въ естественномъ плодородіи почвы-, побуждающіе населеніе къ смѣнѣ формъ хозяйства, системъ полеводства и техническихъ пріемовъ земледѣлія. Экономическіе факторы, какъ и политическіе, создаютъ извѣстную перетасовку въ распредѣленіи земли и другихъ средствъ производства между различными классами и слоями хозяйствъ, занятыхъ въ производствѣ; та или иная ихъ комбинація можетъ привести къ *концентраціи* земли въ немногихъ рукахъ или, наоборотъ, къ *дробленію* ея между возрастающимъ числомъ самостоятельныхъ хозяйствъ. Между трудовымъ и капиталистическимъ классами, между слоями различной хозяйственной силы внутри каждаго класса идетъ постоянная борьба, «борьба за землю», въ которой, въ конечномъ счетѣ, одерживаютъ верхъ группы, наиболѣе приспособленныя къ данному уровню хозяйственнаго развитія. Историческій анализъ даетъ возможность точнѣе опредѣлить силу каждаго изъ взаимодѣйствующихъ факторовъ и удерживаетъ отъ поспѣшныхъ и преувеличенныхъ выводовъ при разсмотрѣніи современнаго положенія вещей.

Полтавская губернія, какъ и бо́льшая часть Малороссіи, въ сравнительно короткій, двухвѣковой періодъ, пережила эволюцію землевладѣнія и, отчасти, хозяйства, которую Евро-

па проходила въ теченіе тысячелѣтій. Когда козацкое «товариство» освободило Малую Россію отъ ярма «лядскаго», крупные польскіе землевладѣльцы были изгнаны и вся земля объявлена нераздѣльной войсковой собственностью. Затѣмъ она была подѣлена по полкамъ, въ полкахъ—по сотнямъ, въ сотняхъ—по мѣстечкамъ, селамъ, деревнямъ и хуторамъ. Въ такой же точно постепенности дѣлилась завоеванная территорія у древне-германскихъ племенъ.

Когда сотенныя «вольницы»—эти общины-волости—стали распадаться на селенныя, начался новый періодъ: «займанщины», т.-е. вольнаго захвата земель въ постоянное индивидуальное пользованіе, отвердѣвшее вскорѣ въ частную собственность. Въ степной Украйнѣ полковникъ могъ занять такое пространство, какое съ одного мѣста окинетъ окомъ, сотникъ—сколько въ день обойдется, а простой казакъ—сколько въ день опашетъ сохою. Займанщина и захватъ политической власти казацкой «старшиной» (старшими чинами) привели очень быстро къ соціальной дифференціаціи. Къ началу XVIII-го вѣка бо́льшая половина земли оказалась въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ—«державцевъ», меньшая въ рукахъ рядовыхъ казаковъ, а третій классъ—крестьяне—были почти совсѣмъ обезземелены и закрѣпощены. Екатерина II юридически оформила существовавшее въ дѣйствительности крѣпостное право.

Румянцевская опись застаетъ Малороссію какъ разъ въ моментъ этой дифференціаціи. По Полтавской губерніи до сихъ поръ разработаны только данныя 4 казацкихъ сотенъ (21 поселка) Золотоношскаго уѣзда и 13 крестьянскихъ волостей Полтавскаго уѣзда [1]). Свѣдѣній о положеніи крупнаго землевладѣнія не имѣется.

Казаки, имѣвшіе свою землю и нѣкоторыя права, были значительно зажиточнѣе безправныхъ крестьянъ. Къ настоящему времени, какъ показываютъ нижеслѣдующія данныя, эта

[1]) Матеріалы по Золотоношескому уѣзду впервые опубликованы, въ сыромъ видѣ, проф. Лучицкимъ. Они подвергнуты детальной разработкѣ г. Рклицкимъ. (см. «Статистич. Ежегод. Полт. губ.» на 1909 г.). Данныя Полтавскаго уѣзда обработалъ г. Мякотинъ, въ статьѣ «Крестьянское землевладѣніе въ Полт. у, 1767 г.», (Сборн. въ пользу недост. студентовъ у-та св. Владимира), но безъ сравненія съ современными которое произведено нами.

разница между двумя категоріями трудового земледѣльческаго населенія сгладилась, въ особенности по отношенію къ пахотной землѣ.

На 100 наличныхъ душъ было.

		у казаковъ.	У крестьянъ.	У казаковъ больше чѣмъ у крестьянъ въ % %
Пашни съ переложнымъ	1767	222	71	215
сѣнокосомъ	1885 и 1900 г.	89	53	68
Крупнаго скота (головъ)	1767 г.	84	52	62
	1885 и 1900 г	41	27	52

Приростъ казачьяго населенія былъ сильнѣе: крестьяне чаще уходили искать въ другихъ мѣстахъ лучшей доли. Разница въ приростѣ за 120—130 лѣтъ сократила имущественныя различія обоихъ сословій.

Внутри каждаго сословія во второй половинѣ XVIII вѣка существовала не меньшая, если не большая разслоенность, чѣмъ въ настоящее время.

А Группировка по рабочему скоту

Казаки (% дворовъ).

	Безъ раб. скота.	Съ 1 лош.	Съ 1—5 гол. воловъ.	6 и болѣе воловъ.
1767 г.	13,6	6,6	59,0	20,8
		Съ 1 гол. Раб. скота.	2—6 гол. раб. скота.	7 и болѣе гол. раб. скота.
1885 г.	35,9	8,5	52,1	3,5

Б. Группировка по пахотной землѣ.

Казаки.

	Безземел. и безпах.	До 3 дес.	3—9 д.	9—50 д.	Свыше 50 дес.
1767 г. (% семей).	8	9	31	51	1,0
1900 г. (% дворовъ).	22	29	33	15,5	0,5

Крестьяне (% дворовъ).

	Безпах.	До 3 дес.	3—9 дес.	9—20 д.	Свыше 20 дес.
1767 г.	53,6	15,3	22,9	6,7	1,5
1885 г.	31,4	26,0	38,3	3,4	0,9

При сравненіи группировокъ по напкѣ у казаковъ г. Рклицкій, сопоставилъ не совсѣмъ соизмѣримыя величины—въ 1767 г. семью, а въ 1900 г. дворъ-хозяйство, вслѣдствіе чего разслоенность козаковъ въ эпоху Румянцевской описи получилась меньшая, чѣмъ она была въ дѣйствительности [1]). Но, какъ бы то ни было, несомнѣнно, что со времени Румянцевской описи въ распредѣленіи земли и скота среди трудовыхъ классовъ Полтавской губерніи произошелъ весьма замѣтный процессъ *дробленія*, а если взять группировку по дворамъ, то и *нивеллировки*.

Процессъ дробленія является характернымъ и для крупнаго, «привиллегированнаго», по терминологіи полтавскихъ статистиковъ, землевладѣнія. Насколько позволяютъ прослѣдить статистическія данныя, дробленіе крупныхъ помѣстій началось еще при крѣпостномъ правѣ.

На 100 душъ крѣпостныхъ приходилось у помѣщиковъ.

	Владѣющ. до 100 дес.	100—500	Свыше 500
Въ 1835 г.	29,6	33,3	37,1
» 1858 г.	30,6	38,6	30,8

Дробленіе и демократизація частнаго землевладѣнія, послѣ паденія крѣпостного права и по настоящій моментъ, идетъ въ возрастающей прогрессіи. За 40 лѣтъ (съ 1863 по 1902 г.) дворяне Полтавской губерніи потеряли 901 тыс. десятинъ, изъ которыхъ купцы пріобрѣли 89 тыс., казаки и крестьяне—671 тыс., мѣщане и проч.—138 тыс. По размѣрамъ частное землевладѣніе измѣнилось такъ:

---

[1]) Такой пріемъ г. Рклицкій мотивировалъ тѣмъ, что дворы-хозяйства въ эпоху Румянцевской описи были многосемейнѣе нынѣшнихъ и представляли иногда родовыя группы изъ 5—10 семей. Это вѣрно, вѣрно и то, что и теперь, чѣмъ крупнѣе хозяйство, тѣмъ болѣе въ немъ наличныхъ душъ, т. е. крупныя хозяйства и нынѣ, въ большинствѣ, многосемейны. Такимъ образомъ, авторъ перегнулъ палку въ другую сторону—слишкомъ подравнялъ своимъ пріемомъ разслоенность казаковъ въ XVIII вѣкѣ. Если же взять и для Румянцевской описи группировку по дворамъ и прибавить къ 201 безпахотному двору подсусѣдковъ (385 душъ), которыхъ г. Рклицкій исключаетъ, то, во 1-хъ, окажется, что пролетаріата въ XVIII вѣкѣ было больше нынѣшняго, во 2-хъ—что тогдашніе «капиталисты»—дворы съ 37,5 и бол. десятинъ,—сосредоточивали въ своихъ рукахъ 57% пашни (См. «Стат. Ежегодн. Полт. губ. земства на 1909 г.», стр. 165).

Число десятинъ (въ тысячахъ).

	У влад до 50 дес.	50—200	200—500.	500—1000.	Свыше 1000.
Въ 1877 г.	238,0	322,8	320,3	273,4	867,3
Въ 1905 г.	407,6	367,1	294,0	245,1	577,9
Измѣн. площ. въ %% (+ или —)	+ 71,3	—13,7	—8,2	—10,4	—33,9

Такимъ образомъ, концентрація землевладѣнія и хозяйства, смѣнившая ко второй половинѣ XVIII-го вѣка соціальное равенство всѣхъ членовъ «товарищества» казацкаго, переходитъ въ XIX вѣкѣ въ обратный процессъ дробленія и нивеллировки. «непривиллегированныя» сословія трудовыхъ земледѣльцевъ отвоевываютъ землю, захваченную «державцами» въ періодъ господства вольной «займанщины» и грубаго политическаго насилія и произвола. Внутри трудовыхъ классовъ крупныя хозяйства дробятся на среднія, среднія—на мелкія.

Этотъ вторичный періодъ аграрной исторіи происходитъ на фонѣ сильно трансформирующихся системъ хозяйства и полеводства. Въ эпоху Румянцевской описи, въ особенности у козаковъ, экстенсивное пастбищное скотоводство еще преобладало надъ земледѣліемъ, а въ земледѣліи царила переложная система: изъ 100 дес. пашни подъ посѣвомъ было всего 31—болѣе двухъ третей лежало подъ залежными сѣнокосами и пастбищами. Пастбищное скотоводство требуетъ гораздо большей территоріи, чѣмъ зерновое хозяйство: между тѣмъ, половина всего скота сосредоточивалась въ рукахъ пятой части казачьихъ дворовъ, при всеобщей займанщинѣ эти дворы, чтобы содержать свой скотъ, должны были захватывать наибольшія доли свободныхъ земель; иначе говоря, концентрація землевладѣнія въ рукахъ верхнихъ слоевъ у «непривиллегированныхъ» сословій вызывалась экономическимъ факторомъ—тогдашней системой хозяйства, тогда какъ концентрація земли у «державцевъ» больше всего зависѣла отъ политическихъ факторовъ.

Со времени Румянцевской описи, за 120 лѣтъ, скотоводство у крестьянъ и казаковъ сократилось не только относительно, но и абсолютно.

Число головъ (въ тысячахъ) у крестьянъ и казаковъ.

	Раб. лош.	Воловъ.	Коровъ	Овецъ и козъ.
1767 г.	5,4	12,3	11,5	73,2
1885 г.	4,2	6.6	9,7	36,8
Убыль въ %	22,2	46,3	15,6	49,7

Больше всего убыли волы и овцы—почти вдвое: это те виды скота, которые при экстенсивномъ хозяйствѣ требуютъ наибольшаго количества пастбищъ. Пастбища пошли подъ распашку, переложные сѣнокосы исчезли: въ 1767 г. у казаковъ подъ посѣвами было 9,4 тыс. десятинъ, въ 1885 г.—18,7 тыс.; у крестьянъ пашни (безъ переложныхъ сѣнокосовъ) было 12,3 тыс. и 21,6 тыс. Посѣвы и пашни возросли не только абсолютно, но даже сравнительно съ населеніемъ.

На 100 наличн. душъ приходилось десятинъ посѣва и пашни:

	У казаковъ (дес. посѣва).	У крестьянъ (дес. пашни).
1767 г.	68	46
1885 г.	73	51

Эти цифры ярко характеризуютъ хозяйственный переворотъ, происшедшій въ XIX вѣкѣ въ Полтавщинѣ: экстенсивное скотоводство и переложное земледѣліе смѣнились экстенсивной же паровой зерновой системой. Въ зависимости отъ этого и въ полевыхъ культурахъ продовольственные хлѣба стали вытѣснять кормовые: процентъ посѣвовъ ячменя и овса сократился съ 29 до 20, ржи—увеличился съ 16 до 30, пшеницы—съ 15 до 16. Земледѣльцы не сумѣли скомбинировать свое хозяйство такимъ образомъ, чтобы и умножившееся населеніе, и возросшій въ числѣ скотъ могли найти достаточное пропитаніе на той же самой площади. Чтобы прокормиться самимъ, люди должны были потребить часть скота и, тѣмъ самымъ, ухудшить свое питаніе, смѣнивъ животную пищу скудной, растительной.

Дальнѣйшая эволюція сельскаго хозяйства съ 1880-хъ годовъ и до 1910 г. рисуется тремя подворными переписями. Къ сожалѣнію, эти переписи разработаны не по одинаковому плану, и сравнивать ихъ приходится поларно, причемъ по I и II переписямъ можно сравнить лишь данныя, касающіяся привилегированныхъ сословій, а по II и III—всѣхъ хозяйствъ.

		((въ тысячахъ) Число дес. посѣва,	Головъ раб. лош.	Воловъ.	Коровъ.	Овецъ, и козъ
Непривиллег. сословія	1882—9 г. г.	1330 [1])	188	278	288	1456
	1900 г.	1509	300	209	321	1402
Всѣ сословія	1900 г.	2118	354	259	354	1580
	1910 г.	2347 [2])	427	169	330	1093

[1]) Только по 13 уѣздамъ.
[2]) За вычетомъ 1910 г.

Посѣвная площадь неуклонно продолжаетъ возрастать, и ростъ ея, повидимому, ускорится за послѣднее десятилѣтіе. Изъ отдѣльныхъ видовъ скота волы и овцы убываютъ попрежнему; число лошадей, замѣняющихъ собою воловъ, растетъ; число коровъ, увеличившееся за послѣднія 15 лѣтъ XIX в. въ XX в. начинаетъ опять падать. Въ общемъ, скотоводство, если принять въ разсчетъ приростъ населенія, равный для 1880—1900 гг. 11,6% (непривиллегированныя сословія), а для 1900-1910 гг.—4,6% (всѣ сословія), сокращается и въ послѣдній періодъ сельско-хозяйственной исторіи, но это паденіе далеко не такъ интенсивно, какъ опредѣляемое сопоставленіемъ данныхъ земскихъ переписей съ Румянцевской описью.

Не то въ земледѣліи: безпрерывно прогрессирующее возрастаніе посѣвовъ, послѣ того, какъ расширеніе пашни довело до послѣдняго minimum'а остальныя угодья, показываетъ, что посѣвы растутъ за счетъ незанятой доли пашни, т.-е. «трехполка» или, точнѣе паровая зерновая система [1]) *трансформируется въ какую-то новую, болѣе интенсивную систему полеводства.* И дѣйствительно, за послѣднее десятилѣтіе % посѣвовъ въ обрабатываемой пашнѣ выросъ съ 74 до 81, т.-е. незанятая полевыми культурами, малопродуктивная часть пашни составляетъ теперь только 19%—*менѣе пятой части.* Еще такое же десятилѣтіе—и процентъ посѣвовъ у полтавцевъ сравняется съ французскимъ 1890-хъ гг. (у французовъ подъ паромъ было 13% пашни). Еще нагляднѣе эволюція полеводства обрисовывается измѣненіями въ площади различныхъ культуръ.

	Посѣвъ (тыс. дес.)			
	Ржи.	Пшеницы.	Остальн.	Травъ корнеяровыхъ. плодовъ и пр.
1900 г.	572	672	754	120
1910 г.	527	758	880	182 [2])
Измѣненія въ %% (+ или—)	—7,9	+ 12,8	+16,7	+51,9

Въ 1880-хъ гг. рожь—эта главная опора трехпольнаго сѣвооборота, у непривиллегированныхъ сословій занимала 37,6%—

[1]) Чистое трехполье въ Полтавской губ. никогда не было преобладающимъ.

[2]) Безъ огородины.

болѣе третьей части посѣвной площади, и непривиллегированныхъ—26,4%. Въ 1900 г. процентъ ржи въ посѣвахъ у всѣхъ сословій равнялся 27,0, а въ 1910 г.—только 22,4. За счетъ ржи выростаютъ пшеница и прочіе яровые: яровой клинъ охватываетъ $^4/_5$ всѣхъ посѣвовъ. Площадь травъ, корнеплодовъ и другихъ, болѣе высокихъ, трудоемкихъ культуръ, знаменующихъ вступленіе въ фазисъ интенсивнаго *плодосмѣннаго* хозяйства, увеличивалась относительно втрое больше, чѣмъ площадь яровыхъ злаковъ. Въ числѣ этихъ культуръ больше всего (вдвое) возрасли посѣвы свекловицы, табака и, повидимому, однолѣтнихъ травъ. Сильно увеличилась площадь баштановъ (на $^2/_3$), картофеля (въ 1½ раза); чисто крестьянскій продуктъ—конопля—осталась безъ измѣненій, а посѣвы льна убавились вдвое: это—единственный видъ трудоемкихъ культуръ, обнаруживающій признаки вымиранія, несомнѣнно—благодаря побѣдѣ хлопка надъ льномъ на современномъ рынкѣ.

Болѣе интенсивная обработка полей и развитіе трудоемкихъ культуръ требуютъ усиленнаго удобренія. Въ 1910 г. 198 тыс. хозяйствъ—53% всѣхъ, имѣющихъ посѣвы,—вывозили навозъ въ поле. Въ 1900 г. учетъ хозяевъ, удобрявшихъ землю, былъ не полонъ: отмѣчались только хозяйства, дававшія свѣдѣнія о числѣ вывезенныхъ въ поле возовъ навоза: въ 1900 г. ихъ было 91 тыс., а въ 1910 г.—154 тыс. (прирость въ 69%). Ростъ навознаго удобренія—явленіе повсемѣстное въ Россіи послѣднихъ годовъ: наши черноземные крестьяне уже далеко ушли отъ той эпохи, когда навозъ сваливался въ овраги, на задворки и даже на улицу, когда бывали случаи, что приходилось бросать загаженныя навозомъ усадьбы. Но, все-таки, интенсивный ростъ навознаго удобренія, несмотря на то, что скотоводство не возрастало, позволяетъ думать, что и теперь, вѣроятно, не весь навозъ утилизируется цѣлесообразно, что извѣстная часть крестьянъ возлагаетъ на «милостиваго Бога» заботы о плодородіи почвы.

Кромѣ навознаго, 995 хозяевъ примѣняютъ уже и искусственное удобреніе на площади въ 11,5 тыс. десятинъ.

Еще быстрѣе, чѣмъ удобреніе, эволюціонируетъ примѣненіе усовершенствованныхъ орудій.

(Въ тысячахъ).

	Жнейки. плуговъ	Сѣялокъ	Жатокъ	Молотилокъ конныхъ	паровыхъ	Вѣялокъ и сортировокъ.
Въ 1900 г.	123,5	4,4	2,6	8,1	0,6	30,9
Въ 1910 г.	222,5	18,5	11,6	13,6	1,1	53,9
Приростъ въ %/%	80	320	346	68	8,3	74

За 10 лѣтъ большинство усовершенствованныхъ орудій почти удвоилось въ числѣ (плуговъ, конныхъ молотилокъ и вѣялокъ), а нѣкоторыхъ (сѣялокъ и жатокъ)—почти учетверилось. Надо еще замѣтить, что примѣненіе этихъ орудій не ограничивается одними хозяевами: такъ рядовыя сѣялки, кромѣ хозяевъ, употребляли 7 тыс. дворовъ, бравшихъ ихъ въ наемъ; 13,6 тыс. конныхъ молотилокъ брались въ наемъ 120 тысячами дворовъ, а тысяча паровыхъ—10 тысячами. Такимъ образомъ, машинный посѣвъ распространился minimum на 25,6 тыс. хозяйствъ, т.-е. на 7% всѣхъ посѣвщиковъ, а машинная молотьба—на 145 тыс. (38%). Эти числа можно считать довольно внушительными, если принять въ соображеніе, что болѣе третьей части посѣвныхъ хозяйствъ въ Полтавской губ. принадлежитъ къ парцельнымъ, имѣющимъ менѣе 3-хъ десятинъ посѣва—а такія хозяйства не только у насъ, но и въ Германіи сѣютъ и молотятъ хлѣбъ въ ручную.

Всѣ приведенные факты свидѣтельствуютъ, что Полтавская губернія довольно далеко ушла впередъ на пути отъ экстенсивнаго зернового трехполья къ интенсивному земледѣлію, снабженному аттрибутами современной техники. Но до сихъ поръ мы брали за одну скобку *всѣ* хозяйства, не различая крупныхъ и мелкихъ, капиталистическихъ и трудовыхъ. Быть можетъ, главными творцами современной сельско-хозяйственной эволюціи являются не трудовыя, а *капиталистическія* хозяйства. Тогда эти хозяйства, какъ болѣе приспособленныя и должны будутъ рано или поздно одержать побѣду въ борьбѣ за землю. Дробленіе земли въ экстенсивномъ фазисѣ земледѣлія объясняется съ одной стороны исчезновеніемъ способствовавшихъ концентраціи политическихъ факторовъ, съ другой—замѣной скотоводческаго хозяйства зерновымъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, въ Полтавской губерніи, эта борьба базируется преимущественно на экономической почвѣ. Если при экстенсивныхъ системахъ мелкія хозяйства и на этой почвѣ оказывались побѣ-

дителями, то эту побѣду можно объяснить тѣмъ, что у мелкихъ хозяйствъ было больше запасовъ живого труда—рабочихъ рукъ и скота, по отношенію къ площади. При интенсификаціи земледѣлія этихъ элементовъ производства уже недостаточно: чтобы живой трудъ былъ использованъ наиболѣе продуктивно, необходимы еще, *денежные капиталы* и *агрономическія знанія*. Капиталистическія хозяйства вооружены этими средствами борьбы, несомнѣнно, сильнѣе, чѣмъ хозяйства трудового типа; пуская ихъ въ ходъ, они могутъ еще разъ отвоевать землю отъ трудовой массы.

Перепись 1910 г. позволяетъ намъ сравнить оборудованность трудомъ и капиталомъ, а также степень интенсивности земледѣлія у двухъ группъ землевладѣльцевъ: до 50 и болѣе десятинъ.

А. Средства производства.

На 100 дес. обрабатываемой пашни приходится:

	Работниковъ (своихъ и наемныхъ) [1]	Головъ раб. лошадей.	Воловъ и раб: коровъ.	Плуговъ многолемешныхъ	Плуговъ одно-лемешныхъ
У влад. до 50 дес.	24,4	15,9	7,4	0,14	8,1
Болѣе 50 дес.	8,3	7,2	7.6	0.77	2,8

На 100 десятинъ посѣва.

	Сѣялокъ.	Жатокъ.	Молотилокъ конныхъ паровыхъ.		Вѣялокъ.
У влад. до 50 дес.	0,6	0,4	0,6	0,02	2,4
Болѣе 50 дес.	1,8	1,3	0,5	0,2	1,4

Б. Степень интенсивности земледѣлія.

	% посѣва къ пашнѣ.	Пропорція посѣвовъ. Рожи.	Пшеницы.	Пр. яров.	Травъ, корнеплод. и пр. (съ огород.).	На 1 дес. возовъ навоз. удобренія.	На 100 дес. посѣва искуствъ удобрен.
Влад. до 50 дес.	84,4	22,5	29,5	37,3	10,7	3,1	0,1
Болѣе 50 д.	67,0	16,0	39,4	28,5	16,1	16,9	2,4

[1] По переписи 1910 г. нѣтъ данныхъ о числѣ своихъ работниковъ; учетъ сдѣланъ по % переписи 1880 гг. (47,6% мужчинъ рабочаго возраста). Къ своимъ рабочимъ прибавлены наемные и вычтены уходящіе на заработки (на годъ и на лѣтній сезонъ).

Что говорятъ намъ эти цифры? Онѣ говорятъ, что, съ одной стороны, мелкія хозяйства покрываютъ посѣвами гораздо бо́льшую долю своей пашни, что у нихъ сравнительно съ площадью втрое больше рабочихъ рукъ и вдвое больше лошадей, чѣмъ у крупныхъ, т.-е. запасы живого труда у нихъ, относительно, очень велики. Съ другой стороны, крупные владѣльцы лучше оборудованы усовершенствованнымъ инвентаремъ, полевыя культуры у нихъ болѣе цѣнныя и удобреніе значительно интенсивнѣе; иначе говоря, сельское хозяйство у нихъ поставлено на болѣе культурныхъ и раціональныхъ началахъ.

Если принять въ соображеніе, что и по отношенію къ рынку крупные землевладѣльцы поставлены въ лучшія условія, могутъ продавать свои продукты въ періодъ болѣе высокихъ цѣнъ, если вспомнить, что казенный и частные банки снабжаютъ ихъ многомилліоннымъ кредитомъ, то казалось бы, что капиталистическому хозяйству обезпечена побѣда. Однако, это не такъ: какъ и по всей Россіи, такъ и здѣсь крупное землевладѣніе катится по наклонной плоскости съ возрастающей быстротой. Падаетъ не только крупное землевладѣніе: сокращается и *капиталистическое хозяйство*. Составители сборника въ замѣчаніяхъ къ таблицамъ указываютъ на «происходившій въ теченіе десятилѣтія усиленный процессъ ликвидаціи своихъ хозяйствъ болѣе крупными хозяевами и сдачи ихъ въ аренду и съемку другимъ хозяевамъ». Такъ какъ послѣдняя перепись еще не разработана детально по группамъ землевладѣнія, то «опредѣленное цифровое выраженіе это явленіе получитъ лишь послѣ подсчета матеріаловъ переписи по группамъ». Но и сейчасъ можно констатировать, во 1-хъ, что площадь арендуемой пашни за послѣднее десятилѣтіе возрасла съ 650 до 670 тыс. дес., во 2-хъ, что 95% ея сосредоточено у *мелкихъ* землевладѣльцевъ. Любопытно, что въ періодъ 1880—1900 гг. площадь аренды въ Полтавской губ. сократилась, что объяснялось усиленной мобилизаціей землевладѣнія: теперь мобилизація земель еще усилилась и въ то же время возрасла и аренда. Крупное землевладѣніе и хозяйство стали таять, подобно свѣчѣ, зажженной съ двухъ концовъ.

По среди общей массы крупныхъ земельныхъ собственниковъ, стремящихся, на перебой, ликвидировать свое землевладѣніе, выживаютъ наиболѣе энергичныя, умѣлыя и снабженныя

капиталомъ единицы, которыя не только ведутъ прогрессивное хозяйство, но и округляютъ свои владѣнія. Происходитъ, по словамъ полтавскихъ статистиковъ, «главнымъ образомъ, среди дворянъ, экономическій отборъ такихъ собственниковъ, которые начинаютъ увеличивать свою собственность и, притомъ, до того энергично, что размѣры средней и крупной собственности повышаются» [1]). Эти болѣе приспособленныя къ современнымъ условіямъ хозяйственныя единицы составляютъ, однако, небольшой процентъ въ массѣ неумѣлыхъ, отживающихъ потомковъ гордыхъ «собирателей земли»—«державцевъ». По переписи 1900 г. 63% привиллегированныхъ землевладѣльцевъ не имѣли своихъ посѣвовъ. Имѣя свыше милліона десятинъ удобной земли, привиллегированные засѣвали 315 тыс.—менѣе трети, а сдавали въ аренду одной пахоти такое же количество. Можно думать, судя по этимъ даннымъ, что устойчивыя, прогрессирующія хозяйства въ средѣ привиллегированныхъ охватываютъ меньшую половину всей территоріи этого вида землевладѣнія, а бо́льшая половина, вѣроятно, обречена ходомъ исторіи на постепенную естественную ликвидацію. За счетъ своихъ отмирающихъ собратьевъ крѣпкія дворянскія хозяйства округляютъ свои владѣнія, а къ мелкому землевладѣнію пока они касательства не имѣли.

Теперь, когда и крестьянскія земли пущены въ товарный оборотъ, можно было бы опасаться, что земледѣльческіе капиталисты втянутъ и ихъ въ сферу своего «округленія», благо надѣльныя земли продаются вдвое дешевле банковскихъ. Но если даже не считать законодательныхъ, бытовыхъ и прочихъ препонъ, надо принять въ соображеніе, что земледѣліе у трудовыхъ классовъ не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а, какъ показываетъ нижеслѣдующій разсчетъ, прогрессируетъ даже быстрѣе, чѣмъ у капиталистическихъ хозяевъ.

Возьмемъ тѣ средства производства, въ которыхъ мелкіе хозяева наиболѣе отстали отъ крупныхъ—именно усовершенствованныя орудія. Разсчитавъ, сколько ихъ приходилось въ 1900 г. у мелкихъ и крупныхъ хозяевъ на 100 десятинъ обрабатываемой земли и принявъ эти числа за 100, получаемъ

[1]) У дворянъ-владѣльцевъ имѣній въ 50—500 дес. средній размѣръ владѣнія за 1894—1905 гг. повысился съ 154 до 158 дес, у владѣющихъ свыше 500 дес.—съ 1481 до 1605 дес.

такую картину распространенія этихъ орудій въ обѣихъ группахъ.

	Плуги многолемешные.	Плуги одномешные.	Сѣялки.	Жатки	Молотилки паровыя	Молотилки конныя.
У мелкихъ хозяевъ [1])	2000	165	1200	1000	500	150
У крупныхъ.	248	190	190	241	134	210

Судя по этой табличкѣ, мелкія хозяйства стремятся и въ этомъ отношеніи догнать крупныя. Когда наша деревенская кооперація вырастетъ и окрѣпнетъ въ уровень съ европейской, нѣтъ сомнѣнія, что въ области сельскаго хозяйства крупные капиталисты не будутъ страшны трудовой массѣ. Скорѣе, наоборотъ: тѣ огромные запасы дарового труда, которыми владѣетъ эта масса—вѣдь тоже могучій капиталъ, пока на половину мертвый. Кооперація, наука должны оживить и пустить его въ дѣло, и тогда онъ разовьетъ колоссальную энергію.

Итакъ, шансы на концентрацію сверху, подобную той, которая наблюдается въ индустріи, ничтожны. Трудовымъ земледѣльцамъ грозитъ иная опасность — *ростъ мелкой буржуазіи* въ ихъ собственной средѣ. Въ этомъ отношеніи Полтавская губернія представляетъ замѣчательное явленіе. Переписи 1880—1900 гг. констатировали въ ней своеобразное *разслоеніе* хозяйствъ у непривиллегированныхъ сословій.

Число хозяйствъ (по 9 уѣздамъ) въ тысячахъ.

	Безъ посѣва.	Съ посѣв. до 3 дес.	3—6	6—9	9—15	15—20	50 и болѣе
1882—9 г.	56,7	51,7	66,1	33,5	19,0	6,9	0,3
1900 г.	48,2	77,8	71,7	30,6	18,5	8,9	0,65
Измѣненія въ %	—15	+50,0	+8	—9	—3	+29	+117

Чтобы назвать это перемѣщеніе слоевъ чистой диффероп-

[1]) Къ сожалѣнію взятыя нами группы мелкихъ и крупныхъ хозяйствъ, нѣсколько несоизмѣримы въ 1900 г. хозяйства дѣлились по величинѣ посѣва (до 50 и болѣе 50 дес.). въ 1910 г.—по землевладѣнію (тоже до 50 и болѣе 50 дес.). Поэтому мы и сдѣлали не прямой разсчетъ роста земледѣльческихъ машинъ въ той или другой группѣ, а по отношенію къ площади обрабатываемой земли, чѣмъ эта несоизмѣримость сглаживается. Впрочемъ, эти группы почти совпадаютъ: такъ у крупныхъ хозяевъ въ 1900 г. было 990 тыс., въ 1910 г.—1058 тыс. дес.

ціацій, не хватаетъ только одного: увеличенія безпосѣвныхъ, т.-е. пролетаризаціи крестьянства.

Перепись 1910 г. указываетъ на дальнѣйшее развитіе тѣхъ же процессовъ, хотя мы должны оговорить, что здѣсь приходится сопоставлять данныя, касающіяся всѣхъ сословій, не выдѣляя непривиллегированныхъ.

Число хозяйствъ въ тысячахъ (по всей губерніи).

	Безъ посѣва.	Съ посѣв. до 3 дес.	3—6	6—9	9—25	25—50	св. 50 д.
1900 г.	115,3	131,8	111,9	47,7	40,8	4,0	1,9
1910 г.	110,2	139,3	114,4	57,7	57,5	5,9	2,0
Измѣненія въ %	—4,4	+5,7	+2,2	+21,0	+40,9	+47,5	+5,3

Перемѣщеніе слоевъ нѣсколько измѣнилось въ пользу среднихъ; процессъ разслоенія какъ-будто затормозился, но основные контуры его остались тѣ же: болѣе всего выигрываютъ и теперь зажиточная и мелко-буржуазная группы, съ посѣвомъ въ 9—25 и 25—50 десятинъ. Группа самыхъ крупныхъ хозяевъ—свыше 50 дес.—выросла, сравнительно, слабо, но, быть можетъ, тутъ столкнулись два противоположныхъ процесса: ликвидація хозяйствъ у привиллегированныхъ сословій и расширеніе мелкой буржуазіи у непривиллегированныхъ, такъ что въ итогѣ второй процессъ могъ сильно затушеваться.

Это явленіе заставило проф. Туганъ-Барановскаго, не такъ давно бывшаго сторонникомъ преимуществъ мелкаго трудового хозяйства въ земледѣліи, стать въ ряды защитниковъ аграрной теоріи, развитой г. Масловымъ въ его извѣстномъ трудѣ. «Весьма вѣроятно,—говоритъ онъ въ «Основахъ политической экономіи»,—что дифференціація крестьянства идетъ неодинаково въ различныхъ районахъ Россіи и что тамъ, гдѣ условія крестьянскаго хозяйства складываются благопріятнѣе, наблюдается ростъ дифференцированности крестьянства—растутъ группы болѣе зажиточныхъ крестьянъ, что можетъ сопровождаться одновременнымъ ростомъ и сельскаго пролетаріата—а тамъ, гдѣ крестьянское хозяйство не развивается, происходитъ выравниваніе крестьянства на почвѣ общей нищеты» (изд. 2-е, стр. 199). «Нужно думать, что наиболѣе сильнымъ и жизнеспособнымъ является у насъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянское хозяйство вообще можетъ развиваться, крупное кре-

стьянское хозяйство, переходящее въ капиталистическое. Хозяйства такого типа всего лучше умѣютъ пользоваться благопріятными условіями сельскаго хозяйства и энергично разрастаются, въ такихъ случаяхъ, на счетъ другихъ хозяйствъ. Именно этимъ хозяйствамъ, если бы наше земледѣліе было предоставлено своему естественному развитію, безъ всякаго воздѣйствія извнѣ, и принадлежало бы, повидимому, будущее. Но въ томъ же направленіи толкаетъ крестьянскій міръ и новѣйшая аграрная политика правительства, стремящаяся сдѣлать сильныхъ еще сильнѣе, и слабыхъ еще слабѣе. Все это должно усиливать дифференціацію крестьянскаго населенія» (Ibid., стр. 201).

Теорія г. Маслова, по которой развитіе производительныхъ силъ и ростъ благосостоянія населенія ведетъ къ дифференціаціи въ крестьянской средѣ, основана на неправильномъ толкованіи данныхъ военно-конскихъ переписей по Новороссіи [1]). Третья военно-конская перепись уничтожила это послѣднее фактическое основаніе. Проф. Туганъ-Барановскій, принимая теорію г. Маслова, подтверждаетъ ее данными двухъ переписей Полтавской губ., не поколебленными и послѣдней переписью 1910 г. Но, спрашивается, можно ли считать достаточнымъ базисомъ для обобщающей теоріи статистическій матеріалъ по одной губерніи?

Авторъ утверждаетъ, что эта губернія—единственная, по которой имѣется повторная перепись съ группировками по посѣвной площади и въ которой благосостояніе крестьянъ повышалось. Онъ отвергаетъ приведенныя нами сопоставленія по Олонецкой, Смоленской, Вятской и Воронежской губ. на томъ основаніи, что въ этихъ губерніяхъ и онъ ожидалъ нивеллировки, вслѣдствіе упадка крестьянскаго хозяйства [2]). Группировокъ по другимъ экономическимъ признакамъ онъ не признаетъ и потому не принимаетъ нашихъ ссылокъ на результаты третьихъ военно-конскихъ переписей, давшихъ указанія на нивеллировку слоевъ въ крестьянской массѣ какъ разъ въ тѣхъ губерніяхъ и районахъ, гдѣ средняя обезпеченность рабочимъ

[1]) См. объ этомъ нашу работу «Закономѣрность аграрной эволюціи», ч. I, стр. 101—104 и ч. II, стр. 494.

[2]) Замѣтимъ, кстати, что въ Смоленской губ. не было упадка крестьянскаго хозяйства.

скотомъ возросла. Но вѣдь кромѣ Россіи, есть Европа, Америка, гдѣ тоже царитъ, какъ выражается г. Билимовичъ, законъ «деконцентраціи»; у насъ то же самое явленіе мы наблюдаемъ въ Польшѣ. Все это—страны, въ которыхъ земледѣліе интенсифицируется въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ у насъ, гдѣ никто не посмѣетъ отрицать факта крестьянскаго обогащенія; относительно ихъ самъ авторъ, «подводя балансъ сравнительной силы и устойчивости крупнаго капиталистическаго и мелкаго *трудового* (курсивъ нашъ) сельскаго хозяйства», признаетъ, что «балансъ этотъ склоняется въ наше время скорѣе въ пользу мелкаго хозяйства» (стр. 10). Здѣсь явныя противорѣчія, неустранимыя, если базироваться на единичныхъ, хотя и любопытныхъ явленіяхъ.

Чтобы разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ, надо рѣшить вопросъ, насколько процессы, наблюдаемые въ Полтавской губерніи типичны, т.-е. являются ли они результатомъ естественной аграрной эволюціи, «безъ всякаго воздѣйствія извнѣ», или сюда вмѣшался какой-то побочный факторъ, прямого отношенія къ этой эволюціи не имѣющій?

Когда будетъ опубликованъ подсчетъ данныхъ третьей переписи по группамъ, мы сможемъ точнѣе отвѣтить на этотъ вопросъ, а пока отмѣтимъ тотъ фактъ, что ростъ мелкой деревенской буржуазіи происходилъ почти исключительно за счетъ частно-владѣльческихъ земель. Непривиллегированныя хозяйства, имѣющія болѣе 50 десятинъ пахоты, расширили площадь своего землевладѣнія въ промежутокъ между двумя первыми переписями на 77%, при чемъ площадь одной пахоты у каждаго такого владѣнія увеличилась съ 88 до 99 дес.; площадь всѣхъ остальныхъ хозяйствъ, благодаря покупкѣ земель, возросла на 4,7%, а такъ какъ число ихъ росло еще быстрѣе, то средніе размѣры каждаго владѣнія упали съ 5,5 до 5,2 дес. Поступавшая на рынокъ земля была доступной только для верховъ деревни, которые округляли за ея счетъ свои владѣнія; низамъ покупать было не на что и мелкія хозяйства, разростаясь на той же площади, дробились все сильнѣе. Низы пользуются господской землей при помощи аренды; верхи арендуютъ сравнительно мало. Между тѣмъ, Полтавская губернія «лежитъ въ раіонѣ, отличающемся наивысшей по Европейской Россіи арендной платой за землю».

Аренда высасываетъ у болѣе мелкихъ хозяйствъ всѣ соки и на покупку земли ничего не остается. Покупка земли черезъ крестьянскій банкъ гораздо выгоднѣе аренды, и если бы банкъ здѣсь велъ политику болѣе благопріятную низамъ, быть можетъ такого подъема «крѣпкихъ» хозяевъ мы бы не наблюдали. Дѣйствительно, по отчетамъ крестьянскаго банка, въ Малороссіи процентъ покупателей, имѣющихъ болѣе 3-хъ десятинъ надѣльной земли на душу, вдвое превосходитъ такой же процентъ въ центрально-земледѣльческомъ районѣ (29% противъ 15%) [1]).

Итакъ одной изъ важныхъ причинъ роста мелкой сельской буржуазіи въ Полтавской губ. является мѣстная политика крестьянскаго банка. Вѣроятно, она вызвана индивидуальнымъ характеромъ землевладѣнія: число единоличныхъ покупокъ здѣсь всегда было преобладающимъ. Сильно распространенныя до революціи въ Россіи товарищескія покупки охватывали тутъ къ 1905 г. менѣе трети частнаго крестьянскаго землевладѣнія. При единоличныхъ покупкахъ банкъ отдавалъ предпочтеніе болѣе зажиточнымъ хозяевамъ [2]).

Такая политика банка не вѣчна; она можетъ покачнуться и въ другую сторону и тогда, вѣроятно, измѣнится темпъ развитія «крѣпкихъ» хозяйствъ. Исторія насъ учитъ, что въ XVIII столѣтіи, когда земля, вслѣдствіе благопріятныхъ политическихъ факторовъ, еще легче доставалась верхамъ, эти верхи составляли гораздо болѣе обширный слой, чѣмъ теперь. Съ тѣхъ поръ численность ихъ сильно сократилась. Произошло это естественнымъ путемъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе раздробленія многосемейныхъ хозяйствъ. На хозяйство, имѣвшее больше 37½ дес. пахоты, приходилось въ ту эпоху 3,4 семьи, на остальныя—по 1,8 семьи. Но и теперь «крѣпкія» хозяйства многосемейны: въ 1900 г. на дворъ у сѣющихъ болѣе 50 дес. были 11,3 души, а у прочихъ только по 5,3 души. Ясно, что и теперь вполнѣ возможно распаденіе этихъ сложныхъ семей на простыя.

Г. Яснопольскій прослѣдилъ въ одной деревнѣ Переяслав-

---

[1]) См. Обзоръ дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка за 1883—1904 г., стр, 112.

[2]) Въ настоящее время единоличныя покупки преобладаютъ по всей Россіи, но онѣ сдѣлались гораздо мельче.

скаго уѣзда исторію землевладѣнія трехъ поколѣній. Выводъ его—тотъ, что пока отдѣльная семья, возрастая, усложняясь, не дѣлится, она энергично расширяетъ свое землевладѣніе. «Съ переходомъ къ новому поколѣнію сразу все падаетъ: переполняются низшіе разряды, а хозяйства, выбившіяся наверхъ—всѣ исчезаютъ. Но снова начинается Сизифова работа: опять низшія группы карабкаются наверхъ, снова возникаютъ болѣе зажиточныя хозяйства.. чтобы снова низвергнуться внизъ, можетъ быть еще глубже, съ переходомъ къ слѣдующему поколѣнію».

Эти и нѣкоторыя другія соображенія заставляютъ насъ усомниться въ устойчивости современнаго роста слоя мелкой деревенской буржуазіи. Класть же этотъ ростъ, констатированный пока въ предѣлахъ одной губерніи, въ основу широкой обобщающей теоріи тѣмъ болѣе непростительно, что *относительная* его величина пока весьма незначительна Причисляя къ нему всѣхъ засѣвающихъ болѣе 25 десятинъ [1], получимъ, что въ 1900 г. процентъ мелкихъ капиталистовъ въ Полтавской деревнѣ равнялся 1,2%, а площадь ихъ посѣвовъ—10,7% Этому слою еще далеко до того класса, который представляется въ воображеніи г. Туганъ-Барановскаго настолько могущественнымъ, что покоряетъ всѣхъ надъ собой и подъ собой, экспропріируетъ земли у крупныхъ капиталистовъ и у трудовой массы.

Г. Туганъ-Барановскій игнорируетъ и другую сторону наблюдаемаго процесса—сокращеніе деревенскаго пролетаріата, или, точнѣе, систематическій возвратъ на землю десятковъ тысячъ мелкихъ владѣльцевъ, пускавшихъ раньше на съемъ свои 2—3 десятины. Возвратъ этотъ вызванъ сокращеніемъ заработка на сторонѣ и еще болѣе *повышеніемъ доходности земледѣлія*. Такимъ образомъ сельско-хозяйственный прогрессъ отнюдь не способствуетъ пролетаризаціи, и этотъ фактъ сильно подрываетъ стройную теорію двухсторонней дифференціаціи, слѣдующей, якобы за подъемомъ производительныхъ силъ въ земледѣліи. Вмѣстѣ съ г. Туганъ-Барановскимъ мы не считаемъ

[1]) Какъ показываютъ земско-стат. изслѣдованія, только такія хозяйства продаютъ большую часть производимаго хлѣба и содержатъ наемныхъ батраковъ, т.-е. являются дѣйствительно мелкими капиталистами.

этотъ подъемъ типичнымъ для всей Россіи: мы думаемъ, что въ особенности теперь парцельныя, полупролетарскія хозяйства, стоящія одной ногой въ городѣ, другой въ деревнѣ, должны отмирать. Но мы не понимаемъ, почему г. Туганъ-Барановскій, считая одну сторону наблюдаемаго процесса явленіемъ не типичнымъ, принимаетъ другую его сторону за прообразъ аграрнаго переворота, долженствующаго распространиться на всю Россію.

Но пусть даже процессъ, наблюдаемый въ Полтавской губерніи, окажется всеобщимъ. Мы не станемъ отрицать, что современныя политическія условія крайне благопріятны для роста «крѣпкихъ и сильныхъ» элементовъ деревни. Если прежде на рынокъ поступали только имѣнья, ликвидируемыя крупными владѣльцами, и доступъ къ этимъ имѣньямъ въ Полтавской губерніи былъ облегченъ для мелкой буржуазіи, то послѣ указа 9 ноября «крѣпкіе» хозяева могутъ расширить свою территорію за счетъ мобилизуемыхъ надѣльныхъ земель, тѣмъ болѣе, что эти земли продаются почти вдвое дешевле пріобрѣтаемыхъ черезъ крестьянскій банкъ Но именно большая зависимость роста мелко-буржуазныхъ элементовъ отъ политическихъ факторовъ дѣлаетъ его такимъ же неустойчивымъ, какимъ оказался захватъ земли верхними классами въ XVIII-мъ вѣкѣ. Въ Пруссіи, полвѣка тому назадъ, точно также въ моментъ перелома въ сельскомъ хозяйствѣ, территорія крупно-крестьянскихъ хозяйствъ, которымъ покровительствовало тогдашнее правительство, нѣсколько расширилась за счетъ земель чисто трудовыхъ элементовъ деревни. Однако, теперь, когда интенсификація земледѣлія стала уже всеобщимъ явленіемъ, когда почти не встрѣчается крестьянскихъ хозяйствъ, не принимающихъ участія въ той или иной кооперативной организаціи, прусскіе Grossbauern снова сдаютъ шагъ за шагомъ свои позиціи среднимъ слоямъ. Мелкая буржуазія оказывается сильнѣе трудовой массы до тѣхъ поръ, пока эта масса раздроблена. Тогда въ «борьбѣ за землю» каждый «крѣпкій» хозяинъ обладаетъ большими преимуществами передъ рядовымъ крестьяниномъ, дѣйствующимъ въ одиночку: у него гораздо больше денежныхъ средствъ, онъ выше по развитію и вначалѣ первый выступаетъ на путь агрономическихъ новшествъ Но у него нѣтъ такихъ запасовъ живого труда, какіе имѣются у трудовой массы: поэтому, при

прочихъ равныхъ условіяхъ, мелкое хозяйство всегда интенсивнѣе средняго и крупнаго, т.-е. болѣе приспособлено къ сельско-хозяйственному прогрессу. Благодаря этому преимуществу, оно вытѣснило въ Полтавской губ. «заможныя» скотоводческія хозяйства, когда населеніе перешло на паровую зерновую систему; пріобрѣтая при помощи кооперації необходимыя денежныя средства и знанія, оно оттѣсняетъ на задній планъ мелкихъ и крупныхъ капиталистовъ въ Германіи, въ интенсивномъ фазисѣ сельскаго хозяйства.

Будемъ же надѣяться, что и у насъ, умудренныхъ опытомъ Зап. Европы, кооперативное движеніе и общественная агрономія придадутъ, въ настоящій трудный моментъ, силу и устойчивость той многомилліонной массѣ трудового крестьянства, для которой земля служитъ единственнымъ источникомъ существованія.

Н. Огановскій.